

М. РОУН ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

МЕЛАНИ РОУН

ПРИНЦ ДРАКОНОВ
ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

**МОСКВА
ТОО «ТРАНСПОРТ»
«ДИАЛОГ»
1996**

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

МЕЛАНИ РОУН

ПРИНЦ ДРАКОНОВ

(Трилогия в 6-ти томах)

ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

*Перевод с английского
Е. А. Каца*

Величественная сага, сложенная Мелани Роун, повествует о войне, о солнечной магии, борьбе могущественных принцев за власть и о драконах — смертельно опасных, но хранящих тайну, значение которой превосходит всякое воображение...

ТРИЛОГИЯ «ПРИНЦ ДРАКОНОВ»

КНИГА 1. ПРИНЦ ДРАКОНОВ

КНИГА 2. ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

КНИГА 3. ОГОНЬ ФАРАДИМА

Главный герой первой книги — юный принц Рохан, правитель государства, власть над которым принадлежит его роду, «пока Долгие Пески изрыгают огонь». Вместе с «солнечной колдуньей» Сьонед, по воле Огня ставшей его невестой, он вступает в борьбу за власть над всем континентом с верховным принцем Ролстрой и тщетно сопротивляется уничтожению драконов, владеющих тайной, которая рано или поздно спасет мир.

В центре второй книги стоит образ Поля, сына Рохана, которому достались способности солнечного мага — фарадима. Не успев достичь зрелости, он вынужден вступить в битву с несколькими потомками убитого Роханом Ролстры. Но его подстерегает еще более грозный противник — древнее колдовство, казалось, уничтоженное много лет назад. Страшная опасность нависает не только над верховным принцем, но и над всеми фарадимами. Однако справиться с врагом можно будет только тогда, когда удастся найти давно потерянный таинственный Звездный Свиток...

Третья книга посвящена отчаянной битве с могучим противником, поклявшимся уничтожить фарадимов. Звездный Свиток — единственный документ, сохранившийся с древнейших времен — рассказывает о том, как бороться с врагом. Однако это нелегко. Вся страна охвачена пламенем, брат встает на брата, и даже бороздящие небо драконы не в силах противостоять черной магии...

ТРИЛОГИЯ «ЗВЕЗДА ДРАКОНОВ»
КНИГА 1. СТРОНГХОЛД
КНИГА 2. ЗНАК ДРАКОНА
КНИГА 3. СКАЙБОУЛ

Новая трилогия начинается в тот момент, когда долгую мирную жизнь прерывает вторжение силы настолько неодолимой, что ей не могут противостоять ни армия верховного принца, ни искусство фарадимов, ни огненное дыхание драконов...

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

Место действия эпоса — обширный континент, разделенный на тринадцать государств, во главе которых стоят могущественные принцы. Верховным принцем, которому формально подчиняются все остальные, является жестокий тиран Ролстра, отец семнадцати дочерей, не имеющий наследника мужского пола.

Одним из наиболее сильных и богатых государств — Пустыней — правит отважный старый принц Зехава, знаменитый драконоборец. Получив смертельную рану в бою с десятиным драконом, Зехава передает власть над Пустыней сыну, юному принцу Рохану, мечтающему реформировать не только собственную страну, но и весь континент. Однако для этого необходимо вступить в борьбу с верховным принцем.

Тетка Рохана, леди Андраде, глава магов — фарадимов, умеющих использовать солнечный и лунный свет для передачи сообщений, стремится женить племянника на своей воспитаннице. Рыжеволосая Сьонед много лет назад увидела в Огне, что ей суждено выйти замуж за Рохана и вместе с ним получить власть над континентом. После долгого путешествия Сьонед прибывает к жениху.

Принц рассказывает невесте о задуманной им интриге: он воспользуется стремлением Ролстры выдать замуж за Рохана одну из своих дочерей, добьется подписания нужных ему договоров, а потом женится на Сьонед. Но их помолвку следует держать в строжайшей тайне.

Перед отъездом на Риаллу (проходящую раз в три года встречу принцев, на которой подписываются политические и экономические договоры между государствами) Рохан

и Сьонед принимают участие в избииении новорожденных дракончиков и делают важное открытие: огненное дыхание юных драконов превращает в золото скорлупу яиц, из которых они вылупились.

Во время Риаллы Рохану удается перехитрить Ролстру, однако верховный принц и его дочь, прекрасная и коварная Янте, становятся смертельными врагами юноши. Стремясь отомстить, Ролстра с помощью дочери похищает Сьонед. Рохан побеждает Ролстру в поединке, освобождает Сьонед и женится на ней.

Тем временем любовница Ролстры Палила рождает ему восемнадцатую дочь. Обозленный неудачами, Ролстра убивает Палилу и отдает леди Андраде не только новорожденную, но и свою старшую дочь Пандсалу, пытавшуюся подменить девочку мальчиком. У Пандсалы обнаруживается дар фарадима, доставшийся ей в наследство от покойной матери. Янте получает от отца в подарок крепость Феруче, стоящую на границе с Пустыней. Отныне она будет ждать случая отомстить Рохану.

Проходит три года. Выясняется, что Сьонед бесплодна. Планы леди Андраде «привить к царственному дереву веточку фарадимов» терпят крах.

Начинается чума. Погибают половина населения континента и почти все драконы. Болезнь оказывается на руку Ролстре, являющемуся единственным обладателем лекарства от нее. Рохан с помощью «драконьего золота», секрет которого был известен его отцу (этим и объясняется тайна богатства Пустыни), покупает у Ролстры лекарство и пытается с его помощью спасти не только своих родных и сторонников, но и драконов.

Янте, успевшая родить трех сыновей от разных любовников, похищает Рохана, опаивает его наркотиком, обольщает и зачинает от него ребенка. Одновременно Ролстра выступает в поход против Пустыни сразу с севера и юга. Сьонед в одиночку отправляется выручать мужа, но сама попадает в плен. Янте, удостоверившись, что беременна, отпускает обоих: ей нужны живые свидетели того, что отцом ребенка действительно является Рохан.

Рохан после долгой войны побеждает Ролстру, в поединке убивает его и получает прозвище «Принц драконов».

Сьонед дожидается родов Янте, затем вновь пробирается в Феруче, отнимает мальчика и сжигает крепость. Один из спутников Сьонед убивает Янте, но ее трое малолетних сыновей спасаются. На обратном пути Сьонед первой из фарадимов обучается пользоваться светом звезд, объявляет мальчика своим сыном, совершает над ребенком обряд наречения и дает ему имя Поль. Новорожденный оказывается наделенным даром фарадима, доставшимся ему от бабки по материнской линии.

Книга заканчивается описанием грандиозного пира принцев в замке Рохана и воцарением вечного мира. Рохан становится верховным принцем. Первым же указом он запрещает убивать драконов.

КНИГА 2

ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

Главы 1—14

Я получила огромное удовольствие от «Принца драконов» — а вы знаете, сколько времени я увлекалась драконами. Эти драконы совсем другие — может быть, даже более поразительные... Книгу отличают тщательная проработка деталей, замысловатый сюжет (вернее, несколько сюжетов) и прекрасная находка — использование света для передачи сообщений, способность психики испускать своеобразные лазерные лучи, неподвластные пространству!

Энн Маккефри,
автор эпопеи «Всадники Перна»

ЧАСТЬ 1

СВИТОК

ГЛАВА 1

Грэйперл* — прекрасный, похожий на драгоценную шкатулку дворец принца Ллейна — стоял на вершине холма, окруженный роскошной зеленой травой и цветущими деревьями. Построенный из камня, на закате и рассвете переливавшегося всеми цветами радуги (за что и получил свое название), он был одним из немногих замков принцев, не превратившихся в крепости. Остров Дорваль не нуждался в фортификационных сооружениях: он никогда не знал междоусобиц и со времен прапрадедов жил в мире со всем континентом. Если же его жители и участвовали в военных действиях, то только на чужой территории (как было в последнюю войну, когда моряки Ллейна сыграли не последнюю роль в победе принца Пустыни Рохана над объединенной армией верховного принца Ролстры и Ястри Сирского). Башни Грэйперла были возведены для красоты, а не для войны.

Сады росли на разбитых террасах, спускавшихся к крошечной гавани, откуда в сезон добычи жемчуга отплывали парусные лодки ловцов. Целая армия садовников зорко следила за тем, чтобы никто не топтал охваченные весенним буйством цветы и травы, не портил кусты и деревья, но ни один из них не осмелился бы приказывать мальчику, который бежал по тропинке, петлявшей между розовыми кустами, и гнал ногами мячик из оленьей шкуры. Это был тоненький подросток, пожалуй, слишком маленький для своих четырнадцати зим. Однако видно было, что с годами он станет рослым юношей, а ловок он был так, что, фехтуя на затуп-

---

* Грэйперл — перламутр (букв. «серая жемчужина» — англ.). — Здесь и далее прим. пер.

ленных ножах или деревянных мечах с оруженосцами куда старше себя, частенько заставлял их плакать. Белокурые волосы (скорее темные, чем светлые) обрамляли его живое, подвижное овальное личико с красивыми большими глазами, оттенок которых в зависимости от настроения или цвета одежды менялся от голубого до зеленого. Лицо было смышленное и подвижное; вместе с тем в нем читалась врожденная гордость, становившаяся все более видимой по мере того, как его черты теряли детскую припухлость. Впрочем, человек посторонний ни за что не отличил бы его от какого-нибудь воспитывавшегося при дворе принца Ллейна оруженосца, который освободился от выполнения своих обязанностей и весело играл в саду сам с собой. Ничто не выдавало в нем единственного сына верховного принца, которому было предназначено судьбой унаследовать не только исконно принадлежавшую роду отца Пустыню, но и Принцеву Марку.

За ним с сочувственной улыбкой следила принцесса Аудрите, жена наследного принца Чадрика. Ее собственные сыновья выросли при чужих дворах — так же, как этот принц — и вернулись оттуда искусными и доблестными юными рыцарями, а не ее маленькими мальчиками. Хоть она порой и вздыхала, тоскуя по подрастающим сыновьям, но дни Аудрите наполняла забота о других отроках, кое-кто из которых сумел завоевать кусочек ее сердца. Одним из ее любимцев навсегда остался Мааркен, старший сын лорда Чейналя Радзинского и двоюродный брат игравшего в саду мальчика. У Мааркена были острый ум и бриллиантовая улыбка. Но этот солнечный юный принц сильно отличался от всех остальных. Он казался сотканным из воздуха и света, был вспыльчив, как вязанка хвороста, и склонен к проказам, которые не раз навлекали на него грозу. Собственно говоря, сегодня он еще не заслужил отдыха, как другие оруженосцы, поскольку должен был переписать ей сто строк стихов в наказание за вчерашнее озорство на кухне: что-то связанное с большим количеством перца и взрывающимся рыбьим пузырем... Она не собиралась углубляться в подробности. Ум у юного Поля был изобретательный, и Аудрите боялась расхохотаться. Она выбрала для него самую суровую кару; если бы ему задали решить сотню примеров по математике, он

разделался бы с ними в мгновение ока и даже не понял бы, что это наказание.

Принцесса расправила тонкое шелковое платье и села на скамью, не желая отрывать Поля от игры, пока она не найдет нужных слов. Однако вскоре мимо пролетел мяч, лихо посланный вперед ударом ноги, а вслед за ним перед принцессой вырос Поль. Несмотря на удивление, он отдал принцессе поклон, достойный благовоспитанного юного лорда.

— Прошу прощения, миледи. Я не хотел беспокоить вас.

— Все в порядке, Поль. По правде говоря, я искала тебя, но решила немного посидеть в тени. Удивительно жаркая весна, не правда ли?

Он еще не был достаточно искушен в ведении светской беседы, чтобы поддерживать разговор о погоде, предназначенный для того, чтобы Аудрите могла собраться с духом.

— У вас для меня новости, миледи?

Аудрите пришлось дать такой же прямой ответ.

— Твой отец попросил разрешения на время забрать тебя у нас. Он хочет, чтобы ты вернулся в Стронгхолд, по пути заехал в Радзин, а потом отправился с ним и матерью на Риаллу.

На лице мальчика вспыхнул румянец.

— Домой? Правда? — Поль понял, что его радость может быть неправильно истолкована, и тут же спохватился: — Я хочу сказать, что мне здесь нравится и что я буду скучать по вас, милорду Чадрику и моим друзьям...

— И мы будем скучать по тебе, Поль, — понимающе улыбнулась Аудрите. — Но мы ведь тоже едем на Риаллу, а когда она закончится, заберем тебя с собой в Грэйперл, чтобы ты мог продолжить обучение. Сам знаешь, у оруженосцев, пока они не станут рыцарями, каникул не бывает. Думаешь, ты уже достаточно узнал, чтобы не посрамить чести принца Ллейна?

Поль задорно усмехнулся.

— Если я чего-то и не сумею, отец поймет, что в этом виноват я сам, а не кто-то другой!

Аудрите улыбнулась в ответ.

— Да уж, когда ты впервые приехал к нам, отец много написал о тебе!

— Ну, тогда я был совсем маленький! — воскликнул он,

начисто забыв о вчерашней каверзе, по сравнению с которой прошлые выходки казались сущим пустяком. — Теперь я не сделаю ничего такого, за что вам пришлось бы краснеть. Я уже перерос детские проказы. — Он сделал паузу и посмотрел на видневшееся вдали море. — Хотя... Мне ведь придется плыть, правда? Я попытаюсь справиться с этим лучше, чем в первый раз.

Принцесса пригладила его светлые волос.

— В этом нет ничего стыдного, Поль. На самом деле тебе есть чем гордиться. Обычно все «Гонцы Солнца», оказавшись на воде, теряют свое достоинство вместе с завтраком!

— Но я принц и должен управлять собой лучше, чем другие. — Он вздохнул. — Однако отсюда до Радзина путь неблизкий...

— Через два дня в Радзин отплывает корабль с грузом шелка. Принц Ллейн договорился о местах. Меат составит тебе компанию.

На лице Поля появилась не то усмешка, не то гримаса.

— Значит, нас будет тошнить дуэтом!

— Я думаю, что таким образом Богиня учит вас, фарадимов, смирению... Так что можешь подниматься наверх и собирать вещи.

— Да, миледи. А завтра... — Он замялся, но продолжил: — Можно мне спуститься в гавань и поискать подарки для мамы и тети Тобин? Я почти ничего не истратил из того, что присылал мне отец, так что денег у меня достаточно.

Принцем руководил безошибочный инстинкт: мальчик был щедр и заботился о том, чтобы доставить удовольствие дамам. Этому лицу и улыбке предстояло разбить немало сердец еще до наступления зрелости, машинально отметила Аудрите. Она бы с радостью полюбовалась на это зрелище...

— Завтра вы с Меатом освобождаетесь от всех дел. Но, кажется, ты мне кое-что должен. Сколько там было строк?

— Пятьдесят? — с надеждой спросил Поль, но тут же вздохнул. — Сто. К вечеру сделаю, миледи.

— Если я не получу их даже завтра утром, особой беды не будет, — намекнула она, получив в награду еще одну широкую улыбку. Мальчик благодарно поклонился и побежал наверх, во дворец.

Аудрите еще немного посидела в тени, а потом тоже

ушла из сада. Поступь ее была легкой и энергичной; несмотря на то, что принцессе исполнилось сорок девять зим, страсть к верховой езде позволяла ей сохранять стройность и гибкость. Она отперла калитку, которая вела в святилище, и остановилась полюбоваться часовой, напоминавшей сверкающий самоцвет. Самой роскошной часовой во всех тринадцати государствах континента считалась часовня замка Крэг, построенная вокруг выдававшейся из скалы огромной глыбы хрусталя, но Аудрите не могла себе представить ничего более прекрасного, чем часовня Грэйперла — и не только потому, что она сама принимала участие в ее возведении.

Резные каменные колонны, перевезенные сюда из покинутой крепости на дальнем конце острова, обрамляли стены из светлых бревен и сверкающего цветного стекла. Взмывавший высоко вверх расписной деревянный потолок был испещрен маленькими окошками для света. Могло показаться, что эти окошки разбросаны как попало, но это было далеко не так: на самом деле они представляли собой сложную систему. Часовня вполне заслуживала названия замка. Ее, выстроенную из деревьев, росших на Земле, освещал Огонь солнца и лун, обвевал Воздух и окружала Вода, поток которой орошал сады. Аудрите миновала небольшой пешеходный мостик и, как всегда, затаив дыхание от красоты этого места, остановилась между колоннами. Это напоминало погружение в радугу. И если даже она, стоя здесь, впадала в экстаз, чувствуя себя обътой всеми цветами и оттенками, существовавшими в мире, то какое же наслаждение должны были испытывать тут фарадимы!

Восстановить потолок оказалось труднее всего. Некоторые из опор были утрачены; Аудрите потребовалось несколько лет на то, чтобы разобраться, как правильно расположить окна. Плиты мозаичного пола тщательно извлекли из земли и буйных трав, которыми заросла разрушенная крепость, и сложили заново. На каждой плите был изображен символ определенного времени года и фазы лун в ту или иную ночь. У Аудрите ушли годы на то, чтобы решить эту головоломку и заказать новые плиты взамен истертых и разбитых в незапамятные времена. Ее упорные попытки с помощью посланных в Дорваль «Гонцов Солнца» Меата и Эоли рассчитать, как связаны между собой пол и пото-

лок, наводили на остальных благоговейный страх. Достаточно было малейшей ошибки, чтобы восстановление часовни закончилось крахом.

Двадцать один год назад принц Ллейн узнал от правившей Крепостью Богини и всеми «Гонцами Солнца» леди Андраде, что брошенная крепость некогда принадлежала фарадима́м. Столетиями оттуда брали камень для строительства других зданий, в том числе и Грэйперла, однако настоящие серьезные раскопки были начаты здесь только осенью, сразу после возвращения Ллейна с Риаллы. Этот шедевр древней архитектуры и еще одна вещь стали важнейшими из находок... Аудрите медленно шла по плитам со знаками лета, улыбаясь от ощущения совершенной красоты часовни и абсолютной точности собственных расчетов. Самый замечательный календарь на весь континент был восстановлен один к одному.

Услышав шаги на мостике, она обернулась. В часовню вошел Меат и приветствовал принцессу поклоном.

— Сегодня полнолуние, — с улыбкой сказал он, разделяя ее радость и удовлетворение от совместной работы.

— Можешь воспользоваться этим, чтобы связаться с принцессой Сьонед, — ответила Аудрите.

— Значит, вы уже сказали Полю?

— Да. Я должна буду передать тебе свитки. — Она слегка нахмурилась. — Меат, ты думаешь, имеет смысл отправлять их Андраде? Она очень стара. Ей может не хватить времени для расшифровки, а где гарантия, что следующая леди или лорд Крепости Богини сумеют мудро воспользоваться этим знанием?

Фарадим приподнял плечи и широко развел руками; его кольца вспыхнули в ярких цветных лучах.

— Я убежден, что она переживет нас всех, хотя бы из чистого упрямства. — Он улыбнулся, а затем покачал головой. — Однако я согласен, риск есть. Но все же лучше дать Андраде возможность изучить их и решить, что с ними делать, чем сидеть и ждать того, кто придет ей на смену.

— Ты ведь сам нашел их, — медленно сказала Аудрите. — Я только помогла, как сумела, расшифровать кое-какие слова. Одна Богиня знает, как это было трудно и как

мало я поняла,—огорченно добавила она.—Но вся ответственность за них ложится на тебя.

— Ну что ж, я действительно выкопал их из-под развалин, но не мне решать, что с ними делать. Если они так важны, как мы предполагаем, то не моего ума дело, как быть с заключенным в них знанием. Я предпочел бы поскорее передать свитки в руки Андраде. Либо она поймет и воспользуется ими, либо уничтожит, если решит, что они слишком опасны.

Аудрите кивнула.

— Ближе к ночи придешь ко мне в библиотеку, и я передам тебе свои заметки.

— Спасибо, миледи. Я знаю, Андраде оценит их по достоинству.—Он снова улыбнулся.—Хотел бы я, чтобы вы могли присутствовать при этом и видеть ее лицо!

— Я тоже. Лишь бы содержание свитков не слишком потрясло ее...

* * *

На следующее утро Поль вручил принцессе Аудрите тщательно переписанную сотню строк стихов и получил разрешение съездить с Меатом в гавань. Товары, которыми торговали в лавочках, тесно расположившихся на главной улице деревни, не слишком отличались от того, что продавалось в главном торговом порту Дорваля, ниже по побережью, или в порту Радзина. Однако было здесь и кое-что особенное—изделия местных ремесленников, которых нельзя было найти в других местах: поделки из остатков знаменитого дорвальского шелка или украшения, искусно сделанные из жемчуга с изъянами, недостаточно ценного, чтобы продать его на рынке. Поль и Меат оставили своих лошадей у конюязи напротив портового трактира, где они собирались попозже поесть, и пошли по улице, разглядывая витрины лавок.

Конечно, все купцы прекрасно знали Поля, но когда дело доходило до покупки, вели себя совершенно по-разному. Одни, зная о богатстве его отца, заламывали бешеную цену, рассчитывая урвать свою долю из богатств верховного принца. Других же больше заботила благосклонность Рохана,

и в надежде на заступничество Поля они бессовестно занимали стоимость товара. Поэтому у юного принца вошло в привычку разглядывать товар через витрину и прежде, чем сделать покупку, советоваться с товарищами о том, сколько может стоить та или иная вещь... Дважды пройдя по улице, Меат наконец спросил Поля, не собирается ли тот потратить на покупки целый день. Терпения «Гонца Солнца» хватило еще на один рейд; после этого он велел мальчику вернуться на постоянный двор и подкрепиться.

Принц Ллейн не допускал в этот порт буянов из дальних стран. Конечно, он пытался бороться с их выходками и в других местах, но сюда, в окрестности дворца, вход иностранным морякам был запрещен. Все, что приманивало таких людей — таверны с подачей крепких напитков, где то и дело вспыхивали потасовки, подозрительные ночлежные дома, где они коротали время в перерывах между плаваниями, и женщины, с которыми они спали — было тщательно удалено из маленькой гавани Грэйперла. Слуги закона строго следили за соблюдением порядка и заботились о безопасности не только местных жителей, но и благородных юношей, которые приплывали на Дорваль, чтобы служить во дворце оруженосцами; старый принц и сам частенько спускался в порт пообедать или прогуляться на свежем воздухе. В тот трактир, который Меат выбрал для Поля, много лет назад привел фарадима сам Ллейн. Это было чистое и уютное место, абсолютно безопасное для наследника верховного принца. Но даже если бы это было и не так, огромного роста, широких плеч и колец фарадима Меату хватило бы, чтобы отвести от Поля любую угрозу.

— Благослови тебя Богиня, «Гонец Солнца»! И вас, молодой господин, тоже! — Хозяин, которого звали Гиамо, вышел из-за стойки, низко поклонился и повел их к столику: — Для меня большая честь служить вам обоим! Сегодня у нас прекрасная холодная телятина, хлеб только что из печки, первые ягоды — такие сладкие, что никакого меда к ним не нужно. И хотя моя женушка давно положила на них глаз — ничего, перебьется! Как, подойдет?

— Вполне! — с довольным вздохом ответил Меат. — Можешь добавить большую кружку эля для меня, а для

моего друга что-нибудь соответствующее его юному возрасту.

Поль бросил на спутника укоризненный взгляд, подождал, пока трактирщик не ушел за едой, и сказал:

— Что же, по-твоему, «соответствует» моему возрасту? Стокан молока? Я не младенец, Меат!

— Конечно, нет, но с тем элем, который варит Гиамо, тебе еще не справиться. Он не для того, кому едва исполнилось четырнадцать зим! Сперва подрасти на несколько пальцев и обрасти мясом, а там видно будет,— усмехнулся Меат.— Не хватает только, чтобы твоя мать напустилась на меня за то, что я тебя спаиваю!

Поль скорчил гримасу, но вскоре переключил внимание на других посетителей трактира. Тут было несколько ловцов жемчуга, безошибочно узнаваемых по гибким, жилистым телам с хорошо развитыми грудными мышцами и шрамам на руках от выкапывания раковин из щелей между скалами. Их кожа, продубленная водой и солью, за зимние месяцы слегка посветлела, но вскоре им снова предстояло выйти на своих утлых лодочках в море на ежегодный сбор и с головы до ног покрыться бронзовым загаром — подарком жаркого летнего солнца. Оруженосцы Ллейна часто доставляли себе удовольствие поплавать под парусом по жемчужной отмели, но Поль к их числу не относился. Стоило мальчику только поглядеть на эти крошечные плоскодонки, подпрыгивающие на мертвых якорях, как его одолевала унизительная тошнота.

В одном углу комнаты сидела пара купцов; трапеза ничуть не мешала им с увлечением торговаться о цене лежавших на столе образцов шелка. Молодой человек пылко ухаживал за сидевшей рядом хорошенькой девушкой. Забыв про стоявшие перед ними тарелки, он что-то нашептывал ей на ухо, заставляя красотку заливаться смехом. Около двери расположились пять воинов — четверо мужчин и женщина средних лет. На всех них были легкие доспехи, однако мечи отсутствовали: здесь их ношение было запрещено. Прочные красные туники украшал герб принца Велдена Крибского.

— Меат, откуда в Грэйперле взялись эти люди? — тихо спросил Поль.

— Кто? — оглянулся тот. — Ах, эти... Сегодня утром

прибыл посол из Криба. Хочет договориться о поставках шелка.

— Но ведь есть соглашение, согласно которому вся торговля шелком идет через Радзин.

— Что ж, пусть попробуют уговорить принца Ллейна. Это ведь не возбраняется, верно? Правда, не думаю, что у них что-нибудь выйдет. Едва ли это может серьезно угрожать доходам твоего дядюшки... или твоим собственным,— лукаво закончил он.

Поль ошетинился.

— Дорваль может делать со своими шелками все, что ему хочется...

— До тех пор, пока это сулит Пустыне прибыль? — засмеялся Меат и тут же предупреждающе поднял руку. Зелено-голубые глаза мальчика вспыхнули. — Извини. Не смог удержаться.

— Я говорил о договорах и законе, а не о прибыли, — сурово возразил Поль.

— Думаю, ты скоро поймешь, насколько гибки законы в том, что касается денег.

— С тех пор, как мой отец стал верховным принцем, это не так! — заявил мальчик. — Закон есть закон, и отец следит за тем, чтобы он выполнялся.

— Все это выше понимания простого «Гонца Солнца», — ответил Меат, едва удерживаясь от новой улыбки.

Гиамо принес поднос и поставил перед ними две огромных тарелки с едой, кружку эля для Меата и кубок из фиронского хрусталя, наполненный прозрачной бледно-розовой жидкостью, пронизанной золотистыми пузырьками. Поль, с которого хозяин не сводил глаз, сделал глоток и довольно улыбнулся:

— Чудесно! Что это?

— Продукт моего собственного изготовления! — похвастался счастливый Гиамо. — Лучший очищенный сидр, чуть подкрашенный соком красники!

— Это вкус самой весны, — похвалил Поль. — Для меня большая честь, что его подали в кубке.

— Это честь для моей жены, — с поклоном ответил Гиамо. — Далеко не каждая женщина может похвастаться тем,

что такой знатный лорд ел за ее столом и пил из ее любимого кубка.

— Если она не слишком занята, я хотел бы пройти на кухню и поблагодарить ее.

— Как только закончите трапезу, добро пожаловать! — улыбнулся Гиамо. — Но учтите: моя милая женушка — ее зовут Вилла — такая болтушка, что заговорит и дракона!

«Гонец Солнца» и принц углубились в еду. Здоровый аппетит растущего мальчика и большого, сильного мужчины вскоре заставил обоих потребовать добавки; затем Меат послал за третьей порцией говядины и хлеба, а Поль искренне пожалел, что не в состоянии повторить сей славный подвиг. Он переключился на ягоды и, прихлебывая сидр, подумывал, не стоит ли уговорить Гиамо расстаться с еще одной бутылкой, которую можно было бы отвезти в подарок матери, обожавшей хорошие вина.

Ловцы жемчуга ушли; их места заняли трое корабельных мастеров, пришедшие пропустить по кружечке эля. Торговцы шелком принялись подтрунивать над молодым человеком и его девушкой. Когда парочка вспыхнула, Поль украдкой усмехнулся. Через несколько лет придет и его черед наслаждаться обществом обворожительной дамы, но это подождет. Он никуда не торопится.

Меат наконец насытился и откинулся на спинку стула, держа в руке кружку. Он был готов продолжить беседу.

— Ты так и не сказал, присмотрел ли в местных лавочках что-нибудь подходящее.

— Ну... там были очень красивые туфельки из зеленого шелка и гребешок из перламутра. Но принц Чадрик говорил мне, что мужчина не должен покупать даме подарок до тех пор, пока не представит себе, что она носит эту вещь или пользуется ею.

«Гонец Солнца» засмеялся.

— Великолепный способ! Так вот почему Аудрите всегда так прекрасно выглядит!

— Ты мог бы испробовать этот способ на девушке, которая живет в западном крыле, — сделав невинные глаза, сказал Поль. — Я слышал, что ты до сих пор не добился у нее успеха.

Меат поперхнулся элем.

— Откуда ты знаешь об...

Поля только рассмеялся.

Тем временем с кухни пришла жена Гиамо. Она вытирала руки о фартук и явно готовилась выслушать комплименты восхищенного гостя. Собиравшиеся уходить купцы все еще добродушно спорили из-за шелка. Молодой человек отпустил очередную шутку, девушка воскликнула: «Ох, Риальт, я больше не могу!», корабельные мастера рассмеялись и потянулись к нему с кружками. Все были довольны и веселы. В этот момент один из воинов резко отодвинул стул, вскочил на ноги и что-то хрипло прорычал. Это заставило всех повернуть головы в его сторону. Меат увидел блеск обнаженной стали и тут же встал со стула. Его внушительная фигура как бы невзначай отделила Поля от солдат. Захваченные врасплох купцы остановились на полдороге и тревожно посмотрели на «Гонца Солнца». Он подбодрил их кивком.

— Эй, ребята,— осторожно начал Меат,— вы не могли бы решить свой спор где-нибудь в другом месте?

Обычно роста, ширины плеч и колец Меата хватало, чтобы прекратить любую потасовку. Но это были наемники, злые и не желавшие терпеть замечания даже от фарадима. Тот самый бородач, который начал ссору, прорычал:

— Это тебя не касается, «Гонец Солнца»!

— Брось нож,— ответил Меат, на сей раз не так миролюбиво. Купцы попятились, комкая в руках образчики шелка; испуганная девушка опустилась на стул.

Вилла шагнула вперед и уперлась руками в бока.

— Как вы смеете нарушать мир в трактире?— воскликнула она.— Да еще в присутствии...

Меат прервал ее, помешав упомянуть имя Поля.

— Уходите отсюда, друзья мои, пока не попали в беду!

Женщина, которая, судя по общитому тесьмой воротнику, была их командиром, тоже выхватила нож.

— Закрой свою дерзкую пасть, фарадим, пока сам не попал в беду! Не смей так разговаривать с личными телохранителями принца Велдена!

Бородач угрожающе взмахнул ножом; в лучах солнечного света серебристо сверкнуло лезвие, и жена трактирщика

испуганно взвизгнула. Купцы попытались укрыться за парой стульев. Внезапно наступила тишина, и клинок полетел в грудь Меата.

— Нет! — выкрикнул юный голос. Меат легко уклонился от ножа, и посреди стола, за которым сидели воины, ударил фонтан Огня «Гонца Солнца». Они вскрикнули и испуганно отпрянули. В тот же миг к ним бросился Меат. Двое солдат врезались в стенку, а женщина повалилась прямо на перепуганных купцов. Риальт вырвался из рук цеплявшейся за него девушки, вскочил и кинулся на бородатого воина. Трое корабелов, под тонкими рубашками которых бугрились изрядные мускулы, торопливо допили остатки эля и тоже вступили в драку.

Когда с буянами покончили, у Меата красовалась ссадина на челюсти и неглубокий порез на руке. Однако это не мешало ему обрушить стол на макушку крибца, которому не хватило ума подольше полежать на полу после зуботычины Риальта. Двое корабельных дел мастеров держали второго солдата, пока Риальт не испробовал на нем свой любимый удар; тем временем Вилла связывала потерявшую сознание женщину скрученными салфетками. Голова четвертого солдата застряла в устье камина; пятый воин распластался на полу. Сидевший на его спине корабел довольно улыбался Меату.

— Спасибо за представление, милорд «Гонец Солнца»! Давно я так не смеялся! С самого переезда в этот порт!

— С нашим удовольствием, — ответил Меат и оглянулся, разыскивая Поля. Мальчик отпаивал элем побледневшую девушку. Он был невредим, и Меат, у которого еще подрагивали коленки, облегченно вздохнул. Фарадиму не хотелось думать о том, что бы ему сказала Сьонед, увидев сына раненым.

Тем временем из винного погреба поднялся отдувающийся Гиамо и удивленно вскрикнул. Меат похлопал его по плечу.

— Все уже улажено. Вот только боюсь, что мы превратили ваш трактир в мясную лавку... — Фарадим опустил глаза: искусные руки принялись обрабатывать его рану. — Это пустяк, — сказал он Вилле.

— Пустяк? — фыркнула она, разрывая передник и перевязывая его руку. — Ничего себе пустяк! В моем доме чуть не дошло до смертоубийства! Вы бы лучше дознались, кто эти негодяи и откуда они, а я тем временем поищу вина покрепче, которое возместит вам потерю крови!

Меат готов был заявить, что его рана — всего лишь царапина, но вовремя вспомнил о славном вине, которым угощал его принц Ллейн прошлой осенью в этом самом трактире. Он готовно кивнул, и Вилла фыркнула снова.

Оказалось, что главный ущерб был нанесен не столько людям, сколько мебели и посуде. Риальт отделался ссадиной на плече, которая должна была пройти через несколько дней, а у купцов вообще пострадали не столько бока, сколько достоинство. Меат поднял опрокинутый стул, проверил его на прочность и ткнул пальцем в сидевшую на полу командиршу крибцев. Руки женщины были связаны за спиной.

— Садись, — пригласил он.

Она неловко поднялась и молча подчинилась приказу. Ее красная туника слегка потемнела на плече, но Меат рассудил, что рана не опасна. Троим ее друзьям предстояло помяться головной болью, а четвертый какое-то время смог бы передвигаться только на карачках. Удостоверившись, что их жизни ничто не угрожает, Меат встал перед командиршей и сложил руки на груди, не обращая внимания на дерзкое требование женщины немедленно освободить ее.

— Командир, — сказал он ей, — мне наплевать на то, что ты стоишь у дверей спальни принца Велдена, когда он уединяется там с женой. Ты знаешь местный закон.

— Это было наше личное дело! — огрызнулась она. — Ты не имеешь права...

— У меня, как и у всякого мужчины и женщины, есть право проверять, исполняется ли закон. Я хочу кое-что знать, и знать сию же минуту: твое имя, имена твоих людей и причину, которая заставила вас нарушить мир в государстве принца Ллейна. А затем ты принесешь извинения и возместишь ущерб, который вы нанесли этому заведению.

— Извинения! — Она чуть не задохнулась от злости и сверкнула глазами.

Меат посмотрел вниз и увидел, что Поль теребит его за рукав.

— Что тебе?

— Я послал Гиамо за стражами порядка. Они скоро будут здесь.

— Хорошая мысль. Спасибо. — Мальчик выглядел слегка бледным, но прекрасно владел собой. — С тобой все в порядке?

— Да. Но я не думаю, что это была простая размолвка, — задумчиво добавил он. — По правде говоря, мне кажется, что бородатый затеял ее умышленно.

Меат так испугался, что едва не забыл спросить, откуда Поль это взял и кто научил мальчика вызывать Огонь. Ни он, ни Эоли никогда не показывали принцу, как это делается. Может быть, Сьонед обучила его этому искусству еще в Стронгхолде? Едва ли. Иначе Поль давно бы все рассказал ему.

Фарадим заглянул в ясные глаза мальчика.

— И зачем же он это сделал? — спокойно спросил Меат.

— Чтобы убить меня, — пожал плечами Поль. — Риальт не дал ему метнуть второй нож. Ты занимался другими и не видел этого. Но этот бородатый и в первый раз целился не в тебя. Он пришел за мной.

Ни один четырнадцатилетний подросток не смог бы так спокойно говорить о попытке убить его... Меат хотел обнять мальчика за плечи, но Поль увернулся и шагнул к двери винного подвала, в которой показалась Вилла с глиняными кружками в руках. Поль взял одну из кружек, как следует приложился к ней, а затем помог хозяйке обнести вином остальных. Меат выдул свою порцию в два глотка, а затем подошел к бесчувственному мужчине, придавленному перевернутым столом.

Ничто в этом человеке не бросалось в глаза: ни рост, ни вес, ни цвет кожи, ни черты лица. Если бы не форменная одежда и борода, никто бы не обратил на него внимания. Однако и от того, и от другого было слишком легко избавиться. Меат не мог не задуматься над этим. Даже если бы у Велдена Крибского были веские причины для убийства Поля,

Меат никогда бы не поверил, что тот настолько глуп, чтобы подсылать к наследному принцу убийц, одетых в цвета Криба. Он прикинул еще и еще раз: нет, таких дураков не было на всем континенте. При мысли о хитроумном заговоре у Меата заболела голова. Он уже видел себя бросающим обвинение владельтельному принцу в попытке преднамеренного убийства... Нет, куда проще было освободить Велдена от подозрений и решить, что форма Криба была позаимствована убийцами для прикрытия и использована для того, чтобы пробраться в Грэйперл под видом воинов из сопровождения крибского посла, случайно оказавшихся в трактире именно в тот момент, когда туда зашел Поль.

Тогда борода должна быть такой же легко снимающейся маской, как и форма... Меат наклонился и принялся пристально разглядывать лицо мужчины.

— Что ты ищешь? — спросил Поль из-за спины фарадима.

— Сам не знаю, — признался Меат. — Похоже, эта борода у него совсем недавно. Она неровная и недостаточно длинная, чтобы ее как следует подстричь. Вот этот кусок подбородка почти голый...

Мальчик опустил на колени и потрогал бороду. Когда Поль поднял взгляд, у него были глаза ясновидящего.

— Мерид... — прошептал принц.

— Это невозможно. Они были уничтожены в тот год, когда ты родился. Вальвис перебил их в битве у Тиглата.

— Это мерид, — упрямо повторил Поль. — Шрам на подбородке именно в том месте, где надо. Они опытные убийцы. Кому еще могло понадобиться убивать меня?

Голос Поля слегка повысился, и Меат догадался, что мальчик потрясен. Фарадим помог принцу подняться на ноги, усадил его на стул, взял с подноса еще одну кружку и протянул подростку.

Рохан послал сына в Дорваль, чтобы обеспечить ему безопасность, понимая, что Меат — старый друг Сьонед со времен обучения в Крепости Богини — возьмет на себя обязанности телохранителя мальчика, когда тот будет выходить за пределы Грэйперла... У Меата затряслись руки при мысли о том, что могло произойти.

Поль пришел в себя и даже слегка порозовел. Он похва-

лил купцов и корабелов за их умение драться и говорил так непринужденно, словно это была простая трактирная стычка, а не покушение на убийство. Но беспечный оруженосец Ллейна исчез, уступив место молодому человеку, прекрасно знавшему, кому выгодна его смерть. Рохан и Сьонед сразу поняли бы, что их сын за несколько минут превратился из мальчика в мужа. Сейчас Поля узнали все, но когда Риальт, которого принц поблагодарил за быстроту, низко поклонился в ответ, казалось, что принц смутился. Как ни странно, это помогло Меату немного успокоиться.

Тем временем прибыла стража, и Меат с облегчением передал ей пленников. Они должны были предстать перед принцем Ллейном, и фарадима с мрачным удовлетворением предвкушал допрос мерида.

— Прошу прощения за причиненный ущерб, — сказал Поль Гиамо. — Жаль, кубок разбился. Я обещаю, что во время Риаллы найду ему замену.

— Мой кубок? — воскликнула Вилла. — Великая Богиня, при чем тут какой-то дурацкий кубок? Если бы ваш «Го-нец Солнца» не вызвал Огонь и не напугал их, разбилось бы то, что куда ценнее моего кубка и всей посуды в придачу!

Поль не стал поправлять ее. Пусть думает, что Огонь вызвал Меат.

— И все же когда я вернусь осенью, вы получите другой кубок из фиронского хрусталя.

Тут откашлялся один из купцов.

— Хорошо сказано, ваше высочество. Но я не согласен с почтенной Виллой. Их отвлек ваш крик. Пожалуй, именно он избавил меня от кровопускания, если не спас жизнь. Может быть, принцу и положено быть храбрым, но смелость всегда заслуживает награды.

— Мы знаем, что вы ничего не примете от нас лично для себя, — добавил его товарищ. — Но мы просим прийти к нам в лавку и выбрать все, что вы сочтете достойным несравненной красоты вашей леди матери.

Поль начал было отнекиваться, но Меат мягко прервал его:

— Вы очень щедры. Ради верховной принцессы Сьонед мы принимаем ваше предложение. — В данной ситуации от-

каз был бы оскорблением, но Поль еще не до конца признавал себя принцем, чтобы понимать такие вещи. Большинство людей привыкло верить, что благородные — существа другой породы, что они смелее и лучше простонародья. Они обязаны были верить в это, иначе возник бы вопрос: если знать ничем не отличается от обычных людей, то почему она правит государствами и поместьями? Возвратить долг прекрасными шелками было так же справедливо, как подарить Вилле новый кубок. Инстинкт Поля был безошибочным, хотя мальчик и не до конца понимал, что сделал нечто куда более важное, чем просто предложил возместить ущерб.

Однако он прекрасно умел брать на себя инициативу.

— Спасибо. Мать будет вам очень благодарна. Вы приедете в Виз полюбоваться ее новыми платьями, сшитыми из вашего шелка?

— Даже драконы не удержат нас от этого, ваше высочество! — Купцы галантно поклонились, и Поль улыбнулся. Один Меат заметил искорки смеха, мелькавшие в зелено-голубых глазах принца.

Позднее, когда они верхом возвращались в Грэйперл, Меат держал язык за зубами и размышлял над тем, как объяснить случившееся принцу Ллейну. Происшедшее казалось ясным, но фарадима волновало появление меридиана и вызов Огня. На полпути он остановил коня, посмотрел на Поля и сказал:

— Знаешь, если ты решил таким образом избежать расходов на подарок матери, так можно было выбрать способ полегче...

— Ты что, собираешься рассказать ей эту сказку?

— Мог бы. Но на самом деле меня больше заботит, как ты умудрился вызвать Огонь. Нет, жаловаться мне не на что. Они так испугались, что не смогли как следует сражаться. Но ведь от твоего Огня даже следа на столе не осталось, — добавил он.

— Может, леди Андраде даст мне за это первое кольцо? — лукаво спросил Поль.

— Ты бы лучше рассказал мне, кто тебя этому научил, — без улыбки предложил Меат.

— Никто. Просто нужно было отвлечь их, а этот способ показался мне самым подходящим.

Меат прищурился и устремил взгляд на уши своего коня.

— Дар фарадима был в роду и твоего отца, и твоей матери. Неудивительно, что он достался тебе в наследство. — Он натянул поводья и остановился в тени. Поль сделал то же самое. Меат пытливо заглянул в лицо мальчика и негромко промолвил: — Надо ли говорить, мой принц, насколько это опасно?

То, что Меат обратился к нему не по имени, а назвал его титул, заставило мальчика затаить дыхание. Он не мог отвести взгляда от глаз Меата. «Гонец Солнца» проверял, как долго он сможет влиять на мальчика. Этому искусству учились у леди Андраде все фарадимы; абсолютная концентрация взгляда захватывала людей в плен так же, как глаза дракона, моментально пригвождавшие к месту какую-нибудь овцу или оленя. Глядя в глаза Поля, Меат понял, что цвет их не имел ничего общего с морем. Это был цвет озаренного солнцем неба Пустыни; нестерпимо голубой цвет глаз его отца смешивался в них с цветом изумруда — яркого, как тот, что носила на пальце его мать, как лист, сквозь который пробивается лунный свет. У этого сына Пустыни с морем не было ничего общего.

Меат поднял руки, и его кольца отразили свет, пробивавшийся сквозь раскинувшуюся над ними листву.

— Мой отец был кузнецом в Гиладе, а мать — дочерью рыбака, ненавидевшей море. От нее я и получил дар фарадима. Первое из этих колец мне вручили за умение вызывать Огонь. На это мне понадобилось три года. Четвертое кольцо я заслужил, когда мне перевалило за двадцать, а еще через два года получил пятое и шестое. Может быть, твой дар сильнее моего. Но и потерять ты можешь больше, чем я.

— Потерять? — Поль нахмурился. — Наверно, ты хотел сказать «приобрести»?

— Нет, — резко сказал Меат. — Ты родился для двух видов власти. Ты принц, а однажды станешь «Гонцом Солнца».

— Ты хочешь сказать, что я могу потерять все это? —

прошпентал мальчик, сжимая поводья так, что побелели ко-
стяшки.— Меат...

— Что?— Он опустил руки на шею коня.

— Ты нарочно пугаешь меня. Ты и Мааркену говорил то
же самое?

— Говорил.— Он сознательно отвел глаза, и мальчик
понурил светловолосую голову. Меат знал, что этот урок
должна была дать ему Сьонед, которая сама обладала
двумя видами власти. Но более подходящего момента мо-
гло и не представиться, а ему нужно было удостовериться,
что урок усвоен надежно.— Я и сам боялся,— признался
он.— Боялся каждый день, пока не познал самого себя.
Именно этому учат в Крепости Богини, Поль. Учат, как
пользоваться собственной силой и собственной интуицией
и когда ими не следует пользоваться ни в коем случае. А раз-
ве не тому же учат оруженосца и рыцаря? Их обучают поль-
зоваться властью принца и воина.

— И все же есть одна вещь, которая позволена принцу,
но запрещена «Гонцам Солнца»...

Меат кивнул.

— Да. Фарадимы никогда не используют свой дар для
убийства. Поль, когда ты познаешь себя и научишься дове-
рять себе, ты перестанешь бояться.— Он потрепал мальчика
по плечу; блеснули кольца фарадима.— Пора ехать. Уже
поздно.

Они подъезжали к воротам, когда Поль заговорил снова.

— Меат... Сегодня я был прав?

— А сам ты как думаешь?

— Думаю... думаю, прав. Нет, уверен в этом.— Когда
они проезжали под аркой, мальчик добавил:— Но ты
знаешь, что глупее всего? Я все время думаю о разбитом
кубке Виллы...

У конюшни они расстались: Поль пошел с докладом
к главе оруженосцев, а Меат отправился к Чадрику и Аудри-
те, чтобы рассказать им о событиях этого дня. Весть о слу-
чившемся прибыла во дворец почти одновременно с пленни-
ками, и принц Ллейн до сих пор допрашивал командира
крибцев. Старший сын Чадрика Лудхиль сообщил зловещую
весть: бородатый солдат сумел повеситься в своей
камере.

Вскоре на веранду Аудрите пришел Ллейн. Старику было уже за восемьдесят: он был хрупок, как лист пергамента, опирался на деревянную трость, но отверг помощь сына и внука и сам уселся на стул. Он прищурил выпуклые, но по-прежнему красивые глаза, покосился на Меата, сложил руки на резной ручке трости, изображавшей дракона, и промолвил:

— Ну?

— Судя по вашему выражению, милорд, командир крибцев ничего не знает о том, откуда взялся мерид, и понятия не имеет о причине ссоры. — Меат пожал плечами. — Мне казалось, что она скажет правду.

— Меня не интересует, что тебе казалось, — огрызнулся Ллейн. — Я хочу знать, что случилось.

— Поль считает, что мерид намеренно спровоцировал драку. А поскольку мерзавец предпочел покончить с собой, я полагаю, ему было что скрывать.

— Но почему покушение на Поля произошло именно сейчас? — спросил Чадрик. — Я уверен, что пока мальчик жил в Стронгхолде, у них была для этого уйма возможностей.

— Нужно больше доверять слухам, — сказал ему отец. Когда Аудрите затаила дыхание, Ллейн кивнул. — Я вижу, ты поняла меня, дорогая.

На некрасивое, но приятное лицо Чадрика легла тень.

— Если ты говоришь об этом самозванце, который выдает себя за сына Ролстры, то...

— Сейчас ему должно быть около двадцати одного года. А Полю едва исполнилось четырнадцать, — бросил Ллейн.

— Но это же смешно! — возразила Аудрите. — Даже если мальчишка действительно сын Ролстры, ему надо добиться поддержки всей Марки. Однако этого не случится. Рохан правильно сделал, что назначил регентом Пандсалу. Только дурак согласится променять нынешнее процветание на поддержку никому не известного претендента на трон!

— Все это верно, — проворчал Ллейн. — Но ничего бы не случилось, если бы Рохан не был таким честным дураком.

Он непременно решит, что обязан встретиться с этим молодым человеком и выслушать его.

— Это одни предположения, — сказал Чадрик. — Нет никаких доказательств.

— Именно отсутствие доказательств и делает этого самозванца таким опасным, — откликнулся Меат.

— Но ведь есть леди Андраде, — напомнила им Аудрите. — Она была там в ночь родов.

— Она могла знать, что случилось, а могла и не знать, — парировал Ллейн. — И при всем ее авторитете леди Крепости Богини она приходится Рохану родной теткой, а потому не может рассматриваться как беспристрастный свидетель.

Чадрик покачал головой и принялся рассказывать по вранде.

— Отец, дело не в личности претендента. Все сводится к простому вопросу: неужели капли крови Ролстры достаточно, чтобы свести на нет все годы справедливого правления землями, которые Рохан получил после войны?

Глаза Ллейна блеснули.

— Я рад, что моя наука не прошла даром и что ты унаследовал от матери не только глаза, но и ум. Твои рассуждения не лишены оснований. Но на чем держится наша собственная власть? Если этот юноша действительно сын Ролстры, должны ли мы поддерживать его на том основании, что в жилах мальчишки течет кровь законного правителя, какими являются все принцы, в том числе и мы с вами? Или же нам следует держаться Рохана и той политики, которую он проводит в Марке? — Он невесело улыбнулся. — Не слишком приятный выбор для любого принца.

Меат сел и уперся локтями в колени.

— Ваше высочество, еще нужно доказать, что этот человек действительно тот, за кого себя выдает. Но даже если это ему и не удастся, всегда найдутся люди, которые предпочтут поверить...

— Или сделать вид, что поверили, — согласился Ллейн. — Просто из вредности. Ведь доказательств противного тоже нет.

— Теперь я понимаю, почему Поль стал их мишенью, — с несчастным видом сказала Аудрите. — Мийон Кунакский все еще прячет меридов, хотя клянется, что у него их нет. Возможно, за случившимся сегодня скрывается именно он. Конечно, убедительных доказательств нет и не будет. Но если Поль не сумеет унаследовать Марку, никто не сможет оспаривать права претендента на престол, а Мийон согласится иметь дело с кем угодно, только не с Роханом и его сыном. А еще я понимаю, почему Рохан хочет забрать мальчика на лето и взять его с собой на Риаллу.

— Да, а потом отправиться с ним в замок Крэг, — подтвердил Ллейн.

Чадрик махнул рукой так, словно сметал самозванца со сцены.

— Стоит жителям Марки увидеть Поля, и он победит их, как побеждает всех прочих...

— Ему будет нелегко справиться с этим лжецом, — проворчал Ллейн. — Ты думаешь, люди вроде Мийона клюнут на его обворожительную улыбку?

— Он завоюет симпатии народа Марки, — сказал Чадрик.

— Народ на Риаллу не допускают; кроме того, он плохо разбирается в том, что правда, а что нет. Единственной настоящей свидетельницей является Андраде, и если она даст показания в присутствии других принцев, им придется признать это за абсолютную истину.

— Но ведь есть еще и Пандсала, — напомнил Меат.

— О да, Пандсала! — фыркнул Ллейн. — Может, напомнить тебе, что если этого мальчишку провозгласят принцем, регент останется без работы? — Он покачал головой. — Мне это не нравится. Совсем не нравится. Меат, прежде чем ты уедешь из Радзина в Крепость Богини, непременно обсуди это дело с Чейном и Тобин.

Гораздо позже, оказавшись в своей комнате, Меат вынул из специально сделанного ящика свитки, найденные в древней крепости «Гонцов Солнца». Они были написаны на старом наречии, и хотя шрифт не слишком отличался от принятого ныне, Меат не понимал в них ни слова. Лишь самые обычные слова дожили до сегодняшнего дня не изменив-

шись — например, некоторые личные имена, которые обычно выбирались по смыслу, заложенному в них древними. Но когда он развернул один из пергаментов, то закусил губу. На первой странице не было традиционных изображений солнца и лун. Не было тут привычных для фарадимов источников света, как на всех других рукописях. Узор здесь был совсем иной: ночное небо, испещренное звездами. Меат долго не сводил глаз с заголовка, который потряс его с первого взгляда. Эти два слова он перевел без всякого труда.

О колдовстве.

ГЛАВА 2

Пандсала, регент Марки и дочь покойного верховного принца, смотрела на лежавшее на столе письмо и думала, что без сестер жизнь была бы куда проще. Отец снабдил ее целыми семнадцатью. И хотя десять из них уже умерли — одни во время Великого Мора семьсот первого года, другие позже — оставшихся вполне хватало, чтобы отравить ей существование.

Те, кто выжил, были хуже чумы. Письма вроде этого постоянно приходили в замок Крэг: сестры просили денег, милостей, умоляли замолвить за них словечко верховному принцу Рохану или позволить им посетить замок, где прошло их детство. Первые пять лет регентства ушли у Пандсалы на то, чтобы всеми способами выставить их из Крэга, и она не собиралась позволять им вернуться сюда ни на один день.

Но наибольшее раздражение Пандсалы вызывала самая младшая из сестер — та, которая вообще ни разу здесь не была. Ничто так не выводило ее из себя, как письма Чианы, каждое слово которых было написано с намерением оскорбить достоинство единокровной сестры. Она претендовала на близкое родство, сама мысль о котором была для Пандсалы невыносима; девчонка даже титуловала себя «принцессой», как будто ее мать, леди Палила, была законной женой Ролстры, а не его подстилкой. Родившаяся в Визе и воспитывавшаяся в разных местах, включая Крепость Богини, в которой она прожила свои первые шесть зим, Чиана предпочи-

тала делать вид, будто забыла, что все это время Пандсала провела с ней и знала сестру как облупленную. С тех пор они виделись считанные разы, но письма Чианы как нельзя лучше подтверждали, что с возрастом она ничуть не изменилась — за исключением невероятно выросшего эгоизма и самомнения. В этом письме сестра, которой должен был вскоре исполниться двадцать один год, прозрачно намекала, что если Пандсала пришлет ей приглашение на лето, она, так и быть, согласится осчастливить замок Крэг своим присутствием. Но Пандсала много лет назад поклялась, что пока она здесь хозяйка, ноги Чианы не будут в крепости.

Когда леди Андраде наотрез отказалась снова принять Чиану в Крепость Богини, воспитанием девочки занялись другие сестры. Первой приняла ее леди Киле Визская, вышедшая замуж за лорда этого города. Но она вскоре устала от фокусов Чианы; стоило только принцессе Найдре выйти замуж за лорда Нарата, как Киле тут же отправила сводную сестру в Порт Адни. Остров Кирст-Изель прекрасно подходил Чиане: чем дальше, тем лучше. Пандсала вздохнула с облегчением. Но через несколько зим не выдержала даже терпеливая Найдра. К тому времени родная сестра Чианы леди Рабия вышла замуж за лорда Холмов Каты Патвина, и свежеепеченная пара пригласила бездомную девочку пожить у них. Однако смерть Рабии от родов положила конец пребыванию Чианы в Холмах Каты. Она снова вернулась в Виз и жила там, пока Киле не застала сестру во время попытки обольстить лорда Лиелла. Пришлось опять ехать к Найдре, в прибрежном поместье которой и было написано это письмо.

Пандсала кисло смотрела на пышный титул и затейливый росчерк, который заменял Чиане подпись. Она прекрасно понимала, почему девчонке хочется приехать в замок Крэг: если бы она протянула тут до конца лета, то смогла бы примкнуть к свите Пандсалы и вместе с ней отправиться на Риаллу, где должны были собраться принцы и их неженатые наследники. Хотя она была безземельной, но благодаря щедрости Рохана имела неплохое приданое (как и все сестры, которые предпочли выйти замуж). Кроме того, она

была красива; одного этого было бы достаточно, чтобы подыскать себе подходящую пару. Но Пандсала скорее умерла бы, чем ударила для этой мерзавки палец о палец.

Она ответила коротким, но решительным отказом, поставила все свои титулы и подпись. Затем Пандсала откинулась на спинку кресла, еще раз полюбовалась на эти слова, означавшие власть, и подумала об остальных сестрах. Они с Найдрой остались последними из четырех дочерей, родившихся у Ролстры и его единственной жены. Ленала умерла во время Мора, а Янте погибла в замке Феруче четырнадцать лет назад. Глупая, безобидная Ленала и прекрасная, блестящая, безжалостная Янте представляли собой правый и левый фланг в шеренге отпрысков Ролстры. Остальные уцелевшие дочери занимали место между ними. Киле была глупа, но небезобидна — правда, к счастью, не так жестока, чтобы представлять реальную опасность. Найдра была достаточно умна, чтобы смириться со своей судьбой. Пандсала думала, что она вполне счастлива с Наратом. С другой стороны, Чиана была красивой, яркой, но чересчур надоедливой. Что же касалось остальных сестер, то Пандсала едва помнила, как они выглядят. Мория тихо жила в поместье у подножия гор Вереш; у Мосвен был дом в городе Эйнар, но она частенько гостила у Киле в Визе или Данлади, дочери Ролстры от леди Аладры, жившей в Верхнем Кирате. Четырнадцать лет назад в Стронгхолде, когда Рохана провозгласили верховным принцем, Данлади подружилась с принцессой Геммой, которая после гибели ее брата Ястри осталась последним прямым потомком рода принцев Сирских. Принц Давви принял малолетнюю двоюродную сестру под свое покровительство, а Данлади стала ее придворной дамой. Но что бы ни делали, о чем бы ни думали или собирались подумать остальные дочери Ролстры, Пандсала знала, что может без опаски забыть о них. Никто из сестер не был лишен толики ума и красоты, но никто и не представлял для нее реальной угрозы.

А сама Пандсала? Она слегка улыбнулась и пожала плечами. Не такая красивая и не такая умная, как Янте, но тем не менее далеко не глупая и за годы регентства многому на-

учившаяся. Видит ли мертвая сестра, в каком бы аду она ни находилась, нынешнее положение и власть Пандсалы? Принцесса надеялась, что видит. Ничто другое не могло бы доставить Янте больших мук.

При мысли о Янте темные глаза Пандсалы сузились, а пальцы скрючились, как когти. Хотя со времени предательства сестры прошло больше двадцати лет, Пандсала все еще не могла насладиться местью. Последняя любовница их отца Палила была беременна и должна была родить вскоре после Риаллы шестьсот девяносто восьмого года. Но на случай, если это произойдет раньше, они взяли с собой еще трех беременных женщин. Согласно плану, разработанному Янте, если бы Палила родила принцу долгожданного наследника мужского пола, его следовало заменить девочкой, родившейся у другой женщины. Во всяком случае, так выглядел тот вариант плана, который Янте изложила Пандсале...

Поднявшись из-за стола, принцесса-регент подошла к окну и поглядела на широкое ущелье, пробитое в горах рекой Фаолейн. Далеко внизу шумела вода, но из самой крепости не доносилось ни звука. Постепенно Пандсала успокоилась до такой степени, что ее слепая ярость сменилась чем-то вроде бесстрастия.

Большинство людей сочло бы, что в тот вечер она проиграла все. Пандсала пообещала Палиле, что если у той родится еще одна девочка, заменить ее мальчиком, которого должна была незадолго до того произвести на свет одна из служанок. Ролстра получил бы долгожданного наследника, Палила стала бы всемогущей матерью этого наследника, а Пандсала обрела бы преимущество в борьбе за руку молодого принца Рохана. Оба заговора были безумной аферой, опиравшейся только на пол неродившегося ребенка. Настолько безумной, что Янте не составило никакого труда разоблачить Пандсалу на глазах у отца в ту ночь, когда Палила родила Чиану. Умная, безжалостная Янте... Принцесса все еще помнила, как улыбалась сестра, когда Ролстра приговорил новорожденную дочь и Пандсалу к ссылке в Крепость Богини. А Янте получила в награду важную пограничную крепость — замок Феруче.

Но подлинной иронией судьбы стало не то, что у Пандсалы обнаружился дар фарадима, развившийся под руководством Андраде, и даже не ее нынешнее положение принцессы-регента. Самым смешным оказалось вот что: через несколько минут после предательства Янте у одной из служанок действительно родился мальчик. Еще мгновение, и победительницей стала бы Пандсала, а не Янте...

Взгляд Пандсалы опустился на ее руки, украшенные кольцами. Пять колец указывали на ее ранг «Гонца Солнца». Еще одно кольцо со вделанными в него топазом и аметистом было символом ее регентства. Золотистый камень Пустыңи сиял ярче и затмевал собой темно-пурпурный самоцвет Марки. Что ж, так и должно быть, сказала себе Пандсала.

Недостаток уважения к целям покойного отца заботил ее так же мало, как недостаток сестринских чувств. Много лет назад она приняла предложение человека, который мог стать ее мужем, позаботиться о мальчике, который мог стать ее сыном. С тех пор как Рохан сделал Пандсалу регентом при Поле, ее жизнь приобрела смысл. Именно ради этих двух людей она строго, но справедливо правила Маркой; ради них она сделала эту страну образцом законности и процветания; ради них она научилась быть настоящей принцессой. Все для них...

Пандсала вернулась к столу и поставила печать на письме Чиане, любуясь своими сверкающими кольцами. Она была единственной из дочерей Ролстры, кому передан дар фарадима. Правда, отец тут был ни при чем: это оказалось заслугой принцессы Лалланте, его единственной жены. Имела ли этот дар Янте? Пандсала пожала плечами. Было поздно думать об этом. Обладай Янте способностями «Гонца Солнца», она стала бы поистине непобедимой.

Но Янте была мертва, а Пандсала сидела здесь, живая, здоровая и уступающая знатностью лишь одной из женщин — самой верховной принцессе... Тут она спохватилась, что нужно составить отчет для Сьонед, и забыла Чиану, сводных сестер и свое прошлое.

В тот вечер леди Киле Визская тоже сидела за столом и тоже думала о даре, которым Пандсала была наделена, а она нет. Киле выжала все из того, что имела; но насколько большего достигла бы эта женщина, обладай она способностью сплести солнечный свет и видеть то, что другие желали скрыть...

Она разгладила складки дорогого зеленого с золотом платья и решила довольствоваться тем, что имеет. Вскоре ей предстояло присутствовать на обеде в честь принца Клуты Луговинного, прибывшего в Виз, чтобы обсудить план проведения приближавшейся Риаллы — план, который грозил ей и Лиеллу разорением. О Богиня, опять! Клута так и не простил Лиеллу, что в войне с Пустыней тот выступил на стороне Ролстры. Долгие годы он подозревал Лиелла во всех смертных грехах и не спускал с него глаз. В этом не было ничего смешного. Клута был убежден, что если Виз будет в одиночку нести все громадные расходы по проведению проходившей раз в три года Риаллы, у Лиелла и Киле не хватит средств, чтобы устроить какую-нибудь очередную интригу. Столь пристальный надзор выводил Киле из себя; Лиелла же это ничуть не беспокоило. По правде говоря, лорд не отличался особым умом и был благодарен уже за то, что остался жив и сохранил власть над городом.

Пальцы Киле погладили лежавшую на столе золотую диадему. Конечно, это была далеко не корона, но даже ее леди не смела надевать в присутствии принца. Ее прелестные губы сжались при мысли о возможности когда-нибудь все же водрузить на себя корону. Есть ли у нее шансы на это? Практически никаких. Слишком много людей должно было умереть ради этого. Клута был хотя и стар, но отменно здоров. Так же, как и его сын Халиан. Кровная связь между Лиеллом и родом принца была весьма отдаленной, да и то по женской линии, так что надеяться унаследовать власть над Луговинной не приходилось.

Самое большее, на что она могла рассчитывать, это выдать замуж за Халиана одну из своих сводных сестер. Несколь-

ко лет назад она была близка к цели, задумав женить наследного принца на прекрасной Киприс, но та внезапно умерла от какой-то странной лихорадки. Халиан был искренне привязан к Киприс, но это не помешало ему завести для утешения новую любовницу. Любовница родила ему нескольких детей. Все они были девочками, за что Киле неустанно благодарила Богиню. Родись у него сын, он мог бы унаследовать Луговину, и это лишило бы Киле последних надежд.

Халиан был совершенно доволен такой жизнью и не собирался вступать в законный брак. Но теперь его любовница умерла. Киле улыбалась, подписывая письмо своей сводной сестре Мосвен. В этом письме содержалось приглашение провести лето в Визе. Мосвен была бы Халиану отличной женой, и Киле смущало только одно: ей не хотелось содействовать возвышению дочерей ненавистной леди Палилы. Но затем она пожала плечами. Надо было пользоваться тем, что есть. Мосвен была в самом подходящем возрасте, довольно хороша собой и благодарна Киле за поддержку, которую та оказывала ей раньше. Кроме того, Мосвен тоже была равнодушна к власти. Она с детства привыкла к драгоценностям, красивой одежде, знакам уважения и страстно желала всего этого. О другой стороне жизни принцев и принцесс она не имела понятия и не желала об этом думать. Вот поэтому Киле и остановила на ней свой выбор: такой женщиной будет легко руководить. Когда Клута умрет, а Лиелл с Халианом освободятся от стариковского надзора, реальная власть над Луговиной перейдет в руки Киле, а уж она не преминет ею воспользоваться. Халиан относился к тому типу мужчин, которые считали мозги отнюдь не главным своим украшением, а Лиелл ничем не отличался от него. Значит, можно было надеяться, что Мосвен будет управлять Халианом, а она, Киле, будет управлять Мосвен...

Ее внимание отвлек отразившийся в зеркале свет. Дверь за спиной Киле открылась, и на пороге показался Лиелл — угловатый, мертвенно-бледный мужчина, голубые глаза и почти бесцветные светлые волосы которого казались еще более тусклыми на фоне одежды, выдержанной в традицион-

ных красно-желтых цветах лордов Визских. Киле слегка нахмурилась: она велела оруженосцам приготовить для мужа зеленый костюм, в тон ее собственному платью. В таком случае они составили бы хорошую пару, да и Клута был бы польщен тем, что они носят его цвет. Но Лиелл был помещан на фамильной чести и демонстрировал свои цвета при каждом удобном случае. Впрочем, иногда упрямство Лиелла оборачивалось Киле на пользу. Особенно на первых порах, когда она едва не наделала непоправимых ошибок, и спасала ее только смешная приверженность Лиелла к чопорному соблюдению традиций. Эти воспоминания заставили Киле ощутить к мужу что-то вроде благодарности; к тому времени, когда Лиелл пересек комнату и встал рядом, она сменила гнев на милость и встретила его улыбкой.

— Как ты прекрасна...— пробормотал он, прикасаясь к обнаженному плечу жены.

— Спасибо, мой повелитель,— притворно застенчиво ответила она.— Я думала приберечь это платье для Риаллы, но...

— Надень его и на Риаллу. Ты затмишь в нем самую верховную принцессу Сьонед.

У жены Рохана были огненно-рыжие волосы и глаза цвета лесной листвы, поэтому зеленое шло ей куда больше... Это соображение окончательно убедило Киле отказаться от мысли надеть это платье на Риаллу.

— Ты что-то хотел мне сказать?

— Тебе письмо от кого-то из Эйнара. Ты говорила, что не любишь, когда тебе мешают одеваться, поэтому я сам распечатал его.— Он вынул из кармана сложенный лист пергамента.

Когда Киле узнала знакомый почерк и остатки темно-голубой восковой печати, с ее губ едва не сорвалось проклятие. Она заставила себя успокоиться, благоразумно отложила письмо в сторону и сказала:

— Это письмо от моей няни Афины, которая вышла замуж за эйнарского купца.— Это была правда; однако Киле не добавила, что после смерти сестры от чумы Афина осталась ее единственной служанкой. Афина хотела переехать

в Виз, но Киле удалось доказать, что она будет намного полезнее в оживленном порту Эйнар, где сможет служить ее тайным информатором. Купцы слышат все и чаще всего делятся услышанным со своими женами.

— Там нет ничего интересного. Обычные семейные новости. Не понимаю, Киле, что у тебя общего с какой-то бывшей служанкой...

— Когда я была маленькой, она была очень добра ко мне.—Пытаясь отвлечь его от действительно странного факта переписки леди Визской с женой простого купца, она сжала руки, чтобы ложбинка между грудей стала еще более соблазнительной. Как она и рассчитывала, руки Лиелла, до толе спокойно лежавшие на плечах жены, тут же передвинулись ниже.

— Давай спустимся к обеду чуть попозже,—предложил он.

— Лиелл! Я потратила на одевание весь день!

— Зато раздеть тебя можно всего за несколько секунд...

— Не следует сердить Клуту,—притворяясь строгой, проворчала она.—Выбирай любой другой вечер...

— Самый подходящий вечер именно сегодня. Я поговорил с твоими служанками. Они считают, что нам пора произвестить на свет еще одного наследника.

Киле поклялась немедленно выгнать болтуню, кем бы она ни оказалась. Она давно привыкла к тому, что стоит же не забеременеть, как муж начинает ей изменять; отец не выносил вида своих пузатых любовниц. Киле уже выполнила свой долг, подарив Лиеллу сына и дочь. Если бы она сегодня зачала нового ребенка, это означало бы, что к концу лета, когда Киле понадобится весь ее ум и красота, она не будет пролезать в дверь. И случится это именно тогда, когда все остальные женщины мобилизуют свои чары в погоне за самыми богатыми и знатными женихами. Лиелл был для нее средством вырваться из опостылевших стен замка Крэг; она не любила его и никогда бы не полюбила. Но он был полезен, он принадлежал ей, и Киле ни за что не согласилась бы делить его с другими женщинами. Вот когда она сведет Мосвен с Халианом и благодаря этому будет править Лугови-

ной, пусть Лиелл заводит себе столько любовниц, сколько захочет. Но не сейчас.

Она улыбнулась мужу.

— Ожидание только усиливает наслаждение, Лиелл! А сейчас будь добр, поищи мои зеленые туфли, ладно? Ведь именно ты прошлой ночью затолкал их под кровать.

Он поцеловал Киле в плечо и повиновался. Тем временем Киле спрятала письмо Афины в шкатулку для драгоценностей и сунула ключ в карман нижней юбки. Лиелл вернулся из спальни как раз в тот момент, когда она натягивала зеленые чулки. Он опустился на колени и стал надевать на нее бархатные туфельки.

— Если ты немедленно не опустишь юбки, я забуду про существование Клуты,— игриво сказал он.

Она нарочно приподняла подол платья.

— В самом деле?

— Киле!

Но она быстро вскочила, ускользнула от его объятий и со смехом надела на туго заплетенные черные косы золотую диадему.

Обед в пиршественном зале показался ей вечностью. Принц Клута был полон стремления сделать эту Риаллу еще более роскошной, чем предыдущая, хотя— Богиня свидетельница— последняя Риалла обошлась в такую сумму, что Киле полгода не на что было купить себе новое платье. Сгорая от гнева, она молча сидела и с улыбкой прислушивалась к тому, как Лиелл соглашается с очередной затеей, которая грозит превратить его в нищего. Конечно, большинство расходов ложилось на плечи принцев, причем львиную долю, как обычно, брал на себя Рохан, но за призы для скачек и представление во время Пира Последнего Дня полностью отвечал Лиелл; помощь Клуты была здесь чисто номинальной. Киле пообещала себе, что когда Халиан станет принцем Луговины, а Мосвен—его женой, всей этой унижительной бедности, наступающей раз в три года, придет конец.

Клута привез в Виз своего «Гонца Солнца»—хрупкого, высохшего старикашку с темными глазами, чересчур внимательно следившими за любым движением Киле. Та знала, что каждый раз после приезда Клуты в Виз леди Андраде по-

лучает от своего шпиона подробный отчет. Когда обед кончился, в столовую вошел страдающий одышкой старый фарадим. Рядом с ним шагал один из оруженосцев Клуты. Молодой человек изящно поклонился Киле, но его темные глаза неодобрительно вспыхнули при взгляде на диадему леди, чересчур напоминавшую корону. Она приподняла бровь, раздумывая, стоит ли отвечать оскорблением столь ничтожному существу, стоящему на самой низкой ступеньке социальной лестницы.

Клута оторвался от перечня расходов.

— Что, Тиль, с последним солнечным лучом тебе сообщили важную новость?

— Вы правы, ваше высочество. Только что мы с Рияном узнали, что умер принц Айит Фиронский. Сообщают, что его хватил апоплексический удар.

Киле выразила приличествовавшие случаю удивление и скорбь, но мозг ее лихорадочно заработал. У Айита не было прямого наследника. Она пыталась вспомнить побочные ветви рода принцев Фирона и то, не находится ли она в каком-нибудь родстве или хотя бы свойстве с ними.

Клута тяжело вздохнул и покачал лысой головой.

— Плохая новость. Сколько раз я говорил ему, что нам, старикам, следует щадить себя!

Киле закашлялась, пытаясь скрыть смехок: принц Айит собирался подыскать себе на Риалле новую жену — седьмую по счету. Халиан перехватил ее взгляд и усмехнулся.

— На этот раз в Последний День будет одной свадьбой меньше, — заметил он.

Отец тут же взорвался.

— Дерзкий щенок, потрудись с уважением отзывать о покойном кузене!

— Я не сказал ничего обидного, — возразил Халиан, но что-то в выражении его глаз подсказало Киле: он мечтает избавиться от опеки отца, желает ему смерти и хочет, чтобы старика побыстрее сожгли на погребальном костре. Она подарила ему сочувствующий взгляд и быстро опустила глаза. Да, он созрел: если Мосвен окажется достаточно умна и хитра, она сумеет сыграть на его нетерпении. Клута обращался с сыном так, словно тот был двадцатилетним несмышленьком, а не мужчиной под сорок лет. Надо будет толь-

ко подсказать Мосвен слабое место Халиана, и не успеет настать осень, как сестра станет женой наследного принца.

Скорбная новость заставила Лиелла остудить пыл, чему Киле была несказанно рада. Пока муж спал в огромной супружеской постели, она вернулась в туалетную комнату и зажгла на столе свечу. Пламя ее отражалось в зеркале; этого света было достаточно, чтобы читать. Она быстро пробежала глазами письмо Афины.

«Наверно, вы помните мою сестру Айлех, которая во времена вашего детства служила в замке Крэг — правда, не в столь почетном месте, как я, а на кухне. Мы никогда не были с ней особенно близки, потому что она завидовала моему положению. Но после многих лет я наконец получила весточку о ее семье. Как вы, должно быть, знаете, она ездила в Виз вместе с леди Палилой. Обе они были на сносях, и случилось так, что она принесла сына — красивого мальчика с черными волосами и зелеными глазами. Вскоре после его рождения Айлех умерла, а вслед за ней умер и ее муж. Масуля воспитали мои родители, которые доживают свой век в поместье Дасан, неподалеку от замка Крэг. Масуль напоминает птенца коршуна, попавшего в гнездо воробья: его черные волосы и зеленые глаза совершенно не похожи на светлые волосы и карие глаза всей нашей родни. Муж Айлех тоже был темноглазый и маленький, вроде нас, но говорят, что Масуль ростом с вашего покойного батюшку. Однако я болтаю о делах, которые вам вовсе не интересны...»

Афина никогда не писала того, что не представляло для Киле интереса, и обе они знали это. Киле просила бывшую служанку использовать все связи, сохранившиеся у той с Маркой, чтобы собрать надежные сведения о мальчике, которого называли сыном Ролстры. Она всю зиму играла с этой мыслью, на первых порах чисто умозрительно, а вот теперь оказалось, что стрела, пущенная наугад, неожиданно попала прямо в цель. Едва не рассмеявшись от удовольствия, она подняла голову и посмотрела на дверь спальни. Оттуда не доносилось ни звука.

Та ночь во время Риаллы всегда привлекала внимание

Киле. Четыре новорожденных разом; ссылка одной принцессы и возвышение другой; любовница, сожженная в собственной постели... Одним из четырех младенцев оказалась невыносимая девчонка Чиана. Если у Киле и было что-то общее с Пандсалою, то оно заключалось в отвращении к их сводной сестре.

Но была ли Чиана дочерью Ролстры? Киле тихонько фыркнула, поднося письмо к огню и следя за тем, как оно превращается в рассыпавшийся по бронзовой тарелке пепел. Афине не нужно было дважды писать про зеленые глаза. Именно такого цвета были глаза Ролстры. Кроме того, Масуль и ростом пошел в Ролстру, верно? Киле закусил губу, чтобы не рассмеяться в голос.

Она достала перо, лист пергамента и торопливо написала Афине. В письме содержалась благодарность и просьба делиться семейными новостями, которые позволяют леди Визской отвлекаться от хлопот, связанных с проведением Риаллы. Она закончила письмо, выразив желание получить подарок — какую-нибудь безделушку, которыми Афина часто развлекала ее: что-нибудь раскрашенное в черное и зеленое. Если она правильно поймет намек, то пришлет к ней самого Масуля. Когда Киле подписала и запечатала письмо, ей в голову пришла другая мысль. Она тут же написала другое письмо, в котором содержалось любезное приглашение дорогой младшей сестре Чиане посетить Виз и помочь Киле придумать, чем развлечь гостей предстоящей Риаллы. Мысль о том, что самой Чиане предстоит стать главным развлечением, вызвала у нее еще один приступ смеха. Киле сложила пергамент и запечатала его.

Потом она взяла письмо, адресованное Мосвен, и несколько секунд взвешивала его на ладони, думая, не сжечь ли его. Если сюда придет Чиана, то Мосвен не понадобится. При воспоминании о Чиане она снова чуть не захохотала. Что могло быть более смешным, чем возбудить в Чиане надежду выйти замуж за Халиана, а потом дать принцу возможность резко отвергнуть эту дрянь, когда всем станет ясно ее низкое происхождение? Пока письмо корчилось в огне, Киле поздравляла себя с удачной идеей и тряслась от сдерживаемого хохота.

Однако вскоре Киле стала серьезной. Она знала, что придется соблюдать осторожность. Физическое сходство, о котором писала Афина, сыграет свою роль даже в том случае, если мальчишка не имеет никакого отношения к Ролстре. Как только Масуль окажется у Киле, она поймет, хватит ли этого сходства для того, чтобы всерьез претендовать на престол Марки. У Палилы были каштановые волосы; если волосы Масуля окажутся слишком черными, она, Киле, с помощью краски придаст им нужный каштановый оттенок. Сыграет свою роль и соответствующая одежда. И украшения. Она порылась в своих шкатулках и достала аметистовую брошь. Ее было легко переделать в кольцо, которое намекало бы на власть над Маркой. Она смешает его с остальными украшениями, которые должны быть переделаны к Риалле. Даже если мальчишка окажется ни к чему не пригодным, у нее будет новое кольцо.

Но если люди поверят в то, что Масуль сын Ролстры, то даже низкое происхождение не помешает использовать его на тысячу ладов. Чего стоит одна возможность публично унижить Чиану и подвергнуть сомнению ее благородное происхождение! Пусть ищут доказательства те, кому выгодно считать Масуля простолюдином. Ничего они не найдут, потому что вся тогдашняя ночь превратилась в сплошной хаос.

Но если слухи верны, и Масуль действительно приходится ей сводным братом... Киле улыбнулась своему отражению, с удовольствием представляя себе изгнанную из замка Крэг Пандсалу, лишённого наследства Поля и униженного Рохана. Она рисовала себе картину того, как Лилл станет защитником Масуля, а она сама, Киле, будет учить его искусству быть принцем и его руками управлять Маркой.

Она еще раз посмотрела на два письма. Одно уйдет в Эйнар и приведет сюда Масуля, другое отправится в Порт Адни и доставит Чиану. Она будет прятать Масуля до самой Риаллы, будет учить его, приучать к мысли о том, что является его единственной надеждой на успех. Надо будет только не дать ему столкнуться с Чианой до прибытия принцев.

Но все будет зависеть от того, сумеет ли мальчишка держать себя как сын Ролстры. Киле еще раз посмотрела на свое отражение в зеркале, озаренное пламенем свечи, и спросила себя, может ли это быть правдой и хочет ли она, чтобы это оказалось правдой. Наконец она решила, что не хочет. Самозванца, которому есть что скрывать, держать в руках было бы куда легче, чем настоящего сына покойного верховного принца. Она слишком хорошо знала, какими чертами характера снабдил отец все свое многочисленное потомство.

ГЛАВА 3

О своем первом морском путешествии из Радзина в Дорваль Поль сохранил ужасные воспоминания. Мать предупреждала его, что между фарадимами и водой нет ничего общего. Но Поль, как все одиннадцатилетние мальчишки, считавший себя мудрецом из мудрецов и к тому же безмерно дороживший достоинством сына верховного принца, не поверил ей.

Однако стоило мальчику ступить на палубу корабля, как он понял, что был неправ. На пристани стояли родители, тетя Тобин, дядя Чейн, и все они ждали неизбежного. Судно закачалось на приливной волне, и Поль тут же позеленел. Мальчик зашатался и чуть не упал за борт; матрос едва успел схватить его в охапку. После страшного приступа тошноты мальчик потерял сознание. Долгий, мучительный день, проведенный в личной каюте, завершился так же бесславно: его сняли с корабля, как куль с мукой, и немедленно уложили в постель.

На следующее утро собственные глаза казались ему горячими как пылающие угли, а желудок словно сросся с гортанью. Поль попытался сесть и застонал: боль в каждом muscle недвусмысленно напомнила ему о том, чем кончилась первая попытка пересечь водное пространство. У погасшего камина дремал какой-то глубокий старик. Стон заставил его очнуться. Старик поднял голову, и на его морщинистом лице появилась добрая улыбка.

— Я подумал, что перед поездкой в Грэйперл тебе не повредит крепкий сон на твердой земле. Ну как, лучше тебе?

Вижу, что лучше. Теперь у тебя на носу веснушки, а не зеленые кляксы!

Так он познакомился с принцем Ллейном Дорвальским. Поль отказался от предложенного стариком завтрака, и они верхом поехали в огромный дворец, где собрались все домоладцы, чтобы приветствовать будущего верховного принца. За ночь Поль успел отдохнуть, и это помогло ему вести себя с подобающим достоинством. Тут мальчик почувствовал, что неспроста родители поручили его этому лукавому старику и что отныне он у Ллейна в неоплатном долгу.

В Радзине его встретили так же, как некогда на острове Дорваль; ночь накануне торжественной встречи в крепости Радзин Поль с Меатом провели в располагавшемся неподалеку от порта маленьком домике лорда Чейналя, где их ждали постели с прохладными простынями. Утром их приветствовал кузен Поля Мааркен.

— Не стану спрашивать, как прошло путешествие,—с сочувственной улыбкой сказал Мааркен, когда гости протерли слипающиеся глаза.— Сам все слишком хорошо помню. Но судя по вашему внешнему виду, жить вы будете!

Меат бросил на него мрачный взгляд.

— Вчера вечером я в этом сомневался.— Он обернулся к Полю и спросил:— Ну как, вы оправились, мой принц?

— Более-менее... Неужели это всегда так ужасно?— вздохнул он.

— Всегда,— подтвердил Мааркен.— Может, хотите поесть?— При виде их сморщившихся лиц он хлопнул себя по лбу.— Все ясно, вопрос был дурацкий. Ну что ж, если вы чувствуете себя способными удержаться в седле, лошади готовы.

Да, на это они были способны. Никакой торжественной встречи в порту не было, хотя люди отрывались от работы и приветствовали Поля и своего юного лорда. Мааркен был копией своего красавца-отца: высокий, сильный, темноволосый, с серыми глазами, цвет которых напоминал цвет утреннего тумана, освещенного первым лучом солнца. Однако он был не так крепко сбит, как Чейналь: сказывалось хрупкое телосложение народа, к которому принадлежала его бабка. Двадцатипятилетний Мааркен был воплощением той мужественности, намек на которую читался в облике его млад-

шего кузена. Кроме того, Мааркен обладал шестью кольцами «Гонца Солнца», а у Поля не было ни одного. Когда они миновали городские предместья и поехали по дороге, окруженной свежевспаханными полями, Мааркен поймал завистливый взгляд мальчика и улыбнулся.

— Погоди, настанет и твой день! Мне пришлось сначала стать рыцарем, а уж потом отец позволил мне поехать в Крепость Богини к леди Андраде.

— Какая она? — спросил Поль. — Я видел ее совсем маленьким и почти не помню. А когда я расспрашивал о ней Меата и Эоли, они говорили только одно: что я узнаю это быстрее, чем мне хотелось бы.

Меат усмехнулся и пожал плечами.

— Это ведь правда, да, Мааркен?

И два старых друга, ставших неразлучными еще в те времена, когда Мааркен был оруженосцем Ллейна, расхохотались. Молодой лорд сказал кузену:

— У тебя будет возможность встретиться с ней в Визе. В этом году должно произойти воссоединение всей семьи. Андраде привезет с собой Андри, а новоиспеченный рыцарь Сорин прибудет с принцем Вологом.

Андри и Сорин были братьями Мааркена, двадцатилетними близнецами, каждый из которых пошел своим путем. У Андри — так же, как у Мааркена — обнаружился дар фарадима. Вскоре стало ясно, что подвергать его обычному циклу обучения оруженосца и рыцаря нет смысла, потому что он хотел быть только «Гонцом Солнца» и никем другим. Когда Сорина отправили на воспитание к Вологу на остров Кирст, Андри уехал к брату Сьонед, Давви Сирскому, но через несколько лет обратился к родителям с просьбой забрать его. Скорость, с которой он получал все новые и новые кольца, подтверждала правильность его выбора.

Мааркен посмотрел на Меата поверх головы Поля.

— Когда ты едешь в Крепость Богини?

— Завтра утром. Сразу после того, как отдам дань уважения твоим родителям.

— Если я не ошибаюсь, тебе понадобится эскорт. — Он жестом показал на сумки, притороченные к седлу лошади Меата. Увидев, что у старшего друга напряглись плечи, Мааркен продолжил: — Не беспокойся, я не буду задавать лишних

вопросов. Просто даже в своем вчерашнем жалком состоянии ты не позволил забрать эти сумки вместе с остальными вещами. Значит, там лежит нечто настолько важное, что понадобится сопровождение, чтобы охранять его... и тебя тоже.

Меат принужденно улыбнулся.

— Я не знал, что это так заметно. Мне нужна лишь пара людей, Мааркен. Более солидный эскорт вызовет подозрения.

Поль изумленно посмотрел на друга.

— Значит, там действительно что-то очень важное. Почему ты не сказал мне, что едешь в Крепость Богини? Ты общил об этом Мааркену с солнечным лучом, да? Как же я смогу стать принцем и принимать правильные решения, если никто мне ни о чем не рассказывает? — И вдруг он пожал плечами. — Ты и не должен ничего говорить. Я узнаю обо всем, когда для этого наступит время.

— Радуйся своему неведению, Поль, — сказал Мааркен. — Когда ты станешь старше, узнаешь больше, чем хотелось бы. И все это будут вещи, которых лучше не знать...

Дорога обогнула пастбище, заросшее сочной весенней травой, которая только и ждала лошадиных зубов. Над ними вздымались величественные башни крепости Радзин, где сотни лет обитали предки Мааркена по отцовской линии. Слева раскинулось море, над которым нависали остроконечные скалы; справа — безбрежные пастбища. Поль мельком увидел оконечность Долгих Песков, золотом отливавших в лучах солнца.

И снова Мааркен понял его взгляд.

— Что, далеко, да? — тихо сказал он. — Погоди. Мы тут из сил выбиваемся, чтобы все побережье стало зеленым, но стоит чуть-чуть зазеваться, и пески все отвоюют за одну зиму. — Он тут же сменил тон и беспечно спросил: — Как поживает принц Ллейн?

— Здоров и бодр, словно старый дуб, и спрашивает, помнишь ли ты его. Как будто его можно забыть!

— По-прежнему любит вгонять ум в задние ворота, особенно когда ловит тебя с поличным?

Поль вздрогнул.

— Откуда ты зна...

Мааркен усмехнулся.

— О, можешь мне поверить, здесь ты был не одинок. Для меня большое облегчение, что с принцами он обходится точно так же, как и с лордами. И сколько прошло времени, пока ты сумел сесть?

— Целый день,—кисло признался Поль.

— Значит, ты ему нравишься. Я пришел в себя только через два.—Мааркен привстал в стременах, посмотрел на громаду крепости Радзин и довольно улыбнулся.—А вот и мать с отцом! Они хотели ехать тебе навстречу, но главный конюший назначил на сегодняшнее утро осмотр жеребят, а он у нас настоящий тиран. Давайте и мы полюбуемся на это зрелище. Вперед!

Началась бешеная скачка. Перепрыгнув несколько заборов, они натянули поводья. Ловкая, подтянутая принцесса Тобин, которой очень шел кожаный костюм для верховой езды, радостно вскрикнула и спрыгнула с лошади. Поль тоже спешился и приготовился к тому, что его начнут тискать и чмокать. Однако Тобин остановилась в полуметре от племянника, и ее черные глаза изумленно расширились.

— Чейн! — окликнула она мужа.—Глянь-ка, кого Ллейн прислал нам вместо дракончика, которого мы отправили ему три года назад!

Поль понял, что теперь они с теткой одного роста. Он и не знал, что так сильно вырос. На висках у Тобин прибавилось седины, а в черных косах появились белые пряди, но в остальном она была точно такой же, как и прежде: прекрасной, словно звездная ночь. К ним подошел Чейн, и Поль снова удивился, когда ему не пришлось слишком сильно закидывать голову, чтобы заглянуть в пронзительные серые глаза.

— Не дурачься, Тобин,—возразил Чейн, быстро обняв Поля.—Либо это Поль, либо Рохан, к которому вернулась юность. Однако мои седые волосы подсказывают, что время не двинулось вспять: стало быть, это Поль. Похоже, плавание тебе ничуть не повредило,—добавил он, взъерошив мальчику волосы.

— Это только сейчас. Видели бы вы меня вчера вечером... Наверно, я испортил им всю палубу!

— Не обращай внимания,—утетила его Тобин.—Это доказывает, что у тебя действительно есть дар фарадима.—

Она обернулась и улынулась Меату.— Добро пожаловать в Радзин. Спасибо за то, что всю дорогу заботился о Поле.

— Кто о ком заботился, это еще вопрос,— сказал «Гонец Солнца», спрыгивая с лошади.— Храни вас обоих Богиня, милорд,— сказал он, обращаясь к Чейну.— Я привез вам привет от принца Ллейна и всей его семьи.

— Рад, что вы с Полем благополучно добрались до Радзина,— ответил Чейн.— Приятно слышать, что старик здоров. Если вы трое не слишком устали, может, поглядите на наших жеребят?— Он дружески обнял Поля за плечи.— Я ужасно горжусь ими... не меньше, чем собственными сыновьями,— добавил он, с улыбкой глядя на Мааркена.

Пока они шли к огороженному выгону, Меат заметил:

— Милорд, Пустыня рождает сыновей и «Гонцов Солнца», которые ничем не уступают лошадям. Кому это знать, как не мне!

Тобин гордо кивнула.

— Сегодня ты в этом убедишься окончательно. В нынешнем году жеребята удались на диво! Полю, видишь вон тех шестерых красавчиков? Три серых, один гнедой и пара золотисто-буланых!

Увидев их, Поль затаил дыхание. Длинноногие жеребята передвигались прыжками, скорее грациозными, чем неуклюжими, несмотря на то, что этим созданиям было всего несколько дней от роду. Внимание мальчика приковали два золотистых жеребенка с черными гривами и хвостами, похожие друг на друга, как дракончики, вылупившиеся из одного яйца.

— Они просто чудо!— воскликнул Поль.

— Так и было задумано.— Чейн положил руки на ограду и мечтательно поглядел на жеребят.— Это древняя порода, берущая начало от сотворения мира. Я скрестил своих лучших кобыл со старым боевым конем твоего отца. Помнишь Пашту? Если среди лошадей есть принцы, то это как раз они. Последние жеребята Пашты удались ему лучше первых.

— Последние?— переспросил Поль, глядя на дядю снизу вверх.

Чейн кивнул.

— Он умер этой зимой— не то от старости, не то от гор-

дости собой. Как будто знал, кем станут эти шестеро! К следующей Риалле они будут тебе в самый раз.

— Мне? — Поль не верил своему счастью.

— А кому же еще? — похлопал его по плечу Чейн. — Сам знаешь, снабжать принцев лошадьми — это долг Радзина. Все шестеро твои.

Мальчик с трепетом смотрел на жеребят, представляя их взрослыми. Теперь он видел в них знакомые черты — широкую грудь и прижатые уши любимого жеребца отца, который помог ему выиграть скачки и завоевать для матери свадебное ожерелье из изумрудов.

— Спасибо, милорд, — выдохнул Поль. — Так они действительно мои?

— Конечно!

— Но мне одному шестерых много. Вы не рассердитесь, если я подарю остальных?

— Что это ты придумал? — с любопытством спросил Чейн.

— Отцу будет приятно получить в подарок сына Пашты, правда? А мама с удовольствием поедет на одном из этих золотистых. Значит, второго я подарю папе, и вместе они составят отличную пару! — Он сделал паузу. — Как вы отнесетесь к этому, милорд?

— Прекрасно отнесусь. Но перестань называть меня милордом! Этак ты скоро начнешь величать меня «вашей светлостью»... Договорились? Ну, а теперь не хочешь взглянуть на кобылку, которую я приготовил тебе для поездки в Виз? Мне нужен для нее понимающий всадник с крепкой рукой. Если ты окажешь мне честь принять ее, можешь тренировать эту скотинку и гонять ее по Пустыне все лето. Как, согласен?

У Поля засияли глаза.

— Еще бы!

Они провели остаток утра, осматривая кобыл и мерингов, предназначенных для продажи в Визе. Тут была и кобылка, которую Чейн на лето отдавал племяннику. Красивая гнедая лошадка с огромными темными глазами несколько мгновений изучала Поля, а затем в знак дружбы подтолкнула его мокрым носом. Принц был очарован: он поверил, что кобылка и впрямь выбрала его, и только усталость помешала

мальчику тут же залезть на лошадь и покататься на ней взад-вперед.

После устроенного в крепости короткого полдника Тобин отослала Поля отдохнуть. Ни один самый здоровый юноша не мог спокойно перенести плавание, если он родился фарадимом. Мааркен вскоре тоже ушел по своим делам, но Меат задержался.

— Милорд, я вынужден попросить вас об одной милости. Причину, к сожалению, объяснить не могу; это в состоянии сделать только леди Андраде.

Чейн пожал плечами.

— Этого достаточно. Конечно, милость будет оказана.

— Спасибо, милорд. Вы не сможете дать мне для поездки в Крепость Богини двух телохранителей?

Тобин склонила голову набок.

— Мааркен уже намекал на это. Тебе недостаточно защиты колец? Что за сведения ты везешь, Меат: устные или письменные?

Меат неловко заерзал и извинился:

— Прошу прощения, миледи, я ничего не могу вам сказать...

— «Гонцы Солнца»! — насмешливо поддразнил Чейн. — Фарадимские тайны! Конечно, Меат, ты получишь своих телохранителей. Нынче же вечером.

— Благодарю, милорд. А сейчас я хотел бы рассказать вам о другом секрете, однако это нужно сделать с глазу на глаз.

Принцесса изумленно подняла брови, но безропотно поднялась и предложила:

— Дальние сады и тропинка в скалах подойдут?

Меат ни говорил ни слова, пока они не достигли усыпанной гравием, окруженной травой дорожки, с которой было хорошо видно раскинувшееся внизу море, покрытое пенными бурунами. Эта часть садов была пустынной; они увидели бы любого непрошеного гостя намного раньше, чем услышали его шаги. Только тогда фарадим рассказал им о происшествии в трактире, о том, какие выводы сделал из случившегося Поль, и подробно изложил содержание последовавшего за этим разговора Ллейна с ним, Чадриком и Аудрите. Чейн стиснул кулаки, а черные глаза Тобин недобро прищу-

рились, но пока Меат не закончил, никто не вымолвил ни слова.

— Сьонед знает?—спросила Тобин.

— Я сообщил ей об этом вчера с солнечным лучом. Она была не в восторге,—добавил Меат, несколько приукрашивая ситуацию.

— Могу себе представить,—пробормотал Чейн.— Ну что ж, значит, за Полем придется следить еще пристальнее, чем обычно. Мы сможем спокойно вздохнуть только тогда, когда он снова окажется в Грэйперле. Но меня беспокоит Риалла. Может, Рохан передумал брать с собой мальчика?

— Сьонед ничего мне об этом не сказала; наверно, они считают, что смогут защитить его,—ответил Меат.

— А Рохан радовался, что по сравнению с прошлым годом добился больших успехов... Проклятие!—Тобин изо всех сил пнула камень и сунула кулаки в карманы кожаных штанов.— Я думала, мы избавились от этих проклятых меридов много лет назад!

— Не хочется мне оставлять Поля,—медленно произнес Меат.— Даже на попечение родителей. Он очень дорог мне, и совсем не потому, что это будущий верховный принц и сын моих старых друзей. Я люблю этого мальчика как собственного сына. Но мне нужно немедленно ехать в Крепость Богини.

— Неужели то, что ты везешь, действительно так важно?—спросил Чейн и тут же поднял руку.— Прости. Больше никаких вопросов. Считай, что я не открывал рта. Лучшие лошади и двое самых преданных моих телохранителей будут ждать тебя завтра на рассвете. Эти люди знают быстройший и кратчайший путь.—Он слегка улыбнулся.— Кроме того, они позаботятся о тебе, когда будет нужно пересекать реки.

Меат сморщился.

— Пожалуйста, милорд, не напоминайте об этом!

Фарадим ушел. Чейн и Тобин продолжали идти по тропе, обсуждая новости. Наконец они сели на каменную скамью, спиной к морю. Перед ними вздымался замок: могучий, никогда не сдававшийся врагу, прикрывавший собой спавшего в нем мальчика...

— В нем нет и намека на нее,—внезапно сказал Чейн.—

Волосы у него чуть темнее, чем у Рохана, и лицо будет подлиннее, но в остальном мальчик выглядит так, будто матери у него вовсе не было.

— Вернее, будто Сьонед вполне могла быть его матерью.

— И когда они собираются все рассказать ему?

— Не знаю. Это не так просто. Думаю, в один прекрасный день он все узнает — тогда, когда станет старше и сможет понять...

— Скажи лучше, когда заставят обстоятельства. Ты знаешь не хуже меня — будь воля Сьонед, принцесса никогда не призналась бы в том, что она ему не мать.

— Нет, мать! Во всем, кроме рождения, Поль сын Сьонед, а не Янте!

Чейн сжал ее руку.

— Мне можешь не объяснять. Но что будет с Полем, если он узнает об этом не от них, а от кого-нибудь другого? Вероятность этого растет с каждым годом.

— Наоборот, уменьшается! — упрямо возразила Тобин. — До мальчика никогда не доходил ни малейший намек. Если бы кто-нибудь знал об этом, давно рассказал бы!

— Сначала знание, потом доказательства, — напомнил Чейн. — Я беспокоюсь о последних.

— Попробуй найди! — фыркнула она. — Те несколько человек, которые были тогда в Скайбоуле и Стронгхолде, любят нас и его и повторяют то, что им велели мы со Сьонед. А те, кто был в Феруче... Ба! — Она презрительно пожала плечами. — Кто поверит словам слуг, а не двух принцесс!

Чейн хорошо знал, что приступы царственного презрения бывали у жены только тогда, когда она чувствовала угрозу.

— Давай-ка прикинем, — предложил он, не обращая внимания на предупреждение, вспыхнувшее в глазах Тобин. — Предположим, что еще живы женщины, которые помогали Янте при родах, обмывали ребенка, качали колыбель...

— Им никто не поверит.

— Затем посчитаем, сколько сотен людей знает о том, что Рохан был пленником в Феруче. И сколько из них сумеет подсчитать срок, не прибегая к помощи пальцев.

Тобин это не убедило.

— У Янте были преждевременные роды. Все подумают, что она забеременела еще до того, как взяла в плен Рохана.

— А кто же тогда был отцом?

— Какая разница? Кого это волнует? Если все верят, что ребенок погиб вместе с матерью во время пожара, кто станет задумываться, чей он сын?

Чейн покачал головой.

— Еще живы три его единоутробных брата, которым наверняка показывали последнего сына матери. А они не слуги, Тобин. Они сыновья принцессы и благородные лорды. А если Сьонед попросит доказать, что она родила ребенка? У нее нет ни одного признака, который указывал бы на это.

Тобин победно улыбнулась.

— Есть! Мирдаль знает травы, которые вызывают прилив молока даже у нерожавших. А грудь кормившей женщины узнаешь сразу.

— Я об этом не подумал,—признался Чейн.— Но нельзя сбрасывать со счетов то, что в ту ночь, когда сгорел замок Феруче, кто-нибудь мог узнать тебя, Сьонед и Ост-веля.

— Чейн, ты боишься собственной тени, как «Гонец Солнца» с одним кольцом!

Он поглядел на Тобин, насупив брови.

— Значит, ты не считаешь, что Поль должен знать об этом? Предпочитаешь все держать в тайне? Неужели ты не понимаешь, что ему нужно узнать правду? И не из слухов, которые причинят ему боль и заставят сомневаться в собственном происхождении! А что может быть хуже этих слухов, которые подорвут все, что так долго строил Рохан? Разве тебе недостаточно этой чепухи о самозваном сыне Ролстры?

— Ты правильно сказал: это чепуха. Если он посмеет показаться на Риалле, над ним будет смеяться весь Виз. И то же самое случится с любой сплетней о Поле,—закончила она.

— Ты такая же упрямая и слепая, как Сьонед!

— Может, и упрямая, но не слепая. Я понимаю, о чем ты говоришь, но не вижу, почему Поль должен непременно узнать об этом. Вся его жизнь основана на том, что он явля-

ется законным наследником верховного принца и обладает даром фарадима, который, как он верит, передался ему от Сьонед. Неужели можно сказать ребенку, что на самом деле он внук такого человека, как Ролстра, и что его отец убил его деда?

— Ребенку — нет. Но он совсем скоро станет взрослым, будет посвящен в рыцари, а затем получит несколько колец «Гонца Солнца»...

— Нет. В этом нет нужды.

Чейн достаточно знал характер своей жены и понимал, что спорить с ней бесполезно. Он встал, помог подняться Тобин, и они вместе пошли к крепости.

— Но тебе придется согласиться, — сказал он, — что есть нужда в его физической защите. Я позабочусь о том, чтобы с него не спускали глаз. Лучше всего для этой цели подходит Мааркен. Он прекрасно владеет мечом и ножом, он взрослый мужчина и фарадим вдобавок. Поль ничего не заподозрит и не обидится, если его телохранителем станет кузен.

Тобин улыбнулась мужу.

— История повторяется. В свое время ты был телохранителем Рохана.

— Это еще один долг Радзина по отношению к любому правителю Пустыни.

* * *

В это время тело будущего лорда Радзинского было далеко от его наследственных владений, а мысли — еще дальше. Мааркен скакал на коне по кличке Исульким, что на древнем языке означало «Ураган».

Чейн назвал коня в честь кочевых племен Пустыни, которые появлялись и исчезали когда вздумается. Обычно целью их появления была кража одного из племенных жеребцов. Исулькими никогда не уводили с собой коней, которых крали частенько среди бела дня, но неизменно возвращали живыми и здоровыми после того, как их кобылы были покрыты. Чейн с радостью отдал бы им любого призового жеребца, лишь бы не умирать от страха за судьбу исчезнувших ло-

шадей, но исулькими неизменно отклоняли все его предложения. Красть производителей из-под носа у Чейна было намного интереснее.

Мааркен гнал коня на юг. Жеребец с честью оправдывал свое имя. Всю дорогу молодой человек натягивал поводья и только улыбался, когда скакун вскидывал голову, желая обогнать весенний ветер.

— Потерпи, дружище! Потерпи до скачек в Визе. Там будет настоящее дело, а не забава. Мне нужно несколько сапфиров для ожерелья, которое украсит собой шею некоей голубоглазой дамы!

Дальше Мааркен ехал легкой рысью и не слишком удивился, когда понял, что скачет по направлению к Белым Скалам. Это имение, расположенное в нескольких милях южнее Радзина, было предназначено для проживания женатого наследного лорда. Сам Чейн никогда не жил здесь, потому что ко дню сватовства к Тобин уже был лордом Радзина; все это время Белыми Скалами управляли слуги. Но, судя по всему, пустовать хоромам оставалось недолго; осенью Мааркен собирался обручиться, и тогда имение стало бы использоваться для той цели, ради которой было построено.

Мааркен знал, что давно должен был рассказать обо всем родителям. Но он стеснялся заявить о том, что не собирается разглядывать девушек в Визе, потому что уже нашел себе невесту. Или она нашла его. Трудно было сказать, что правильнее, но его это и не заботило. Он был рад случившемуся. При одной мысли о Холлис его губ касалась улыбка, и что за дело, если он вел себя как мальчишка? С детства его окружали пылко влюбленные, и если он питал безрассудную мечту о браке по любви, то виноваты в этом были в первую очередь его родители. Отец прожил свою пятьдесят первую зиму, мать была лишь на несколько лет младше, но взгляды, которыми они обменивались, когда думали, что никто их не видит, были достаточно красноречивы. Рохан и Сьонед были точно такими же. И Вальвис с Фейлин, лорд и леди Ремагевские, тоже. Даже солидные принц Чадрик и принцесса Аудрите ничем не отличались от остальных. Мааркен всегда мечтал о том же: об улыбках, о взглядах, не предназна-

ченных для чужих глаз, даже о вспышках гнева. Молодой лорд мечтал о женщине, с которой можно было бы работать рука об руку, а не только спать в одной постели, о женщине, которой он мог бы открыть и свое сердце, и свои мысли. Без этого женатая жизнь выродилась бы в нечто такое, когда каждое утро просыпаешься рядом с незнакомкой.

У Мааркена вспыхнули щеки при воспоминании о том, сколько раз с ним случалось подобное до того утра, когда он проснулся рядом с Холлис. Он не имел права на это, и когда дело дошло до леди Андраде, та страшно разозлилась. Но ему не было дела до гнева двоюродной бабушки.

Тогда Мааркену было девятнадцать лет, и никто не называл бы его новичком в любви. Отец как-то показал ему письмо принца Ллейна, в котором старик ехидно проезжался насчет способности Мааркена привлекать к себе внимание всех женщин Грэйперла независимо от их возраста: «С тех пор, как мальчишке исполнилось четырнадцать лет, в моем дворце не осталось ни одной юбки, которая не гонялась бы за ним до самозабвения. Мне как-то не слишком верится, что он удирал от них во всю прыть. Наоборот, я думаю, что он с удовольствием давал себя поймать». Чейн приберегал это письмо, пока Мааркена не произвели в рыцари и не отправили в Крепость Богини учиться искусству фарадима. Тогда они как следует посмеялись; правда, у Мааркена заалели щеки, но Чейн смотрел на него с законной гордостью.

Впрочем, эти случаи были всего лишь экспериментом: любопытство юноши быстро удовлетворялось, и желание угасало так же быстро, как и возникало. Холлис же разожгла в нем огонь, который неугасимо горел вот уже шесть лет.

Вскоре после прибытия Мааркена в Крепость Богини леди Андраде убедилась, что он действительно заслуживает полученного необычным путем первого кольца. Рохан наградил племянника серебряным кольцом с гранатом, когда тот вызвал Огонь во время войны с Ролстрой. Мааркен доказал Андраде, что действительно владеет этим искусством,

и она вручила ему простое серебряное колечко, которое вместе с гранатовым перстнем следовало носить на среднем пальце правой руки. Глядя в бледно-голубые глаза двоюродной бабушки, он слышал, что на следующий день должен в одиночку пойти в лес и узнать у Богини свое будущее, но до того, ровно в полночь, к нему придет женщина-фарадим и сделает его мужчиной.

Теоретически никто не знал имени своего первого партнера или партнерши. Пытаться узнать его считалось верхом дурного тона, да такого никогда и не случалось. Сама Богиня окутывала тайной «Гонца Солнца», скрывая его от той девушки или юноши, которым предстояло наутро расстаться с невинностью. Делали это фарадимы с семьей и более кольцами: только они обладали искусством, которое требовалось, чтобы превратить девушку в женщину, а мальчика в мужчину.

Однако в ту зимнюю ночь у Холлис было только четыре кольца. Иногда Мааркен думал, что все равно догадался бы, кто она. Даже в полной темноте он *пальцами чувствовал*, что волосы у девушки золотые... Он глубоко вздохнул, как будто снова ощущал слабый аромат ее тела.

Разговаривать было запрещено. Оба они знали это. Губы существовали только для ласк и поцелуев, а голоса — для сладостных стонов. Но когда все было кончено и Мааркен с колотящимся сердцем распростерся рядом с девушкой, он прошептал ее имя.

Она задохнулась и окаменела. Мааркен обвинил ее руками и не дал встать, когда она попыталась спастись бегством.

— Нет, — прошептала она, — пожалуйста, не надо...

— Ты мечтала об этом не меньше моего, — сказал Мааркен, но затем — что вполне прощительно для девятнадцатилетнего — нерешительно добавил: — Правда?

Она вздрогнула, но через миг прижалась к его груди и кивнула.

— Андраде убьет меня...

Мааркену показалось, что он в жизни не слышал большего бреда.

— Только через мой труп! — непринужденно ответил он. — Но она не посмеет меня и пальцем тронуть. Во-первых, я ее родственник, во-вторых, «Гонец Солнца» и будущий лорд Радзинский — слишком важная персона! Конечно, она будет произносить громкие слова и немного позлится, но мы с тобой это уже не раз слышали.

Напряжение оставило ее.

— Есть еще одна трудность. Этой ночью тебе предстоит стать мужчиной, но у меня только четыре кольца, поэтому я не могла как следует научить тебя любви. Боюсь, я плохо выполнила свой долг, милорд.

Мааркен задохнулся от изумления и лишь потом понял, что его дразнят. Самым нежным тоном, на какой был способен, он сказал:

— Ну что ж, миледи, раз так, придется повторить урок. Я очень медленно усваиваю. Вполне возможно, что на это понадобится вся ночь.

Они совсем забыли, что в полночь в комнату Мааркена должна была прийти совсем другая женщина, забыли обо всем на свете, кроме радости обладать друг другом. Ее волосы казались золотой рекой, которая горела в темноте собственным светом; ослепленный этим блеском, Мааркен отстранил тонкие пряди и провел пальцами по носу, щекам и лбу, изучая ее лицо на ощупь, как раньше изучал его взглядом. Его руки изучали всю ее, воспринимая цвета ее тела так же ясно, как и цвета души. Он затерялся в ее сапфире, жемчуге и гранате — глубоких сияющих цветах, окутавших его словно бархат и без слов говоривших о светлой и прекрасной душе девушки.

Они лежали обнявшись и обмениваясь ленивыми поцелуями, когда с тихим шумом открылась дверь. Мааркен резко сел, а Холлис негромко вскрикнула от испуга. На пороге стояла женщина, окутанная шелковистой тенью. Голоса ее Мааркен не узнал.

— Так-так... — Внезапно женщина весело рассмеялась. — Можете заканчивать то, что так хорошо началось. Мир вам, дети!

Дверь закрылась, и она ушла.

Мааркен перевел дух.

— Как... как думаешь, кто это был?

— Не знаю и не хочу знать. Но что бы она ни сказала, мы попали в беду, Мааркен!

— Я люблю тебя, Холлис. Так что все правильно.

— Для нас с тобой. Но не для Андраде.

— Черт с ней! — нетерпеливо сказал он. — Я уже говорил, она нас пальцем не тронет. Ты слышала, что сказала эта незнакомка? Остаток ночи наш. Я не собираюсь пропускать это мимо ушей. И уж подавно не собираюсь понапрасну тратить время!

— Но...

— Хватит! — Он поцелует заставил ее замолчать. Желание разливалось по его жилам, как медленная струя расплавленного солнечного света. Холлис мгновение сопротивлялась, потом вздохнула и обвила его руками...

На следующее утро он один вошел в древесный круг, который показывал фарадимах их будущее. Опустившись на колени перед неподвижным прудом под каменной пирамидой, обнаженный Мааркен повернулся лицом не к Дереву Мальчиков или Юношескому, но к Мужскому Дереву. Однажды он повернется к огромным соснам, символизирующим отцовство и старость, но не теперь. Сегодня, согласно ритуалу «Гонцов Солнца», он был мужчиной. Он вызвал Огонь над тихой Водой, вырвал из головы волосок, представлявший Землю, из которой было сделано его тело, и выдохнул из легких Воздух, чтобы раздуть крохотные язычки. В них он увидел собственное лицо: зрелое, гордое, напоминавшее чертами мужественное лицо отца, а разрезом глаз мать. Затем Огонь вспыхнул еще раз, и рядом с его лицом показалось новое. Он увидел взрослую Холлис; ее золотистые волосы были заплетены в тугую косу, уложенную вокруг головы, и перехвачены тонким серебряным обручем, украшенным одним-единственным рубином. Это был знак леди крепости Радзин.

По возвращении, слегка оправившись от счастливого столбняка, он обнаружил послание. Его ждала леди Андраде. Она яростно напустилась на Мааркена за поругание традиций Крепости Богини, но юноша не обратил на это ни ма-

лейшего внимания. Когда в конце концов Андраде гневно спросила, раскаивается ли он, Мааркен безмятежно улыбнулся ей.

— Я видел в Огне и Воде лицо Холлис...

Андраде со свистом втянула в себя воздух и грозно нахмурилась. Однако больше об этом не было сказано ни слова, и Мааркен с Холлис не понесли никакого наказания. Как-никак, он был наследником важнейшего лордства, внуком Зехавы и кузеном будущего верховного принца. Он не мог ни жениться, ни даже выбрать себе невесту без согласия своих родителей и своего принца. Но ему было только девятнадцать, Холлис на два года больше, и времени им хватало.

На следующее лето Холлис получила свое пятое кольцо и была направлена в Оссетию, к лорду Реки Кадар. Его владения были расположены достаточно близко, чтобы можно было время от времени встречаться; связываться с помощью солнечного луча обученным фарадима и ученикам не представляло труда, а у Мааркена появлялся дополнительный стимул к занятиям. Дни, позволявшие ему прикасаться к ее цветам, были длинными, но ночи казались еще длиннее.

Холлис сама умоляла его потерпеть. Девушка была непреклонна: он не должен и близко подходить к родителям и верховному принцу, пока и она, и Мааркен не получат шестое кольцо, указывающее на то, что они умеют пользоваться лунным светом не хуже, чем солнечным.

— Они должны знать, что я могу быть полезна тебе, — искренне убеждала Холлис. — А ты должен доказать, что в полной мере овладел искусством пользоваться своим даром. Тем временем я обучусь придворным манерам и тому, как управлять лордством, иначе зачем мне нужен этот Кадар? Мне придется быть и твоей леди, и «Гонцом Солнца». Кроме того, если в один прекрасный день я окажусь в Радзине, мне надо будет разбираться в лошадях, а где я этому обучусь лучше, чем в Кадаре, у главного соперника лорда Чейналя? — Оба прыснули, но девушка тут же стала серьезной. — Это для меня очень важно, Мааркен. Не менее важно, чем для тебя твое рыцарство.

Он был вынужден согласиться. Но сейчас, глядя на сверкающие шесть колец, украшавшие руку, которая держала поводья Исулькима, Мааркен спросил себя, почему он до сих пор медлит. Он мог все рассказать родителям либо сейчас, либо подождать до Риаллы, где они увидят девушку и поймут, что она достойна их. Андраде вызвала Холлис в Крепость Богини: само собой разумелось, что девушка в составе свиты будет сопровождать ее в Виз. Мааркен был благодарен своей двоюродной бабушке, но полон подозрений: он прекрасно знал, что Андраде ничего не делает без умысла. Если она хотела женить его на Холлис, то причиной здесь была вовсе не их обоюдная любовь, хотя она и не стала бы возражать, если бы они при этом были счастливы. Нет, на уме у Андраде было что-то другое, и это «что-то» тревожило Мааркена.

Он все еще не мог рассчитывать на поддержку родителей, хотя те часто говорили, что его счастье для них превыше всего. Как-никак, он был их старшим сыном, наследником и занимал высокое положение, даже не беря в расчет его кровное родство с Полем. Ему предстояло править единственным на всем побережье Пустыни безопасным портом, через который шла торговля самыми важными товарами: отсюда вывозились лошади, золото, соль и стекло, а ввозились продовольствие, мануфактура и особенно драгоценный шелк. В Радзине разводили чистопородных лошадей, бравших призы на каждой Риалле, но подлинным источником его богатства была торговля. Дед Мааркена был богат, отец еще богаче, и юному лорду было трудно представить, насколько богат будет он сам. По всем правилам он должен был жениться на женщине, благородство происхождения которой не уступало его собственному.

Конечно, Холлис была необыкновенной девушкой, но родителями ее были два простых фарадима Крепости Богини, состоявшие в гражданском браке. Дети Холлис и Мааркена должны были унаследовать дар и от отца, и от матери. Мааркен уже сталкивался с подозрительностью и завистью, которые вызывало в других то, что талант «Гонца Солнца» достался сыну могущественного лорда.

Молодой человек остановился в роще, которую по при-

казу матери насадили еще до его рождения. Он был рад прохладной тени и не обращал внимания на нетерпеливо гарцевавшего Искулькима. Сквозь деревья виднелись каменные стены поместья, суровость которых смягчалась цветущими виноградными лозами. Конюшни, пастбище, сады, песчаный пляж у подножия скал, удобный и уютный дом — все это еще до наступления сезона бурь будет принадлежать ему, если он приведет сюда Холлис. Они проведут зиму, слушая шум дождя и ветра и греясь у камина. Мааркен мечтал об этом с самого детства, когда они с братом-близнецом Яни прятались здесь, играя в юных владельцев собственного поместья. Тогда они были еще слишком малы, чтобы думать о таких чуждых и смешных вещах, как жены, но как-то вскоре после смерти брата Мааркену пришло в голову, что в этом красивом старом доме могли бы жить две супружеские пары, дети которых заполнили бы все пустующие комнаты и играли бы во дворе в драконов... Грустная улыбка появилась на лице молодого лорда; он тронул поводья и шагом поехал вперед.

Если Андраде чего-то хотела, то непременно добивалась своего. Так было всегда. Она выдала свою сестру-близнеца замуж за принца Зехаву в надежде, что у них родится наследник с даром фарадима. Однако этот талант частично передан лишь матери Мааркена. Тогда Андраде приложила все силы, чтобы женить Рохана на Сьонед, и этот союз дал свои плоды: их сын стал и фарадимом, и верховным принцем одновременно. Она скрещивала их друг с другом, как призовых жеребцов и кобыл. Вполне возможно, что двоюродная бабка уже присмотрела невесту и для Поля, несмотря на его нежный возраст. Она не стала препятствовать связи Мааркена с девушкой-«Гонцом Солнца», поскольку это служило гарантией передачи дара следующему поколению. Но юноша слишком хорошо знал Андраде и понимал, что если он не остережется, бабка живо приберет его к рукам. К своим прекрасным, изящным рукам... Ему намекали, что именно это послужило причиной охлаждения между Андраде и Сьонед. Леди Крепости Богини беззастенчиво использовала ее и Рохана, чтобы получить от них долгожданного принца-фарадима, и в конце концов они взбунтовались. Более того,

после рождения Поля Сьонед носила на руке только подаренное мужем кольцо с изумрудом, но никогда не надевала заслуженные ею семь колец фарадима. Это служило постоянным напоминанием о том, что она больше не подчинялась леди Андраде и Крепости Богини. Вот потому-то и тревожились другие принцы.

Нет, мысль о том, что Рохан и Сьонед являются марионетками, а на самом деле всем заправляет Андраде, едва ли пришлась бы им по вкусу. Но на самом деле принцев куда больше страшило сочетание этих двух видов власти в любых комбинациях. А ведь Поль был не один такой. Существовали еще Мааркен, его младший брат Андри и Риян из Скайбоула. Другие высокородные боялись, что могучий лорд станет еще более могучим, если он будет уметь вызывать Огонь, с помощью сплетенных лучей следить за двором любого а три и пользоваться чужими ушами и глазами для выведывания их тайн. У «Гонцов Солнца» существовала своя этика: им категорически запрещалось использовать свой дар для убийства; не менее строгое табу было наложено на стремление усилить одно государство за счет ослабления другого. Однако на что надеялась Андраде, когда создавала правителей, которые обладали двумя видами власти?

Тема была тонкая и щекотливая. Перед Мааркеном еще не встала проблема выбора, но он знал, что рано или поздно столкнется с ней. Судя по странному выражению, иногда мелькавшему в глазах Сьонед, она уже сделала такой выбор, и это оставило неизгладимый след в ее душе. Мааркен не мог поговорить об этом с родителями: мать не поняла бы его несмотря на свои три кольца фарадима. У Тобин, принцессы по рождению и могущественной леди Радзинской по мужу, был совсем другой образ мыслей, чем у настоящих «Гонцов Солнца». Она не проходила обучения в Крепости Богини. А Сьонед... это совсем другое дело. Мааркен слегка успокоился при мысли о том, что поговорит с ней. Сьонед была первой обладательницей двух видов столь высокой власти и должна была так же бояться за своего сына, как Мааркен боялся за себя и за своих будущих детей.

Лорд развернул жеребца, не доезжая до ворот Белых Скал. Он еще не был готов въехать в них как хозяин. Стоило обмолвиться отцу о том, что он хотел бы здесь кое-что переделать, как родители поняли бы, что он всерьез намерен жениться. Но он подождет, поговорит со Сьонед, предоставит всему Визу возможность узнать достоинства Холлис и только потом заговорит о свадьбе.

Либо он въедет в ворота Белых Скал рядом с Холлис, либо не въедет в них вообще.

ГЛАВА 4

Верховный принц нежился в кровати и запивал разбавленным вином завтрак, состоявший из свежих фруктов и слоеных булочек. У его локтя лежала пачка пергаментов, верхний из которых был вымазан яблочным повидлом. Обычно Рохан завтракал, не отрываясь от работы, но сегодня утром он пренебрег этим правилом ради того, чтобы полюбоваться сгоравшей от нетерпения женой и подшутить над ней.

Сьонед металась по комнате; длинная ночная рубашка из бирюзового шелка подметала пол. Трижды она заплетала и вновь расплетала свои длинные огненно-рыжие волосы, не удовлетворенная результатом. При каждом нервном движении руки на ее пальце вспыхивал огромный изумруд. На кресле лежала целая коллекция платьев, но она еще не подходила к ним, занятая прической. Сдавленные проклятия и досадливые вздохи принцессы сильно забавляли ее мужа.

— Ты никогда не испытывала таких мук, когда наряжалась для меня, — наконец не выдержал он.

— Сыновья более наблюдательны, чем мужья. Особенно после трехлетнего отсутствия! — огрызнулась Сьонед.

— А можно бедному мужу сделать одно предложение? Почему бы тебе не одеться как всегда? Поль ожидает увидеть мать, а не верховную принцессу в шелках и драгоценностях.

— Ты так думаешь? — с несчастным видом спросила она и вспыхнула, когда Рохан засмеялся. — Ох, перестань! Я знаю, что это глупо, но не могу не думать о том, как сильно он изменился.

— Вырос, приобрел хорошие манеры и чувство собственного достоинства,— перечислил Рохан.— Я сам прошел через это, когда был оруженосцем в Ремагеве. Но ничто из перечисленного не помешает ему увидеть, что ты такая же красавица, какой он тебя запомнил.

— Ты опять засыпал крошками всю кровать!

— Ничего, в Стронгхолде хватит простынь и слуг, чтобы сменить их. Подойди сюда и дай мне заняться твоими волосами, ненормальная женщина!

Она села на кровать спиной к мужу, и Рохан ловко заплел ее волосы в тугую косу.

— Ну вот, ни одного седого волоса,— сказал он, закончив работу.

— Если найду, тут же выдерну.

— Если бы так поступал я, то давно остался бы лысым. Дай мне шпильки и посиди смирно.— Он свернул косу в гладкий пучок, поцеловал жену в шею и только потом сколол узел плоскими серебряными шпильками.— Вот и все. Теперь посмотри на себя в зеркало.

Она подошла к туалетному столику и кивнула.

— Когда тебе надоест быть принцем, станешь моей горничной. Не такое уж плохое место. А что касается седины... Все, к чему ты прикасаешься, превращается не в золото, а в серебро. Далеко тебе до того древнего царя — как его звали?

Рохан улыбнулся.

— До чего же у меня хорошая, почтительная жена! Ее хлебом не корми, дай сказать мужу что-нибудь ласковое! — Он прикрыл простыней пергаменты, поднялся на ноги и потянулся. Проведя пятерней по волосам, принц широко зевнул и потянулся снова, словно хотел продемонстрировать себя Сьонед во всей красе.

— Твоя хорошая, почтительная жена просит разрешения напомнить тебе, что сегодня утром у нас полно дел! — парировала Сьонед.

— В самом деле? — Он через плечо посмотрел на кровать. — Я помню, там были какие-то бумаги, но они куда-то исчезли...

Она хихикнула.

— Кто-нибудь говорил тебе, что ты невозможен?

— Да. Ты. Все время.— Рохан подошел и развязал пояс-сок на ее ночной рубашке.— Одевайся. Дракончик может приехать с минуты на минуту.

Но отряд из Радзина опаздывал. Рохан и Сьонед ожидали его в Большом зале, и Сьонед расхаживала из угла в угол, цокая каблучками по зелено-голубому мозаичному полу. Рохан, развалившись у окна рядом со столом оруженосцев, наблюдал за женой и безмерно радовался ее нетерпению. Он и сам волновался, но благодаря врожденному стремлению все делать наоборот чем сильнее нервничала Сьонед, тем больше успокаивался он сам.

Наконец прибежал слуга с донесением, что отряд молодого хозяина заметили с Пламенной башни, и Сьонед бросила на Рохана виноватый взгляд. Выражение ее лица избавило принца от необходимости спрашивать, кто из них оказался прав. Она пригладила волосы, одернула платье, глубоко вздохнула и шагнула к огромным резным дверям, торжественно раскрывшимся перед верховным принцем и верховной принцессой. Рохан последовал за женой, с улыбкой думая о том, что как ни красива она в нарядном платье и свадебном изумрудном ожерелье, но ничто не идет Сьонед больше, чем костюм для верховой езды, подчеркивающий ее стройную фигуру и длинные ноги. Нет, поправился он, чем костюм для верховой езды или полное отсутствие всякого костюма, если не считать пышной гривы распущенных волос...

Они вместе стояли на верхней ступени крыльца. Сьонед превратилась в соляной столп, а Рохан обратил внимание на возбуждение, которое охватило собравшихся во дворе слуг. Группы спорили за честь принять повода из рук Поля, повара вполголоса обсуждали, кто из них лучше помнит его любимые блюда, и Рохан заподозрил, что эта дискуссия длится не первый день. Стражи Стронгхолда построились в шеренгу во главе с их командиром Маэтой и принялись стряхивать воображаемые пылинки со своих безупречных голубых туник и сверкающих полудоспехов. Сколько шума из-за одного мальчика, удивился Рохан, совсем забыв о том, с какой помпой встречали его самого по возвращении из Ремагева. От ворот донесся выкрик: «Стоит, кто идет?» Он не мог слышать ответа, но знал, какие слова произнес Чейн: «Его вла-

детельное высочество принц Поль, наследник Пустыни и Принцесой Марки!» Гордость охватила Рохана: он оставил сыну половину континента, раскинувшуюся от Восточных Вод до Великого Вереша; оставлял законы, которые позволяли мирно править этими землями, власть, дававшую возможность воплотить их в жизнь, и дар фарадима, чтобы охранять все это. Верховный принц посмотрел на Сьонед, которая охраняла его самого двадцать одну зиму — целых полжизни. Она пользовалась своим искусством и своей мудростью ради его блага, и пусть недовольная этим Андраде катится ко всем чертям! Вместе они составляют идеальную пару. Поль получит от Рохана силу и знания, а от Сьонед дар «Гонца Солнца». И разве имеет значение, что не она родила его?

Инстинкт подсказал Рохану, что он правильно угадал причину ее нервозности. Будь побольше времени, он успел бы шуткой разрядить обстановку. Поль был таким же ее сыном, как и его; про Янте следовало забыть раз и навсегда. При мысли о мертвой принцессе у него напряглись плечи. Он сознательно заставил себя расслабиться и взял Сьонед за руку. Какой бы вид она на себя ни напускала, Рохану достаточно было прикоснуться к жене, чтобы понять ее подлинные чувства. Ее длинные пальцы слегка подрагивали, были ледяными несмотря на весеннее тепло и вовсе не ответили на его легкое пожатие. Неужели она боялась, что подросший Поль отдавится от нее? Неужели еще не поняла, что ее права на него, дарованные любовью, в тысячу раз сильнее прав крови?

Ворота внутреннего двора открылись, и в них проехали всадники. Поль скакал первым, как и подобало юному лорду, возвращавшемуся домой. За ним следовали Чейн, Тобин и Мааркен в сопровождении десятка воинов. Но Рохан не смотрел ни на кого, кроме своего сына. Поль подъехал к крыльцу под восторженные крики слуг и церемонно поклонился родителям, не слезая с седла.

Рохан и Сьонед ответили ему предусмотренными ритуалом царственными кивками, едва удерживаясь, чтобы не рассмеяться над юношеской торжественностью Поля. Краем глаза Рохан заметил усмешку Чейна и поднятые к небу глаза Тобин. Он с трудом подавил желание подмигнуть

им. Пока Поль спешил, Рохан в сопровождении жены спустился по ступеням.

— Добро пожаловать домой, мой сын,— сказал он, и Поль отдал ему еще один предусмотренный этикетом поклон. О да, Ллейн и Чадрик обучили его хорошим манерам—но, судя по улыбке, внезапно озарившей лицо мальчика, характер его ничуть не изменился. Оставалось только следить за тем, сможет ли он бросить формальности в присутствии домочадцев Стронгхолда, которые знали Поля всю жизнь, гордились им и радовались ему не меньше, чем родители.

Поль выдержал испытание. Избавившись от необходимости корчить из себя важную особу, он бросился по ступенькам в объятия матери. Сьонед крепко прижала его к себе, а потом отпустила, чтобы он мог обнять отца. Ероша мягкие волосы сына, Рохан с улыбкой смотрел на него сверху вниз.

— Я думал, мы никогда не доедем!—воскликнул Поль.— Мама, извини, что мы опоздали, но Мааркен хотел устроить погоню за песчаным оленем. Правда, мы потеряли оленя в Ривенроке.

— Ах, как жаль!—посочувствовала Сьонед.— Ну ничего, мы поймаем его завтра. Похоже, тебе так не терпится, что ты готов гоняться за оленем весь день. Может, войдем в зал и выпьем чего-нибудь холодного?

— А можно я сначала поздороваюсь со всеми? И позабочусь о моей лошади? Дядя Чейн дал мне ее на лето, а потом я поеду на ней в Виз!

Рохан милостиво кивнул, и Поль убежал. Теперь гордость принца за сына не знала границ. Весь Стронгхолд увидел, как изменились внешность и поведение Поля, и убедился, что мальчик превратился в настоящего юного лорда. А теперь инстинкт подсказал ему, что пора восстановить детские дружеские связи. На секунду Рохан задумался, знал ли Поль, что заставило его поступить так, а не иначе, и оценивал ли он последствия этого, но потом решил, что нет. Все его действия были искренними и внезапными.

Чейн спешил и подошел к крыльцу. Дьявольски улыбаясь, он отдал Рохану тщательный, низкий поклон, как будто приносил вассальную клятву. Рохан фыркнул.

— Хоть ты не начинай!

— Я только хотел последовать прекрасному примеру вашего сына, мой принц,— ответил Чейн.— Если вы простите вашего скромного слугу и его незначительного сына, то мы бы хотели еще раз последовать примеру Поля и позаботиться о наших лошадях. Итак, с вашего милостивого позволения, мы можем удалиться, мой принц?

— Пошел вон отсюда, старый дурак! — рявкнула Тобин, как следует шлепнула мужа по задку и прошла мимо.

Рохан поднял глаза, разыскивая Поля. Мальчик стоял в окружении оживленно-болтавших, пощучивавших солдат, лучников, грумов, служанок; здесь был даже главный сенешаль Рохана, рассудивший, что в данную минуту он должен быть ближе к молодому принцу, чем к старому. Обнимая сестру, Рохан продолжал сокрушенно покачивать головой. Его немного смущало непонятное действие чар сына на челядь. Но когда Тобин расцеловалась со Сьонед и они вошли в замок, сестра раскрыла ему эту тайну.

— Он в точности такой, каким ты был в его возрасте,— заявила она.— Клянусь тебе, в Радзине все готовы были за него идти сражаться с драконами, и я не думаю, что в Грэйперле было по-другому.

— Ну, тогда я был немного меньше,— напомнил Рохан.— В то время я служил гонцом между одной принцессой и избранным ею лордом. Встречи в полночь, тайные свидания днем... Неужели Поль тоже замешан в таких делишках?

Несмотря на свой возраст, Тобин умудрилась вспыхнуть.

— Не знаю, но готова держать пари: если это так, он вдвое лучше справляется с порученным делом, чем ты, растяпа! В тот день, когда отец застал меня с Чейном, я потеряла десять лет жизни!

— Это была не моя вина,— запротестовал Рохан.— К тому же тебя застали всего однажды, а сотни раз...

— Сотни! Послушайте-ка его! — Она сделала шаг назад, отходя в тень, и внимательно рассмотрела их обоих.— Рохан, ты начал есть! Глазам своим не верю!

Сьонед хихикнула.

— Брюшко — один из признаков надвигающейся старости!

— Нет у меня никакого брюшка! — запротестовал Рохан

и ушипнул сестру за талию, по-прежнему тонкую, как у девушки. — Да и у тебя его тоже что-то не видно.

— Если бы было видно, — откликнулся Чейн, стоявший в дверном проеме, — я бросил бы ее в темницу и немного поморил голодом. А ты, Сьонед, все хорошеешь — впрочем, как всегда. — Он поцеловал ее в щеку, сделал паузу и для симметрии поцеловал в другую. — Что ты там бормочешь про старость? Ну, а ты... — Он сгреб Рохана в охапку и улыбнулся. — Все еще можешь спрятаться за острием меча? Черт возьми, обидно стариться в одиночку!

Сьонед лукаво приподняла бровь.

— И это говорит мужчина, одного взгляда которого достаточно, чтобы заставить затрепетать любую обитательницу Стронгхолда!

— Если бы! — вздохнул Чейн. — Увы, теперь эта честь принадлежит Мааркену. Кстати, ты знаешь, что он просил позволения за лето привести в порядок Белые Скалы?

— Ого! — рассмеялась Сьонед. — Значит, скоро будешь нянчить внуков? — Заметив, что в дверях стоит Мааркен, красный до ушей, она обняла племянника и шепнула: — Все ясно. Об этом больше ни слова...

— Спасибо, — благодарно ответил он. — Поль говорит, чтобы мы не ждали его. Он скоро придет. В него мертвой хваткой вцепилась Мирдаль.

Тобин кивнула и шагнула к парадной лестнице.

— Пусть не выпускает подольше. За это время мы успеем поговорить об угрожающей ему опасности.

Радость встречи с родней тут же сменилась гнетущим молчанием. Поднявшись на несколько ступенек, Тобин вздохнула, обернулась и сокрушенно пожала плечами.

— От этого разговора не убежишь... Пошли скорее!

Шедший следом Рохан, пытаясь сохранить хорошее настроение, громко прошептал Чейну:

— Почему при ней я всегда чувствую себя гостем в собственном доме?

— Лучше уж гостем, чем слугой, — философски заметил Чейн. — Видел бы ты, как она обращается с лордами и принцами, которые по глупости приглашают нас на охоту или праздник сбора урожая!

— Спасибо, я каждые три года люблю эту картину

во время Риаллы. Чейн, у нас с ней общие родители и общее воспитание, так почему же она делает то, чего не могу я?

Тобин, к тому времени достигшая лестничной площадки, оглянулась через плечо.

— Бедный, неуклюжий, застенчивый верховный принц! — огрызнулась она. — Ты делаешь то же самое, только сообщения у тебя не больше, чем у Поля!

С тех пор как Рохан принял титул верховного принца, количество людей, приезжавших в Стронгхолд, выросло вчетверо. Послы других принцев прибывали сюда все чаще и оставались на более долгий срок, хотя Рохан и отказался от идеи двора, который Ролстра создал в замке Крэг. Искусство «Гонца Солнца», которым владела Сьонед, делало излишним существование постоянных посольств; связь с фарадимами при других дворах действовала быстрее и была куда более эффективной, чем обмен посланиями с помощью сновавших взад и вперед гонцов. Более того, сообщение через фарадимов было более кратким и деловитым, поскольку здесь не требовалось бесконечных торжественных церемоний, с помощью которых официальные лица подтверждали свои полномочия. Отсутствие настоящего двора было для Рохана и Сьонед немалым облегчением. Пока Поля был маленьким, им, несмотря на свое высокое положение, хотелось сохранить некое подобие семейной жизни.

Тем не менее паломничество со всего континента продолжалось, и в конце концов стало ясно, что Стронгхолд, не приспособленный для такого наплыва посетителей, придется перестроить. Иногда каждая комната, прихожая и даже коридоры были заполнены толпой людей, которые имели несчастье прибыть в одно и то же время. Впрочем, если жалобы и были, то они не доходили до ушей Сьонед. Она никогда не извинялась за доставленные посетителям неудобства. Всех за исключением родни и ближайших друзей она считала незваными гостями: терпела, кормила, поила, беседовала, но стремилась избавиться от них сразу же по окончании дела. Мать Рохана, принцесса Милар, превратила Стронгхолд из военной крепости в фамильный замок, и Сьонед не собиралась делать из него постоянный двор, существующий только для удобств чужаков.

Однако Рохан настоял на одном изменении. Большой зал

для торжественных приемов, смежный с главным вестибюлем, был чересчур велик для конфиденциальных бесед в дружеской обстановке. Ему требовалось маленькое уютное помещение по соседству с их собственными покоями. В комнате под лестницей на непокрытом полу стояло несколько жестких стульев, а на стене висел огромный гобелен с изображением Стронгхолда, недвусмысленно напоминавшим о силе крепости и могуществе ее правителей. Но комната наверху была совсем иной: каменный пол устилал роскошный кунакский ковер спокойной зеленой, голубой и белой расцветки, на котором стояла удобная мягкая мебель; небольшие гобелены изображали холмы Вере в весеннем цвету. Окна выходили во внутренний двор, откуда доносились мирные голоса домочадцев замка, занятых хозяйственными заботами. Именно здесь прошло множество полезных переговоров между Роханом и его атри или послами того или иного принца, желавшего обсудить какую-нибудь особенно щекотливую проблему.

Пока родня рассаживалась в креслах и на диванах, Съонед велела слугам принести каждому по бокалу охлажденного вина, а затем удалиться. Бокал Поля ожидал хозяина на столике сбоку. Съонед надеялась, что сын задержится; говорить об угрожавшей мальчику опасности можно было только в его отсутствие. Его не испугала бы необходимость заботиться о собственной безопасности; скорее наоборот. Поля всеми силами постарался бы избавиться от вызывающей гнетущее чувство постоянной слезки и тем самым только подставил бы себя под удар.

— С твоего разрешения, — сказал Рохану Чейн (хотя было ясно, что это всего лишь пустая формальность и что он выполнит задуманное независимо от позволения верховного принца), — я сделаю Мааркена телохранителем Поля на время поездки мальчика в Марку. Что ни говори, он должен познакомиться с этим местом. Не столько для расширения кругозора, сколько для изучения обстановки с точки зрения военного — конечно, если ты собираешься со временем сделать его полководцем Поля.

— Такова одна из вассальных обязанностей лордов Радзина, — напомнил Рохан. — Мааркен заслуживает этого и по опыту, и по уму, и по праву рождения.

— Спасибо, милорд, — ответил молодой человек.

— Впрочем, твой отец еще не скоро освободит этот пост, как бы ни жаловался на старость! Но ведь ты хотела сказать что-то еще, Тобин...

— Конечно. — Она поджала под себя ногу в сапоге, не боясь испачкать бархатную обивку дивана. — Меня взволновал рассказ Меата о самозваном сыне Ролстры. Раньше я не обращала на эту чушь никакого внимания, поскольку его претензии абсурдны. Но теперь понимаю, что мальчик мог стать помехой тем, кто достаточно глуп, чтобы поддерживать самозванца по каким-то личным причинам. Будет трудно отличить тех, кто действительно верит ему, от тех, кто притворяется, будто верит, а на самом деле стремится вызвать новые сложности. Что ты собираешься делать с этим человеком, Рохан?

— Ничего. Во всяком случае, не сейчас. Сама знаешь, стоит только признать, что такая проблема существует, как это даст пищу новым слухам. Наш визит в Марку заставит умолкнуть самозванца лучше, чем что-нибудь другое. Я возьму с собой эскорт, достаточно внушительный, чтобы продемонстрировать свою силу, но не превышающий того, что положено верховному принцу. Впрочем, эта поездка была запланирована давно, еще до того, как начались слухи, так что никто не подумает, будто она предпринимается в связи с этим делом.

Тобин одобритительно кивнула.

— Поспешная поездка, не объявленная заранее, была бы признаком тревоги и слабости. — Она сделала глоток вина, а потом кивнула еще раз. — Если Мааркен не будет спускать с Поля глаз, тот ничего не заподозрит, а сам Мааркен получит полную возможность как следует изучить Марку на случай предстоящей войны.

— Войны там не будет.

Тон Рохана был бесстрастным, но чем спокойнее он говорил, тем весомее звучали его слова.

Черные брови Тобин сошлись на переносице.

— Если понадобится, ты будешь сражаться как миленький! Как бы сладко ты ни пел о чести и законе, бывают времена, когда последним аргументом становится сталь! И ты

знаешь это не хуже меня. А после школы Ллейна это прекрасно знает и Поль.

— Он не будет жить с мечом в руке, как жил его отец.

Если Тобин и услышала в голосе брата предупреждение, то не обратила на него ни малейшего внимания.

— Не будь дураком. Я не говорю, что Поль должен получать такое же удовольствие от войны, какое временами испытывал его отец. Я имею в виду, что есть времена, когда принцу приходится браться за оружие, если он хочет остаться принцем.

Рохан спокойно встретил ее взгляд.

— Ты права, Тобин. Остаться принцем, но при этом не стать варваром. Именно этому я и хотел научить Поля и избавить его от тех мучений, которые испытал сам, пока не дошел до всего своим умом.

В тот момент, когда в комнате воцарилось неловкое молчание, на пороге появился Поль — светловолосый, голубоглазый, полный энергии. Как только мальчик вошел в комнату, его радостная улыбка тут же погасла. Пытливо оглядев лица собравшихся, он сказал:

— Я уже знаю, что речь шла обо мне — вы все сразу умолкли...

Недовольный тон сына больно задел Рохана.

— Если бы ты постучал в дверь и попросил разрешения войти, мы бы успели вовремя сменить тему!

Мальчик заморгал и покраснел. Сьонед метнула на мужа осуждающий взгляд и встала.

— Пойдем, я дам тебе попить, — сказала она сыну.

Поль с готовностью последовал за ней, но, подойдя к столику, вдруг спросил:

— Он сердится на меня?

— Нет, дракончик.

— Мама, я не маленький. Мне надоело, что все здесь обращаются со мной как с ребенком!

— Но ты ведь и был ребенком, когда уезжал от нас. Просто мы еще не привыкли к тебе.

— Так вот, я уже вырос, — решительно заявил он. — Я не нуждаюсь в защите. И у меня есть право знать, что заставило вас замолчать, когда я вошел в комнату.

Сьонед закусила губу. Попытавшись сгладить резкость

Рохана, она только испортила дело. Ее рука, собиравшаяся обнять Поля за плечи, бессильно опустилась. Он был совсем другим, этот юноша, вернувшийся вместо ее маленького мальчика; его щеки и подбородок напоминали черты зрелого мужчины, а в глазах застыла недетская серьезность. В горле Сьонед застрял комок. Она ждала, что к ней вернется ее дитя. Но Поль был прав: он больше не был ребенком. И все же оставались вещи, о которых он не должен был знать, и правда, от которой его следовало защищать как можно дольше. Если она не сможет удержать любовь и доверие Поля в тот момент, когда он обо всем узнает, то потеряет сына навсегда.

— Мама! О чем вы говорили?

Смятение не помешало ей увидеть, что в глазах Поля горит вызов. *Обращайтесь со мной как со взрослым*, — было написано на его лице.

Положение спас Мааркен, попросивший Поля рассказать о том, чему теперь обучает оруженосцев Чадрик, школу которого прошли они оба, и постепенно все пришло в норму. Чувствуя искренний интерес старших, Поль разговорился и вскоре начал щебетать, как любой мальчик, который уезжал из дома и многому научился. Но Сьонед оплакивала потерю непринужденности, с которой вел себя сын до того, как она все испортила...

Когда вино кончилось, Чейн повел Тобин в отведенные им покои, чтобы отдохнуть. Сьонед тихонько напомнила Рохану, что его ждут недочитанные пергаменты, и получила в награду недовольный взгляд. Затем она осведомилась у Поля, не хочет ли тот взглянуть на весенние растения в саду, и попыталась не показать огорчения, когда Поль сказал, что уже обещал Мирдали прийти к ней в кордегардию. Отставной командир стражей Стронгхолда, мать Маэты, Мирдаль была закадычной подругой Поля, и Сьонед не могла лишиться старуху радости пообщаться с ним.

Мааркен спросил, не может ли он заменить Поля, и Сьонед не без любопытства приняла его предложение. Он никогда не интересовался ни цветами, ни травами. Честно говоря, Сьонед тоже была равнодушна к ним: она просто выполняла долг хозяйки Стронгхолда. Они прошли по усыпан-

ным гравием дорожкам и миновали горбатый мостик над ручьем, одновременно и орошавшим сад, и украшавшим его. Ручей, разлившийся благодаря таянию снегов на вершинах холмов Вере, заканчивался фонтаном принцессы Милар. По пути Сьонед разговаривала с садовниками; однако честное выполнение долга не помогало избавиться от каких-то смутных воспоминаний... Когда они с Мааркеном остались одни у высокой, пульсирующей струи фонтана, принцесса все вспомнила и улыбнулась.

Они шли по этой тропе в то утро, когда Мааркен сумел убедить родителей, что ему нужно ехать в Крепость Богини, чтобы овладеть искусством настоящего «Гонца Солнца». У Тобин были три кольца, показывавшие, что она сумела кое-чему научиться у Сьонед с одобрения Андраде, но принцесса никогда не проходила всего курса обучения. Чейн очень не хотел, чтобы и сын учился тому, что тревожило его в жене, хотя и ценил те преимущества, которые это давало Пустыне и Радзину. Но его больше волновало то, что могущество фарадима, добавляющееся к могуществу власти знатного лорда, может вызвать подозрения и неприязнь у других атри. Сьонед помогла Мааркену убедить Чейна, что талант сына требует шлифовки; в то утро она с племянником гуляла по саду, и юноша пытался найти слова, чтобы выразить, как он рад и благодарен ей.

Сьонед чувствовала, что Мааркен снова нуждается в поддержке, но ждала, пока он сам затронет эту тему. Они стояли, глядя на невиданное в Пустыне создание бабушки Мааркена; наконец молодой человек открыл рот.

— Речь о Белых Скалах,— со вздохом произнес он.— Я хочу, чтобы поместье было готово к осени, но совсем не потому, что собираюсь подыскать себе невесту. Я уже нашел ее.

Сьонед медленно кивнула, следя за крошечными каплями, которые падали в пруд и образовывали круги, прихотливо пересекавшиеся с кругами от все новых и новых капель.

— Она «Гонец Солнца»...

— Откуда ты знаешь?

— Если бы это было не так, ты бы давно сказал родителям, что у тебя есть девушка на примете; может быть, даже привез ее в Радзин или попросил бы пригласить ее на лето.

Но поскольку ничего такого не было, это значит, что ты боишься их неодобрения. Следовательно, речь может идти только о той, у кого есть кольца...

Он пнул обрамлявший фонтан белый гравий.

— Тогда ты знаешь и то, почему я говорю с тобой, а не с ними.

— Ты думаешь, что нуждаешься в моей помощи. — Сьонед поглядела Мааркену в лицо и положила ладонь на его руку. Вделанный в кольцо изумруд полыхнул на солнце, прибавив к его свету свой собственный. — Мааркен, ты выполнил все, что требовалось от молодого лорда. Ллейн сделал тебя рыцарем и атри; ты побывал в других поместьях и лордствах и узнал, что в них правильно, а что нет. Но у Андраде ты научился искусству фарадима, и это отличает тебя от других. Наверно, ты боишься, что жена-фарадим окончательно перетянет тебя на свою сторону.

Мааркен закусил губу.

— Мы с ней решили пожениться только после того как полностью закончим обучение. Ну вот, я получил свое шестое кольцо, а все еще волнуюсь, как дракон у туши оленя.

Они сели на край фонтана, и Сьонед подбадривающим жестом положила руку на его предплечье. Мааркен вытянул длинные ноги, вонзил каблуки в гравий и уперся взглядом в колени.

— Я думал, что хочу подождать до Риаллы, познакомиться ее с родителями и посмотреть, понравится ли она им. Но ты права, Сьонед. Я до сих пор не знаю, чего хочу больше: стать лордом Радзинским или «Гонцом Солнца». Не знаю, могут ли ужиться эти два начала в одном человеке. Я всегда думал, что и моим подданным, и принцу, и мне самому пойдет на пользу, если я буду и тем и другим, но жена — «Гонец Солнца» перетянет чашу весов на одну сторону. И Андраде получит то, что ей не принадлежит. Сьонед, я не могу согласиться на это, не могу поступиться той частью меня, которой предстоит стать лордом Радзина.

— Мааркен... — Она подождала, пока молодой человек не поднял глаза, и прикоснулась к своей щеке, где у самого глаза виднелся небольшой рубец в форме полумесяца. — Меня обжег собственный Огонь за то, что я поставила любовь к своему принцу и своей стране выше всего остального,

включая клятвы фарадима. Я ценила свободу и доверяла своему выбору — судьбе, если хочешь — больше, чем поучениям Андраде. Не спрашивай меня о том, как и почему это случилось: я не смогу рассказать. Но я пользовалась своим даром, чтобы сделать то, что считала правильным. — Власть принцессы помогла ей заставить лгать преданных людей, знавших правду о происхождении Поля, но после того как она забрала сына Рохана, в дело включился Огонь «Гонца Солнца», который уничтожил Феруче и труп Янте. Только вмешательство друга не позволило ей сжечь Янте живьем, что считалось для фарадима самым страшным грехом. Но она и до этого пользовалась своим даром для убийства. Та часть Сьонед, которая была фарадимом, корчилась от стыда, но Сьонед-принцесса хладнокровно признавала, что такие вещи необходимы.

Она заглянула в серые глаза Мааркена.

— Выбор трудный, но сделать его необходимо. Зато он учит чему-то очень важному. Страху.

— Перед Андраде?

— Нет. Страху перед собственной силой. Мааркен, ты сильный мужчина и знаешь, что твоя сила может убить. Ты научился тому, что в тренировочном бою следует быть осторожным, чтобы не нанести вреда сопернику. «Гонцы Солнца» ощущают тот же страх, а могущественный лорд испытывает его вдвойне. Каждый твой поступок станет примером для Поля, Андри и Рияна. Потом их будет больше. Но ты первый.

— А ты? Ты ведь и «Гонец Солнца», и принцесса...

— Я своего рода полукровка. Я не родилась принцессой, несмотря на родственные связи моей семьи с принцами Сира и Кирста. Прежде чем стать принцессой, я была фарадимом, и именно это повлияло на мой выбор. Иногда я действовала как «Гонец Солнца», иногда как принцесса, но совмещать две эти ипостаси мне удавалось довольно редко.

— Кажется, я понял, — медленно сказал он. — Я знаю, что такое власть над войском; однажды я стану полководцем Поля и поведу за собой армию. Я знаю, что такое власть наследного лорда и каким осторожным надо быть с этой властью. — Мааркен вытянул руки, и на солнце блеснули кольца. — Это другой вид власти. И она может вступить

в конфликт с остальными. Но ты сделала свой выбор, Сьонед. Единственное кольцо, которое ты носишь, это перстень Рохана.

— Вместо колец я ношу шрамы,— пробормотала Сьонед. Немного успокоившись, она продолжила: — Могу побиться об заклад, что твоя Избранная сделана из того же теста, что и ты, Мааркен. Она ровня тебе по дару, но ей предстоит стать настоящей хозяйкой Радзина. Разве ты забыл, что уже объединил два вида власти независимо от собственного желания? Вспомни, что ты сделал на Фаолейне много лет назад!

По выражению глаз Мааркена Сьонед догадалась, что он вспомнил. Тогда мальчику едва исполнилось двенадцать зим, но он понял стратегическую необходимость разрушить мосты через реку Фаолейн и использовал для этого свой дар «Гонца Солнца». Применять подожженные стрелы было опасно, потому что солдаты Ролстры непременно ринулись бы на мост, чтобы сбросить стрелы, и это могло кончиться настоящей бойней. Но Огонь Мааркена настолько напугал врагов, что они не смогли сойти с места. Никто не погиб. Рохан рассказал об этом Сьонед, удивляясь мудрому решению мальчика, который сумел выполнить долг перед своим принцем и одновременно соблюсти этику фарадима: именно за этот подвиг Рохан наградил Мааркена его первым кольцом.

— Я рада, что именно тебе придется быть первым,— сказала ему Сьонед.— Рохану ведомы пути принцев, а мне — пути «Гонцов Солнца». Но ты и то и другое. Ты будешь Полю лучшим примером.— Она сделала паузу, дождалась, когда Мааркен снова поднял глаза, и улыбнулась ему.— А потому тебе не нужна помощь, чтобы решить, как быть с этой леди. Конечно, я помогу тебе, но это не требуется.

— Может быть, и нет. Но я все равно рад, что ты на моей стороне.

— Знаешь, не стоит говорить мне, как ее зовут,— шутливо продолжила она.— Хочу проверить, смогу ли я узнать твою невесту в свите Андраде. И буду держать с тобой пари на любые камни, которые она выберет для твоего свадебного ожерелья, что сумею вычислить ее!

Наконец-то Мааркен улыбнулся.

— Съонед! Приданое — это не твоя забота!

— Кто говорит о приданом? Разве я не имею права сделать своему племяннику хороший свадебный подарок? Если я проиграю, ты получишь тот гобелен, который тебе так нравился. Я всегда думала, что ему самое место в спальне.

Он вспыхнул, потом рассмеялся и махнул рукой.

— Ладно, согласен! Я выигрываю в любом случае. Но я знаю, что все это ты придумала заранее!

— А меня хлебом не корми — дай заключить пари на Риаллу! Я никогда не рассказывала тебе, как поспорила с одной из дочерей Ролстры, что ей не достанется Рохан? Я поставила этот изумруд против всех ее серебряных украшений — а она звенела ими, как колокола на ветру!

— Я тебя знаю — ты споришь только тогда, когда уверена в победе. Иначе ты никогда не рискнула бы этим кольцом.

— Вы очень проницательны, милорд! — Довольно улыбувшись, она встала и отвела с его лба прядь нагретых солнцем темных волос. — Даже тут становится слишком жарко. Можно себе представить, что творится сейчас в Ремагеве! Через несколько дней сюда придут Вальвис и Фейлин с детьми спастись от жары.

— Ремагев всегда напоминал мне спящего в песке дракона. Как ты думаешь, можно мне съездить туда и вернуться вместе с ними? Я слышал, что за последние годы Вальвис сделал из этой старой крепости настоящее чудо.

— Ты не узнаешь его. Я... — Она осеклась. Воздух вокруг них замерцал, как разноцветный ковер, к которому Съонед могла мысленно прикоснуться. Она обеими руками вцепилась в кисть Мааркена, видя, что он тоже захвачен прядями солнечных лучей, крепко сплетенными фарадимом, краткое испуганное сообщение которого взывало о помощи.

* * *

Меату не понадобилось много времени, чтобы вспомнить, что увеселительные конные прогулки по холмам Дорвала не идут ни в какое сравнение с долгим путешествием в Крепость Богини. Каждый раз, когда Меат начинал думать, что муки, связанные с плаванием по морю, все же предпочтительнее, чем ломота в каждой мышце тела, он на-

поминал себе о предстоящей завтра переправе через реку Пирм на крошечном, утлом плоту. Ему не хватало времени, чтобы прийти в норму; лорд Чейналь велел своим людям поторапливаться, и те подчинялись приказу. Меат подумал, что ему еще повезло: через Фаолейн он проехал по мосту, а во владениях принца Давви им дали свежих лошадей; правда, фарадим был слишком измучен, чтобы оценить качества прекрасного животного, на котором он ехал. Сейчас они удалялись от Сира и скакали по широкой степи, раскинувшейся между Пирмом и рекой Кадар, день приближался к вечеру, и Меат начинал — правда, без особой надежды — подумывать о том, что его эскорт вскоре устроит привал. А широкоплечий мужчина лет тридцати и женщина чуть постарше, казалось, не знали усталости. Меат должен был признать, передвигались они с поразительной скоростью, но боялся, что завтра его придется привязать к седлу, иначе он просто упадет.

Впереди ехала Ревия; ее товарищ Яль держался позади Меата. Их мечи и луки подкреплялись его статусом «Гонца Солнца», стоившим всего этого вооружения. Его кольца обеспечивали им внеочередное место на пароме; стоило сверкнуть ими в любом поместье или деревне, то и дело попадавших на дороге, как путешественникам спешили оказать гостеприимство. Люди знали и уважали леди Андраде, и помощь одному из ее фарадимов считалась не столько данью вежливости, сколько почетной обязанностью.

Когда на невысоких северных холмах показались первые два верховых, Меат почувствовал лишь смутное любопытство. Появление третьего, четвертого и пятого всадников тоже не слишком встревожило его. Но когда они поскакали наперерез и Меат увидел блеск обнаженной стали, он напряг все свои ноющие мышцы. Тело слушалось с трудом; это никуда не годилось. Придется разогреться в бою, а в том, что им предстоит бой, сомневаться не приходилось: на это недвусмысленно указывали выхваченные из ножен мечи.

С плеча Ревии слетел лук. Она накинула поводья на седельную луку и принялась доставать первую стрелу, управляя лошастью лишь с помощью коленей и каблуков. Пять всадников прибавили скорость, и Меат попытался прикинуть, когда они окажутся в пределах досягаемости выстрела из

этого длинного, смертоносного лука. Попасть в движущуюся мишень на скаку было бы трудно даже лучшему из лучников. Но лорд Чейналь и обещал ему лучших из лучших... Меат громко ахнул, когда вторая стрела сорвалась с тетивы еще до того, как первая достигла своей цели. Перед мордами скачущих галопом лошадей распустилось красно-белое оперение, казавшееся на фоне зеленой травы экзотическим цветком. Это было только предупреждение. Но если они не свернут в сторону, следующий выстрел будет настоящим.

Яль подъехал к нему с луком в руках и сказал:

— Не задерживайтесь, милорд, поезжайте к вон тем деревьям. Если понадобится, мы ссадим их, а потом присоединимся к вам.

Когда шедшая первой лошадь шарахнулась в сторону и всадники перешли на галоп, Ревия выстрелила. Яль отстал от нее всего лишь на мгновение; он выпустил стрелу в тот момент, когда Ревия потянулась за новой, и полез в колчан тогда, когда женщина спустила тетиву.

Первым порывом Меата было остаться и сражаться вместе со своим эскортом. Но свитки, которые он вез, были слишком важны. Когда на гребне холма появилось еще десять всадников со сверкавшими на солнце обнаженными мечами, он понял, что медлить нельзя.

— Быстрее, милорд! К деревьям! — крикнул Яль.

— А не то лорд Чейналь заставит нас всю жизнь чистить навоз, — хладнокровно добавила Ревия, не замедляя стрельбы.

Но вместо того чтобы послушаться доброго совета, Меат натянул уздечку так сильно, что его конь встал на дыбы. Фарадим сделал с поводьями то же, что и Яль с Ревией, и освободил руки. Но не для того, чтобы взяться за меч. И не для того, чтобы предупредить нападавших, что они нарушают закон, бросаясь на «Гонца Солнца» с мечами наголо; было и так ясно, что страх перед законом их не остановит. Вместо этого он соткал солнечные лучи и отправил срочное послание в сторону Крепости Богини.

Воины Радзина выехали вперед и прикрыли его собой. Меат мельком увидел, что один из врагов убит, еще двое ранены, а лошадь четвертого ржет от боли, потому что в ее шее торчит оперенное древко. Но расстояние ослабляло

убойную силу стрел, поэтому даже раненые продолжали скакать вперед.

Меат стремительно разворачивал солнечную ткань в сторону западного побережья. Его остановил холодный серый туман. Он проклял неустойчивую весеннюю погоду, окутавшую крепость непроницаемым маревом, тут же развернулся и бросил моток солнечной пряжи в другую сторону — на северо-восток, в направлении Стронгхолда. Изумруд, сапфир, оникс и янтарь Сьонед были знакомы Меату целую вечность; он сложил их в нужном порядке, тут же прикоснулся к ее спектру и не теряя времени сообщил данные о своем местонахождении, о том, что подвергся нападению и что содержимое его сумок ни в коем случае не должно попасть в руки врага.

Не дожидаясь ответа, он прервал контакт, послал коня вперед, остановился рядом с Ревией и снова воздел руки. Конечно, надо было вызвать Огонь, но Огонь мог убить, а при малейшей неточности зажечь степь. Меат не мог оставить позади себя бушующий пожар, который стал бы красноречивым свидетельством того, что здесь прошел «Гонец Солнца».

Поэтому он воззвал к Воздуху. За спинами первой группы вражеских всадников поднялась туча пыли, прошлогодней травы и гальки, взвилась вверх и образовала смерч величиной с небольшого дракона. Сквозь сгущавшуюся мглу Меат увидел ржущих от страха лошадей и людей, пытавшихся справиться с ними.

Яль испуганно выругался. Ревия продолжала стрелять, но теперь на ее лице появилась улыбка: цель стала ближе, а о второй волне всадников можно было не беспокоиться. Еще один враг с криком упал наземь — в его щеке торчала стрела. Но пришедший в ярость другой всадник вонзил каблуки в бока коня и рванулся вперед, не обращая внимания на стрелу, которую Яль вонзил в его бедро. Он привстал в стремених и метнул нож.

Меат хрипло выдохнул, ощутив удар в плечо. Шок от раны заставил его потерять контроль над смерчем. Нет, этого не может быть, смутно подумал «Гонец Солнца», метательный нож попал ему всего лишь в плечо, а не в легкое или сердце. Он нащупал рукоятку и, борясь с мучительной бо-

лю, вырвал стальной клинок из своего тела. Меату казалось, что он падает очень медленно, как будто его тело превратилось в воду. Его окутали неисчислимые оттенки древесной листвы, земли, луга и неба, превратившиеся в цветной фиронский хрусталь; затем они потеряли глубину, стали картинками на стекле и вдруг со страшным звоном треснули и рассыпались, образовав груды зазубренных обломков. Фарадим падал прямо на них, на нежные стебли весенней травы, ставшие острыми осколками цветного хрусталя. А потом все цвета исчезли.

* * *

Сьонед задохнулась от силы прикосновения Меата и задохнулась еще раз, когда он внезапно исчез.

— Мааркен! Помоги мне найти его! Скорее!

Юноша следовал за ней по тропам сплетенного света, разыскивая знакомый спектр Меата. Он не обладал искусством Сьонед и поэтому видел только цвета, но не самого фарадима. Сьонед же видела все: Меата, заклинающего Воздух; Меата, ужаленного блеснувшим в воздухе ножом; Меата, выскальзывающего из седла. При виде упавшего наземь старого друга из ее горла вырвался не то вскрик, не то рычание.

Когда вызванный фарадимом вихрь рассыпался, превратившись в ничто, вражеские всадники перегруппировались и бросились на двух стражей Радзина и «Гонца Солнца», неподвижно распростершегося на траве. Сьонед понимала, что сейчас всех троих зарубят; не колеблясь ни секунды, она бессознательно сделала то, что было необходимо. С той беспощадностью, которая появляется в минуту крайней нужды, принцесса овладела сознанием всех обладавших даром фарадима, которые находились поблизости. Скрутив их цвета вместе, как скручивает легкие яркие шелковые нити опытный ткач, она принялась плести солнечный свет тем же способом, которым однажды сплела свет звезд, и немедленно направила сверкающий луч под ноги убийц.

В воздух прыгнул Огонь фарадима, плотная стена ревущего пламени отделила нападавших от их жертв. Всадники не сумели сдержать лошадей и с разгона влетели в нее. Сьонед не

слышала ни криков, ни глухого стука падающих тел, но зато видела, как ее Огонь лизал одежду людей, которые катались в пыли, пытаясь сбить с себя пламя.

Женщина с цветами Радзина наклонилась в седле, пытаясь из последних сил поднять длинное, тяжелое тело Меата. На помощь к женщине поспешил ее товарищ, боязливо оглядывавшийся на Огонь. Объединенными усилиями «Гонца Солнца» удалось перекинуть через седло его коня, и спустя мгновение все три лошади скакали к спасительным деревьям. Когда они скрылись из виду, Сьонед дала Огню погаснуть. На земле остался шрам — длинная черная черта, которую враги должны были осмелиться переступить.

Но они не осмелились. Облако пыли величиной с вызванный Меатом вихрь клубилось за лошадьми, которых сумели поймать незадачливые убийцы. Они удирали во все лопатки, бросив своих раненых на произвол судьбы.

Дождавшись их исчезновения, Сьонед принялась энергично расплетать сотканный ею разноцветный ковер. Где-то в Стронгхолде всем телом вздрагивала Тобин, залитая врывающимся в окно спальни солнечным светом, а Чейн неистово тряс жену за плечи и окликал по имени, пока ее взгляд не стал осмысленным. В залитом солнечными лучами внешнем дворике возле кордегардии старая Мирдаль поддерживала дрожавшее от напряжения худенькое тело Поля. Она видела, как верховная принцесса вызывает Огонь и прочие стихии, но понимала, что с Полем происходит нечто совсем другое. Наконец мальчик затрясся в конвульсиях, на секунду очнулся, успел слабо улыбнуться старухе и снова потерял сознание.

Оставалось освободить Мааркена, нити которого составляли основу ковра. Сьонед отделила свой спектр от спектра юноши, и они оба двинулись по лучу назад, к Стронгхолду. Она не удостоила взглядом ни раскинувшиеся внизу богатые луга Сира, ни гордо вздымавшиеся ввысь холмы Вере, стремясь поскорее оказаться в тиши и безопасности дворцового сада.

А затем внезапно появились другие цвета — ослепительный и совершенно непонятный вихрь, состоявший из множества оттенков радуги и испуганный ими так же, как и они им. Сьонед отпрянула в сторону; вихрь сделал

то же самое. Когда она открыла глаза, то поняла, что ошеломленно смотрит на Мааркена. Были у вихря крылья, или это ей только показалось?

Молодой человек дрожал, по его лицу стекали струйки пота. Он так стиснул руки Сьонед, что кольцо с изумрудом врезалось ей в палец, а у самого Мааркена побелели костяшки. Сьонед не могла вспомнить, когда они успели переплести пальцы так же тесно, как и два своих дара.

— Сьонед,— прошептал Мааркен дрожащим голосом,— ч-что это было?

Она встретила его взгляд и осторожно сказала:

— Я думаю... я думаю, что мы налетели на дракона.

ГЛАВА 5

Эта женщина в юности была прекрасна. Даже сейчас, когда на ее лице оставили след шестьдесят зим и черные волосы сменились ржаво-седыми, в ней еще чувствовался тот пыл, который обычно исчезает вместе с безвозвратно ушедшей молодостью. Ее серо-зеленые глаза горели честолюбием и нескрываемым злорадным юмором. Абсолютная уверенность в конечном успехе делала ее вдвое моложе. Тело ее оставалось худощавым и стройным, хотя стремительная юношеская грация сменилась элегантностью зрелости. Она стала величественной, знающей себе цену женщиной, которой подобало править обширной страной, а не крошечным поселком, затерянным в отдаленном горном ущелье. Но в этих глазах застыла уверенность, что ждать осталось недолго: близок день, когда она и в самом деле будет властвовать — но не каким-то жалким государством, а всем континентом.

Сумерки в горах Вереш были прохладными. Женщина чего-то ждала, поглядывая на пирамиду, венчавшую восточную арку каменного круга. Скалы были окрашены последними лучами заходившего солнца; вскоре прямо над ними должны были появиться первые звезды. Ей доставляло удовольствие собираться на закате; быстрое наступление темноты и внезапное появление звезд здесь превращалось в захватывающую драму. Пусть фарадимы утешаются своим солнечным светом, своими деревьями и тремя лунами. Она и подобные ей знали силу неисчислимых поколений камней и звезд, знали другой источник Огня.

Узкую долину опоясывал кольцом полный круг из девя-

носта девяти человек, стоявших по ту сторону от плоских гранитных камней; они держались за руки и боялись дышать, чтобы не нарушить священную тишину. Раньше было трудно собрать столько народу, но этой весной слухов было больше, чем новорожденных ягнят, и эти слухи заставляли людей стремиться сюда. Дожидаясь, пока не исчезнет последний луч солнца, она дивилась силе магии многократно умноженного числа три, считавшегося священным со времен создания этого мира. Три луны на небе; три года, проходящие между спариванием драконов, три великих разделения суши на Горы, Пустыню и Заливные Луга. Принцы тоже встречались раз в три года. Древние почитали трех божеств: Богиню, Отца Бурь и Безымянного, который обитал в самом сердце этих гор. Много лет назад глупые фарадимы уничтожили ту силу, которую она собиралась вызвать сегодня вечером. Тем хуже для них. Потому что источников света было тоже три: солнце, луны и звезды. С девяноста девятью присутствующими она сама становилась сотой — представительницей того Безымянного, который правил всем.

И сыновей принцессы Янте тоже было трое. Круг был разделен на три части стоявшими перпендикулярно камнями высотой по пояс, и у каждого из камней стоял один из принцев. Она чувствовала их сырую, необработанную силу, доставшуюся мальчикам от бабки, которая была одной из последних чистокровных *диармадимов*. Лалланте, эта глупая курица, которая отказалась от принадлежавшего ей по праву наследия, тем не менее воспользовалась своим даром, чтобы обольстить верховного принца Ролстру. От этого брака произошла Янте, которая в свою очередь произвела на свет трех мальчиков, одновременно и честлюбивых, и податливых. Они были краеугольным камнем той силы, которую ей предстояло призвать сегодня вечером, и главной причиной ее уверенности в неминуемом триумфе.

С того события, которое все остальные называли победой, прошло четырнадцать зим. Для нее эти годы были годами выживания, но что они значили по сравнению с сотнями лет борьбы за существование, прошедшими с тех пор как на континент из своей ссылки на остров Дорваль возвратились фарадимы и уничтожили диармадимов, их силу, их язык

и образ жизни? Изгнанные в отдаленные горы, они были затравлены и перебиты безжалостными «Гонцами Солнца», ведомыми тремя — снова это число, печально улыбнулась она — чьи имена запрещено было упоминать из страха, как бы их рожденные ветром духи не отыскивали последние убежища гонимых диармадимов.

Но она тут же напомнила себе, что сейчас у нее есть собственная троица. К ней пришли юные, сильные сыновья Янте. Эти мальчики сделают свое дело, выполняют ее волю, и она отпразднует победу. В тот день, когда их привезли в это горное убежище, к ней снова вернулась юность.

Солнечный свет погас, и в наступившей темноте зажглась первая звезда. Женщина вытянула руки, и единственный луч света толщиной с булавку прошел между ее раздвинутыми пальцами. Сияние звезд заструилось по ее предплечьям: она сжала кулаки, прикрыла глаза и принялась пряхть холодный огонь, постепенно накрывая камни образовывавшейся тканью из света звезд.

Ее надежда, сыновья Янте, начали дрожать всем телом. Их дрожь передавалась по кольцу рукам и телам тех, кто стоял рядом, и сила женщины, впитывавшей в себя энергию девяности девяти жизней, объединенных звездным огнем, возрастала с каждой секундой. Она направила эту силу в круг из камней, и сразу стало ясно, за что ее племя получило свое имя. Диармадимы. «Зажигающие Камни».

Она сама превратилась в каменистую скалу, следя за картиной, которая возникала в язычках тонкого белого пламени. Первым, что она увидела, были длинные, красивые пальцы, протянутые к камину. На этих пальцах красовалось десять колец со вставленными в них самоцветами; тонкие серебряные и золотые цепочки прикрепляли кольца к браслетам на изящных запястьях. Следом показалось гордое, аристократическое лицо, когда-то светлые волосы и все еще пронзительно-голубые глаза, слегка прищуривавшиеся, когда огонь охватывал новое полено и начинал гореть особенно ярко. Но худые руки придвигались все ближе к пламени и терлись друг о друга, стараясь согреться. Леди Андраде из Крепости Богини было холодно.

Мужчина немногим моложе ее набросил на плечи Андраде тяжелый меховой плащ. Этот мужчина был лордом Ури-

валем, главой «Гонцов Солнца» и сенешалем леди Андраде. Прекрасные глаза странного каре-золотистого оттенка выделялись на его треугольном и вовсе не красивом лице. Он принес стол, поставил его между двумя креслами, сел, потер свои девять колец и тщательно расправил складки коричневой шерстяной рясы.

Они обменялись несколькими словами, не слышными тем, кто стоял в круге, а затем дружно повернули головы. В пламени показался высокий, широкоплечий, черноволосый «Гонец Солнца», который два дня назад чудом избежал гибели по дороге в Крепость Богини. Его лицо было искажено усталостью и болью. Он неловко прижимал локоть к боку, инстинктивно защищая забинтованное плечо. Фарадим поклонился, что-то сказал и поставил на низкий стол две седельные сумки.

Следившая за этой троицей женщина зашипела от досады. Ее приспешники не сумели остановить этого человека. О Безымянный, как бы ей хотелось хоть одним глазком заглянуть в драгоценные свитки, лежавшие в потертых кожаных сумках! Она жадно смотрела на них. Когда женщина сумела отвести взгляд, раненый «Гонец Солнца» уже ушел.

Лорд Уриваль открыл сумки и вынул из них четыре длинные коробки цилиндрической формы. Мгновение спустя он раскатал на столе первый свиток и повернулся, давая взглянуть на него леди Андраде. Увидев чудесный почерк, женщина в каменном круге затаила дыхание. Многое из старого языка было утеряно, но она была одной из тех нескольких людей, которые знали его по-настоящему. Если дать этим дилетантам время, они сумеют перевести свиток, чего нельзя допустить ни в коем случае.

Леди Андраде внимательно рассмотрела рукопись и покачала головой. Затем она что-то сказала Уривалю, тот кивнул и куда-то исчез, вскоре вернувшись в сопровождении юноши зим двадцати с виду, носившего четыре кольца, в каждое из которых был вделан крошечный рубин. Молодой человек сразу же обратил внимание на свитки и склонился над ними как зачарованный. Через мгновение он выпрямился, потер глаза и скорчил смешную гримасу, которая вызвала у Андраде слабую ответную улыбку.

Внезапно лорд Уриваль стремительно развернулся, судо-

рожно потирая пальцами свои кольца, и устался в пламя, казалось, глядя прямо в глаза женщине, стоявшей посреди залитого звездным светом круга. Юноша тоже поднял голову, и его голубые глаза под шапкой светло-русых волос изумленно расширились.

Отчаянно торопясь, женщина сняла заклятие и принялась расплетать звездную ткань. Огонь в круге потух, и только на секунду ярко вспыхнула пирамида. Затем и она потемнела, превратившись в обыкновенную кучу обломков гранита.

Когда видение внезапно оборвалось, кое-кто из стоявших в круге зашатался и застонал. Женщина нахмурилась, напомнив себе, что в следующий раз придется проверить каждого на обладание даром, поскольку готовности сделать что-то из страха здесь было явно недостаточно.

— Привезите мне молодого человека по имени Масуль из поместья Дасан, что в Марке. Как, это ваше дело, но непременно живым, здоровым и не повредившимся в рассудке. Я не хочу, чтобы вы причинили ему вред.

Все девяносто девять, за исключением троих, поклонились ей и растаяли в деревьях; при этом многие опирались на своих товарищей. Женщина подвигала онемевшими руками и потеряла друг о друга слегка обожженные ладони. Это помогло: ей требовалось время, чтобы прийти в себя.

— Зачем он тебе понадобился? — возмущенно спросил старший из сыновей Янте. — У тебя есть я.

— Мы, — вкрадчиво поправил его средний брат.

— Ваше время еще не настало, — твердо ответила она.

Младший из братьев слегка улыбнулся.

— Да, миледи Мирева. Конечно.

Мирева внимательно посмотрела на них, вспоминая трех грязных маленьких варваров, которых она превратила в юных принцев. Девятнадцатилетний Руваль, старший из братьев, уже перестал расти, но для полной зрелости ему требовалось нарастить мышцы. Темноволосый и голубоглазый, он чертами напоминал покойного деда, верховного принца, но глаза ему достались от Янте. Маррон, годом младше, был неуклюж, костляв и довольно инфантилен. Он больше остальных походил на мать, получив в наследство от отца тяжелые веки и ярко-рыжую шевелюру. Младшему, Сегеву, едва исполнилось шестнадцать, и был он мальчи-

шкой во всех отношениях. Глаза у него были серо-зеленые (как у самой Миревы), их разрез напоминал глаза Янте, но волосы были такими же черными, как у Ролстры. Он был самым умным из троих и, как ни странно, самым послушным. Мирева понимала и ценила это — он доверял ее мудрости и делал то, что она велела; однако в нем скрывалось пронизательно замеченное и умело возбужденное ею честолюбие, превосходившее амбиции старших братьев.

— Зачем понадобился? — внезапно спросила она, эхом повторяя заданный Рувалем вопрос. — Потому что вы еще маленькие. Сначала научитесь владеть той силой, которую получили от бабки. А этот Масуль всего лишь забавный вун, но он создаст Рохану серьезные трудности.

— Особенно если ты приложишь к этому руку, — с улыбкой заметил Маррон.

Мирева предпочла не заметить скрывавшейся за восхищением насмешки.

— На самом деле сейчас важнее всего свитки. Конечно, вы не чета остальным и обратили на них внимание. Пока здесь правили наши люди, фарадимы сидели на своем острове и бездельничали. А затем явились сюда без всякого предупреждения и вытеснили нас. Они годами тайно следили за нами, изучали наше искусство, чтобы воспользоваться им в своих целях, и применили его против нас же. Они лишили нас власти и загнали в эти горы. А потом уничтожили всякую память о нас и обрекли наше искусство на забвение. Но все, что фарадимы успели узнать о нас, они записали. А сейчас кто-то нашел эти свитки и передал их в руки леди Андраде.

— Похоже, она не понимает в них ни слова, — прокомментировал Руваль.

— Но поймет. Она умна... и безжалостна. Она захочет, чтобы фарадимы овладели той силой, которая некогда была подвластна нам.

— Значит, свитки должны быть уничтожены, — догадался Маррон. — Это легко сделать, даже на таком расстоянии. Стоит лишь верно направить небольшой кусочек звездного пламени, и...

— Нет! Я должна знать все, что в них написано! Я должна знать все, что мы утратили!

— Тогда их нужно украсть,— сказал Сегев.— Так же, как в свое время у нас украли это знание. А что, если...

Мирева, освещенная звездным светом, прищурилась.

— Что «если»?— требовательно спросила она.

— Если кто-нибудь наделенный даром отправится учиться в Крепость Богини, завоюет их доверие и украдет свитки?

— Кого это ты имеешь в виду?— вкрадчиво спросил Маррон.

— Не тебя,— отрезал младший брат.— У тебя хитрости столько же, сколько у самого тупого из драконов.

— Думаешь, у тебя ее больше?— окрысился Руваль.

— Ровно столько, чтобы справиться с этим делом. И я с ним справлюсь.— На его остром лице заиграла злобная улыбка.— А заодно и расквитаюсь с нашей дорогой тетей Пандсалой за предательство деда во время его войны с принцем Роханом.

— Единственной твоей задачей будут свитки,— сказала Мирева.— Оставь принцессу-регента мне... и Масую, который ей то ли брат, то ли нет.— Она довольно рассмеялась.— Отлично, Сегев! План, достойный принца и сына диармади-ма. Но до отъезда тебе придется кое-чему поучиться. Завтра вечером придешь ко мне домой.

Они поняли это как разрешение уйти и оставили ее. Мирева слышала, что они сели верхом и, позвякивая уздечками, углубились в лес. Издалека донесся насмешливый голос Маррона, дразнившего брата, который решил стать слабым-фарадимом. Когда отголоски спора утихли, она пустилась в неблизкий путь к дому, наслаждаясь прикосновением пробивавшегося сквозь листву звездного света.

Мирева жила в маленьком каменном домике, который был намного больше, чем казался снаружи. Он стоял на склоне холма, но на самом деле уходил вглубь него благодаря стараниям многих поколений предков. Наружу выходили лишь две комнаты, но в обшитой досками задней стене была потайная дверь, которая вела в наиболее важную часть дома. Мирева задержалась, чтобы растопить камин и согреть помещение, а потом подошла к стене из плохо оструганных досок и нажала на скрытый в пазе между планками рычаг. Затем, слегка застонав от усилия, она налегла на

дверь, та протестующе закрипела и открылась. В протянувшемся за ней коридоре было так же темно, как и за окнами дома. Мирева ударила кресалом по кремню (при желании она могла вызвать Огонь, но предпочитала не пользоваться способами фарадимов, если этого можно было избежать), и фитиль послушно вспыхнул. Держа в руке тонкую восковую свечу, женщина пошла по утоптанному земляному полу, не глядя на ходы с низкими потолками, убегавшие в стороны от главного коридора. Наконец она открыла нужную дверь и вставила свечу в подсвечник.

Комната тут же наполнилась отблеском золотых и серебряных украшений и радужным сиянием драгоценных камней. В углу стояло тяжелое зеркало, оправленное в полночно-синий бархат, на котором были вышиты серебряные звезды. Вся комната была уставлена огромными сундуками и лежавшими на столах ящиками. Мирева взяла маленький ларец и открыла его, вынув сложенный кусок пергамента, в который было завернуто что-то мелко крошенное и ломкое. Она заметила, что в ларце осталось только пять таких упаковок; скоро надо будет снова идти высоко в горы, где растет самая сильная и могучая трава...

Затем она вернулась в наружные комнаты. Тяжелая дверь скользнула на место, не оставив и намека на то, что она существует. Взяв бутылку и чашу, Мирева села в стоявшее у камина мягкое кресло, высыпала содержимое пергамента в бутылку, подождала, пока трава не растворилась, затем налила вино в чашу и осушила ее тремя жадными глотками. Сегодня она уже выпила одну такую чашу, но действие ее давно кончилось, а Миреве хотелось еще. Когда зелье проникло в кровь женщины, на ее лице показалась блаженная улыбка. Какими дураками были фарадимы, что боялись этого! Хотя, возможно, их магия солнца и луны была слишком уязвимой для *драната*. Древние считали его источником неиссякаемой силы, а привычку к нему — свидетельством всемогущества...

Мирева глубоко вздохнула, ощутила легкое, приятное головокружение и закрыла глаза. Нет, «Гонцы Солнца» определенно были слишком хилыми, чтобы вынести хорошую порцию драната. Ролстра попробовал было приучить к зелью одного из них, но тот сгорел всего за несколько лет. Она

прекрасно помнила день, когда принесла последней любовнице Ролстры леди Палиле эту травку и рассказала о ее свойствах. Тогда Мирева была молода и только притворялась мудрой старухой с холмов. Стоявшее в спальне зеркало показывало, что теперь ей не понадобилось бы столько усилий, чтобы принять свой тогдашний облик; наоборот, завтра вечером ей придется употребить все свое искусство, чтобы выглядеть молодой и красивой... Мирева вздохнула, а затем пожала плечами. За все надо платить. Но эти затраты окупятся. «Гонец Солнца», совращенный и использованный Ролстрой, был всего лишь забавой. Однако сейчас пойдет игра всерьез. Гамбит с Масулем даст ей возможность проверить силы противника, затем Сегев украдет для нее свитки, а через несколько лет Руваль принесет ей полную победу.

Вызванное дранатом возбуждение росло, концентрируясь в чреве. Она слегка заерзала в кресле, ощущая чувственное наслаждение. Несмотря на свои десять колец и титул главы фарадимов, леди Андраде не знала, что такое избыток сил и ясность мысли, которые дарил дранат. И никогда не узнает... Мирева достала перо, лист пергамента и закрыла глаза, стараясь вспомнить слова, которые увидела на свитке. Через несколько мгновений перо задвигалось, изображая то, что вспыхнуло в ее мозгу.

* * *

Уриваль принял поданный Андри бокал вина, благодарно кивнул и жадно выпил. Поставив чашу, он сел в кресло, тяжело вздохнул и принялся с отсутствующим видом потирать кольцо на левом большом пальце.

— Я слишком стар,— пробормотал он.— Я утратил свою силу...

— По крайней мере, ты что-то почувствовал,— сказала Андраде.— Я вообще ничего не заметила.— Она посмотрела на своего внучатого племянника, названного в ее честь.— Ты тоже?

— Нет, миледи.— Андри уставился на свои четыре кольца с маленькими рубинами, означавшими его ранг сына могущественного атри. Цвета Чейна присутствовали и в оде-

жде юноши: воротник его туники был украшен красно-белой вышивкой.— Я думал, что увидел вспышку пламени, но...

— Это не имеет ничего общего с тем, что я почувствовал,— сказал Уриваль.— Кто-то следил за нами. Очень скрытно, но все-таки заметно. И это был не огонь — по крайней мере, не Огонь «Гонца Солнца». Сейчас ночь, лун нет — только звезды.

— Ты сказал, что это не огонь,— проворчала Андраде.— Тогда что же это, по-твоему?

Андри сел на корточки, съежился и повернулся спиной к камину. Гибкое, худое тело, слишком длинные волосы и по-детски припухлое лицо делали бы юношу намного младше его двадцати зим, если бы не умные, сообразительные голубые глаза, более яркие, чем у Андраде.

— Мы можем вызывать Огонь, который показывает то, что мы хотим видеть, но не умеем следить за происходящим кроме как с помощью полета на сотканном солнечном или лунном луче. А Уриваль говорит, что кто-то следил за нами. Если это делалось каким-то другим способом, то каким именно?

Длинный палец Андраде постучал по свитку.

— Не нашим, Андри. Вот...— Она снова провела пальцем по титульной строке с двумя зловещими словами, окаймленными незнакомым орнаментом.— Посмотрите сюда и скажите мне, что это значит,— мрачно добавила она.

Уриваль взгляделся в свиток.

— Невероятно!

— Сьонед делала такое,— напонила ему Андраде.— Она пользовалась звездным светом.— Она встретила его взгляд, и оба вспомнили ту ночь, когда Рохан убил Ролстру в поединке. Соперники были защищены от постороннего вмешательства куполом, сотканным Сьонед из сверкающего серебристого звездного света. Она и Уриваль были захвачены мощной магией. В ловушке оказались и присутствовавшая при этом Пандсала, и Тобин, которая вместе со Сьонед была в Скайбоуле, за тридцать земель отсюда. И даже спектр Поля, которому был всего день от роду, был вплетен в эту опасную, запретную световую ткань.

— Тетя Сьонед?— Андри поднял глаза и нахмурился.— Это невозможно, но даже если и было нечто подобное...

— Если бы это было невозможно, то зачем было трудиться скрываться от нас? — спросил Уриваль. — Это не наш способ, но благодаря Сьонед мы знаем, что такое бывает.

— Кто бы это ни был, он должен обладать силой, превосходящей нашу.

— Не обязательно.

— Гляньте на название. — Андраде еще раз провела пальцем по орнаменту, который изображал ночное небо, украшенное звездным узором. — «О колдовстве».

— Неудивительно, что Меат так боялся за него. И неудивительно, что кто-то пытался убить фарадима, чтобы завладеть свитком. Эти рукописи были брошены нашими предками на Дорвале — значит, они не хотели помнить то знание, о котором здесь идет речь!

— Ясно, кому-то невыгодно, чтобы мы вновь узнали его, — вставил Андри.

— Должно быть, искушение чересчур велико. — Леди Крепости Богини крепко стиснула унизанные кольцами руки. — Я сама испытываю это искушение и хочу ему уступить. Я должна знать, чему учат эти свитки. Другие знают это. Значит, должна и я.

— У древних были причины отказаться от этого знания, — предупредил Уриваль. — Причины для запрещения пользоваться звездным светом. Андраде, опасность...

— ...заключается в незнании, — прервал его Андри. Возбуждение заставило мальчика забыть о вежливости. — Леди права. Мы должны знать, что здесь написано и как им пользоваться. Хотя бы для того, чтобы иметь представление о том, чего следует остерегаться.

Внимание юноши было поглощено свитком, и он не увидел взгляда, которым обменялись двое стариков. Здесь не было никакой магии; зная друг друга долгие годы, каждый из них научился читать мысли другого. Андраде и Уриваль одновременно подумали о том, что Андри употребил множественное число. Он относил себя к тем, кто *должен* знать. Сегодня вечером Андраде вызвала сюда мальчика не только потому, что он был ее родственником и обладал феноменальным даром. Андри еще не знал о том решении, которое они с Уривалем приняли этой зимой: когда Андраде умрет, лордом Крепости Богини станет ее внучатый племян-

ник, несмотря на его молодость. Другого выбора просто не существовало. Родство Андри с верховным принцем было здесь ни при чем: таланты этого молодого человека взяли бы свое даже в том случае, если бы он родился не в замке, а в простой деревенской избушке.

— Чтобы бить врага — кто бы он ни был — его же собственным оружием? — спросила Андраде. — Способом, который предпочли забыть наши предки? Способом опасным и запретным?

Андри одним движением поднялся на ноги и посмотрел на двоюродную бабушку сверху вниз. В эту минуту в нем не было ничего мальчишеского. Он стал очень похож на своего отца: читавшиеся во взгляде юноши сила воли, ясность мысли и упорство в достижении цели делали его лицо лицом взрослого. Но Андраде внезапно увидела в мальчике его деда, вспомнила непреодолимую страсть Зехава к завоеваниям, его стремление к обладанию. Зехава желал новых земель и абсолютной власти; Андри желал знания. И то и другое было опасно.

Сверкнув глазами, Андри спросил:

— А как, по-твоему, удалось победить нашим предкам?

Уриваль чуть не поперхнулся, но Андраде сделала вид, что не обратила на дерзость никакого внимания.

— Продолжай, — спокойно сказала она.

— Ты говорила, что давным-давно они покинули Дорваль и пришли сюда, чтобы включиться в мирские дела. Почему? Ясно, что не ради власти — ведь никто из них не стал принцем. История учит, что мы никогда не вмешивались в государственные дела. — *До сих пор*, говорили его глаза. *До тех пор, пока фарадимов не возглавила ты, тетя Андраде.* — Значит, это было сделано не для их собственной выгоды, а для людей. Потому что они были вынуждены. К тому моменту они бросили свое тайное знание на Дорвале. Почему они не захотели, чтобы это знание стало известно нам? А еще важнее то, почему они не хотели, чтобы мы знали, как пользоваться звездным светом, или «колдовством», на что намекает этот свиток. Сегодня вечером мы убедились, что на свете есть люди, обладающие знанием, о котором «Гонцы Солнца» предпочли забыть.

Разве не логично предположить, что на континенте жили те, с кем наши предки решили вступить в борьбу?

Немного помолчав, юноша продолжил:

— А зачем им понадобилось в бытность на Дорвале изучать методы врага? Знание нужно для того, чтобы им пользоваться, иначе к чему оно? Но они должны были увезти это знание в собственных головах, а после уничтожения врагов никогда не упоминать о нем. Конечно, именно поэтому его и забыли.

Уриваль очнулся от ужаса, который нагнали на него слова Андри, и сказал:

— По-моему, мы слишком далеко зашли. Начали с догадок о том, что может быть в этих свитках, а кончили тем, что это знание надо использовать для борьбы с неизвестным врагом, существование которого еще не доказано!

— Не доказано?— Андри повернулся к своей двоюродной бабушке.— Когда ты стала леди Крепости Богини, то узнала, что верховный принц Ролстра чересчур могуществен.

Камни ее колец предательски блеснули в свете звезд; у Андраде внезапно задрожали руки.

— Я узнала это намного раньше. Юношей он приезжал в крепость моего отца, чтобы подыскать себе невесту.

У Андри расширились глаза: прежде он никогда не слышал об этом.

— Должно быть, ты уже тогда была «Гонцом Солнца»...

— Да. Он приезжал к нам домой, чтобы познакомиться не только с отцом, но и с моей сестрой-близнецом Милар, твоей бабушкой. Я понимаю, о чем ты говоришь, Андри. Я видела, что сила фарадимов истощается и их влияние идет на убыль, в то время как сила Ролстры растет. Поэтому я выдала свою сестру за принца Зежаву, надеясь, что их сыну передастся дар и я смогу обучить мальчика, сделав его первым принцем-фарадимом.

— Только из этого ничего не вышло...— пробормотал Уриваль.

— Нет. Вместо мальчика дар унаследовала твоя мать, Андри. Тогда я решила женить Рохана на Сьонед, которая обладала могучим даром.— Горькая морщинка прорезала ее лоб.

— И принцем, о котором ты мечтала, станет Поль,—

продолжил Андри.— Миледи, но ведь это случилось раньше! Сьонед уже верховная принцесса, которая не задумываясь пустит в ход свой дар, если это понадобится для целей управления государством. Пандсала делает то же самое в Марке. Мой брат Мааркен, Риян из Скайбоула, возможно, другие, о которых мы просто еще не знаем — все они лорды «Гонцы Солнца». Такие, которым Полю только предстоит стать. Пути фарадимов и пути принцев сходятся, и сходятся именно благодаря твоему стремлению свести их.

— А теперь наши пути сходятся с путями наших врагов, потому что их стремишься свести ты? — насмешливо спросила она.

— Не сходятся. Но почему мы не должны делать того, что сделали наши предки?

— Потому что у них была весома причина забыть это знание и запретить нам пользоваться звездным светом.— Андраде откинулась на спинку кресла, и Андри увидел, насколько она стара.— Попробуй поговорить с Роханом о необходимости использовать низкие средства ради достижения высокой цели. Как ты думаешь, почему после разгрома Ролстры он повесил свой ненужный меч на стену Большого зала?

— Но до того он сражался и победил! И благодаря этому получил возможность создать мир, основанный на законе, а не на крови, пролитой этим мечом.

— Значит, ты хочешь заставить нас пользоваться светом темных звезд вместо ясного света солнца и лун?

— Ты сама призналась, что Сьонед использовала звездный свет. И хотя теперь она не носит колец фарадимов, звезды не сумели смутить ее душу.

Уриваль рывком поднялся на ноги. Андри был слишком умен для своего возраста и слишком хорошо изучил логику, чтобы с ним можно было спорить.

— Теперь оставь нас. Ты доказал свою правоту. Мне нет нужды предупреждать тебя, что рассказывать об этом никому не следует.

— Нет, милорд. Такой нужды нет.— Эти слова были сказаны без обиды, но в голубых глазах юноши горел вызов. Он поклонился им обоим и ушел.

Андраде с минуту молчала, а затем промолвила:

— Если я не проживу достаточно долго, чтобы научить этого мальчишку осторожности, мы пропали.— Она закинула голову и посмотрела на Уриваль снизу вверх.— Как ты думаешь, сумею я продержаться до тех пор?— почти весело спросила Андраде, но глаза ее были мрачными.

— Ты выпьешь на радостях, когда мой пепел разнесет ветер,— ответил он.— Но только если время от времени будешь отдыхать.

— Спорить не стану. Положи свитки в какое-нибудь безопасное место.

— Положу. А потом приду и проверю, спишь ли ты.— Он улыбнулся.— Упрямая старая ведьма.

— Глупый старый ублюдок.

Спрятав свитки в место, которое было известно только ему, Уриваль вернулся в ее покои. Она сидела на кровати, распустив длинные серебристо-золотые косы и надев светлую ночную рубашку с кружевами. Рубашка изменила ее, но казалось, что Андраде просто не хватает сил, чтобы закончить работу и лечь в постель. За последние два года Уриваль все чаще и чаще видел ее в таком состоянии, и от страха потерять ее у него сжималось сердце. Он откинул покрывало и уложил Андраде, чувствуя, каким легким и бесплотным стало ее тело. Он погасил свечи и молча двинулся к двери.

— Нет. Останься.

Будь на месте Андраде любая другая женщина, этого приказа было бы достаточно, чтобы разбить самое любящее сердце. Но для нее такой тон был единственной мольбой, которую могла позволить себе ее гордость. Уриваль испугался.

— Как пожелаешь, моя повелительница.— Он снял с себя одежду, остался в одной длинной нижней тунике, лег поверх покрывала, натянул на себя дальний конец стеганого одеяла и завернулся в него. Он не прикасался к ней, только ждал, следя за легкими тенями, гулявшими по комнате.

— Если бы на месте Андри был Мааркен, я бы не волновалась,— наконец сказала она.— У Мааркена чувство чести развито не меньше, чем у Чейна или Рохана. Но с Андри просто беда: он слишком умен. И почему вся моя родня такая умная?— Она вздохнула.— Но все же что-то отличает

его от отца, дяди или братьев. Наверно, это досталось ему от Зехавы.

— Скорее от тебя.

— Да, я всегда была ужасно умной, правда? — Она издавала неприятный смешок. — Андри будет еще опаснее, чем я. И я молю Богиню, чтобы решение сделать его лордом этой крепости после моей смерти не оказалось ошибкой.

— Он молод. Еще научится.

— Ты должен будешь руководить им.

— Сперва убедись, что я переживу тебя, — добродушно поддразнил он, изо всех сил стараясь не думать о том, каким будет мир без нее. — Кроме того, у него есть Рохан, есть родители. И не следует недооценивать влияния Мааркена или Сорина. Андри обожает братьев.

Андраде завозилась под одеялом, и холодные пальцы сжали его руку.

— А мы с тобой не в первый раз лежим в одной постели, — заметила она. — Помнишь?

— Еще бы. Я всегда знал, что той ночью именно ты сделала меня мужчиной.

— Я старалась, — откликнулась Андраде, и на сей раз смешок ее был совсем другим. — Пришлось побороться за тебя с Кассией. К тебе должны были отправить одну из нас. Похоже, она до сих пор не простила меня.

— Это я бы никогда не простил тебя, если бы на твоём месте оказалась она.

— Но как ты узнал? Никто из тех, кого я сделала мужчинами, не догадался об этом.

Уриваль не стал говорить, что, собираясь к нему, Андраде сплела покрывало Богини не так тщательно, как следовало. С тех пор прошло сорок пять лет, а она все еще не понимала, что сделала это нарочно, потому что сама хотела, чтобы он узнал ее.

— Дар Богини, — сказал он, имея в виду совсем другое.

— И все последующие ночи. Должно быть, поэтому ты и узнал меня. Повторение пройденного. А Сьонед тоже знает, что это был ты?

— Может быть, догадывается. Я не знаю. Хотя я не раз испытывал искушение получить благодарность от Рохана. Я тоже старался.

— Тщеславный старый развратник.— Она придвинулась ближе, и Уриваль обнял ее одной рукой. Они так подходили друг другу!— Как ты думаешь, у Мааркена и Холлис будет то же самое?

— Как и у нас с тобой, это надолго.— Он нежно поцеловал ее в лоб.— А когда наступит утро и мы отдохнем, ничто не помешает нам доказать, что мы с тобой еще совсем не старые.

— Бесстыдник.

— Ты сама научила меня,— улыбаясь, ответил он.— Засыпай скорее!

ГЛАВА 6

У Сьонед не было привычки обманывать мужа или хотя бы по какой-нибудь причине просто избегать его присутствия. Как можно избегать или обманывать свое «второе я»? Но после спасения Меата и поразительного случая с драконом она два дня занималась и тем и другим.

Весь день и вечер первого дня она тревожилась о Поле и Тобин, которые очень тяжело перенесли потерю отнятой у них энергии. К тому времени, когда она убедилась, что оба спят и никакая опасность им не угрожает, Сьонед была так измучена, что сама рухнула в постель и проспала до полудня. Остаток дня ушел на встречу и размещение лорда и леди Ремагевских, прибывших с детьми; это дало Сьонед еще одну возможность не сообщать Рохану о своих невеселых мыслях и избегать оставаться с ним наедине.

Рохан терпеливо ждал, но каждый раз, когда Сьонед сталкивалась с ним, она замечала, что глаза мужа становятся все более озабоченными. На третье утро терпение верховного принца лопнуло, и вместо того, чтобы спуститься в Большой зал и позавтракать со всеми остальными, он приказал подать еду в их кабинет. Это означало, что их высочества не желают, чтобы их беспокоили; Сьонед знала, что никаких случайных вторжений теперь не будет и что приказ останется в силе, пока Рохан не удовлетворит свое любопытство и не узнает все, что случилось в тот солнечный день.

Она сидела напротив мужа за широким столом из плодового дерева, служившим им письменным, и вспоминала годы, проведенные в Крепости Богини, когда ее вызывали к начальству, чтобы устроить головомойку за какой-нибудь про-

ступок. Между Роханом и Андраде было явное семейное сходство; сейчас, когда на лице Рохана застыло суровое выражение, это сходство стало еще более заметным.

Аккуратные стопки писем, чистых пергаментов, письменные принадлежности и прочие атрибуты, свидетельствовавшие о пугающе огромной переписке, были отодвинуты в сторону, чтобы освободить место для тарелок с едой, к которой никто из них и не притронулся. У правого локтя Рохана стояла конторка из резного дерева, подаренная им братом Сьонед, принцем Давви Сирским. На ней лежал чудовищно толстый том свода законов и прецедентов, переплетенный в слегка переливавшуюся зелено-бронзовую драконью кожу. На противоположной стороне стола стоял деревянный ларец с различными печатями: одна пара была предназначена для их личных писем, другая для более официальной переписки. Кроме того, там лежала большая — величиной с ладонь Сьонед — гербовая печать с изображением дракона; ее прикладывали только к висевшему на зеленых ленточках куску голубого воска, которым снабжались все декреты верховного принца. Две стены были до потолка уставлены полками с книгами, тщательно расположенными по тематическому признаку; к отделу геологии и металлургии сиротливо притулилась забытая стремянка. Дверь, над которой также нависали книжные полки, была прорублена в самом углу, а большинство третьей стены занимал гобелен с вытканной на нем географической картой. Врывавшийся в открытые окна летний ветерок слегка раскачивал плотные шелковые и шерстяные шторы.

Сьонед любила эту комнату. Именно здесь в ее первое лето в Стронгхолде (еще до того, как Сьонед стала женой Рохана) Уриваль — возможно, себе на беду — научил девушку секретам ремесла фарадимов. Здесь она изучила законы Пустыни и основы права, которое так высоко ценил ее муж. А потом она провела здесь двадцать один год, работая бок о бок с мужем, управляя принадлежавшими им землями и обсуждая планы будущего устройства государства, которое они хотели передать сыну. Но сейчас Сьонед, чувствовавшая свою вину, мечтала оказаться где-нибудь подальше отсюда, лишь бы не сидеть напротив Рохана, холодные голубые глаза которого смотрели на нее столь угрюмо, что ей

хотелось сжаться в комочек, как ребенку, застигнутому на месте преступления. Она хранила безмолвие, понимая, что в этот миг Рохан был не ее мужем, но верховным принцем, а она — его «Гонцом Солнца».

— Дракон, — только и сказал он.

Сьонед кивнула, решившись вытерпеть все, лишь бы перед ней снова сидел ее Рохан. Она рассказала о случившемся начиная с того момента, когда с ней связался Меат, и закончила словами:

— Мы всегда подозревали, что драконы обладают развитым интеллектом. Но если я права и у них есть спектры, которые могут воспринимать фарадимы, то эти создания еще более разумны, чем мы думали.

— Так почему же этого никогда не случалось раньше? Фарадимы, сплетающие солнечные лучи, и драконы, шныряющие взад и вперед, живут бок о бок Богиня знает сколько лет, но по какой причине никто до сих пор не «налетел на дракона», как ты выражаешься?

— Может, кто-нибудь и налетал, но просто не понимал этого. А может, я кругом неправа. Однако клянусь, милорд, я чувствовала это. Я прикасалась к спектру и ощущала крылья, и Мааркен тоже. К тому времени Поль и Тобин уже вернулись сюда и были в безопасности, так что они не могут подтвердить случившееся. Но Мааркен может.

Рохан положил руки на стол. Как и Сьонед, он носил только одно кольцо — отцовский топаз. Несколько лет назад его оправили ободком из мелких изумрудов, что было данью цвету глаз жены. Руки были тонкие, но сильные, на длинных пальцах виднелись боевые шрамы; эти руки умели с легкостью умирять самых норовистых лошадей, ласкать жену бережнее, чем дуновение едва заметного ветерка, и безукоризненно владеть смертоносным мечом или ножом. Это были руки рыцаря, принца и поэта, и не было секунды, когда бы Сьонед не жаждала их прикосновения.

Прошло много времени, прежде чем Рохан заговорил снова, сжав кулаки с такой силой, что на загорелой коже проступили белые пятна костяшек.

— Ты могла бы сделать это еще раз? Прикоснуться к дракону?

Испуганная Сьонед спросила первое, что пришло в голову:

— Зачем?

— Сам не знаю. Так смогла бы?

Она надолго задумалась, а затем покачала головой.

— Как бы я узнала, кого следует искать? Никто до сих пор не запоминал цвета драконов. Только сам обладатель этих цветов может различить их спектр и интенсивность, благодаря чему и осуществляется связь.

— Я помню, как Андраде объясняла мне эти вещи, когда я был маленьким,— задумчиво сказал он.— Люди похожи на витражи из цветного стекла, каждый из которых неповторим. Люди обладают цветами, к которым можно притронуться и сплести их с проникающим в окно солнечным лучом, который понесет эти цвета по воздуху. Сьонед, если у драконов тоже есть цвета и мы могли бы научиться распознавать их, сумели бы мы... я не знаю... как-нибудь разговаривать с ними или видеть их глазами? Скоро они вернутся в Пустыню на брачный сезон.

— Не думаю, милорд, что это было бы по-настоящему опасно... но страшновато.— Она несмело улыбнулась.— Ты ведь всегда любил их. Я попробую прикоснуться к одному из драконов. Ради тебя.

Он пожал плечами.

— Просто другие знают их хуже, чем я.

Сьонед минутку подумала и нахмурилась.

— Ты никогда не причинял им вреда, а другие только этим и занимались. Боевые драконы... Если такая возможность существует, кто-нибудь обязательно до этого додумается. О Богиня, почему любое открытие непременно должно служить убийству?

Он с улыбкой выдержал ее взгляд; принц снова стал ее Роханом.

— Отец хотел, чтобы я женился, как все остальные принцы. Он не знал, что Андраде уже нашла мне принцессу.

— Если я научилась быть ею, то только благодаря тебе, любимый. Я попытаюсь прикоснуться к дракону, потому что люблю тебя. Но не жди слишком многого.

— Я жду от тебя всего, и еще ни разу не разочаровался.— Он поглядел в окно, пытаясь понять, который

час.— Сегодня утром Фейлин тоже хочет поговорить о драконах. Ты видела, каким количеством пергаментов она вооружилась? У Фейлин накопилось больше фактов и наблюдений, чем у кого-либо на континенте, но она хорошо владеет материалом.

— Сначала поешь как следует,— предложила Сьонед, жестом указывая на нетронутую еду.— Сам знаешь, когда вы начинаете спорить о драконах, то забываете обо всем на свете, включая собственные желудки.

— А я думал, ты согласна с Тобин, что я обзавелся брюшком.

Она рассмеялась и бросила в него болотным яблоком.

— Каждому бы такое брюшко, милорд! Талия у тебя не шире, чем у Мааркена. Так что молчи и ешь!

Поль и Фейлин ждали в верхней приемной. С ними была дочь Фейлин и Вальвиса Сьонелл. Леди Ремагевская поздоровалась и с улыбкой сказала:

— Остальные, включая Вальвиса и Чейна, отправились погулять, или, как выражается Чейн, «инспектировать лошадей».

— А что же вы не поехали с ними?— спросил Рохан у детей, глядя Сьонелл по кудрявой рыжей голове.

— Леди Фейлин сказала, что вы будете рассказывать о драконах. Можно мне остаться и послушать?

— Конечно, можно. А как ты, Сьонелл?

Одиннадцатилетняя девочка, названная в честь Сьонед, была толстенькой и розовой копией своей матери: у нее были те же темно-рыжие волосы и то же треугольное личико. От Вальвиса ей достались одни опущенные густыми черными ресницами ослепительно голубые глаза, над которыми изгибались не менее черные брови. И улыбка у девочки была отцовская, полная чудесного беззаботного веселья.

— Мне нравятся драконы, милорд. И эта комната тоже. Она самая лучшая во всем Стронгхолде. Летняя комната.

— Ну, значит, так мы ее и назовем,— сказала Сьонед.— Сегодня же днем скажу сенешалю, что леди Сьонелл назвала эту комнату Летней в честь висящего здесь гобелена. И отныне она так и будет называться.— Принцесса увидела лукавые глаза Рохана и подмигнула в ответ: оба знали, что Сьонелл сохнет по Полю. Малышка бросила на юного при-

нца ликующий взгляд, но Поль предпочел его не заметить. Сьонед едва скрыла улыбку.

Они расположились на ковре, и Фейлин тут же принялась раскладывать чудовищное количество таблиц, карт и перечней. Лекция началась с результатов ежегодной переписи драконов.

— Согласно наиболее достоверным отчетам, общее количество драконов достигает ста шестидесяти, в том числе тринадцать производителей и пятьдесят пять взрослых самок. Остальные — трехлетки, которые в этом году не будут принимать участия в брачных играх. Как видно из графика, милорд, популяция поддерживается на вполне приемлемом уровне. Естественная убыль в результате смерти от старости, болезней и несчастных случаев уменьшит ее примерно до ста пятидесяти; следовательно, после появления потомства их число достигнет приблизительно трехсот особей.

— Почему трехсот, а не четырехсот? — перебил Рохан. — От пятидесяти пяти самок...

— Но есть только сорок три пригодных пещеры, — сказала Фейлин. — В этом вся проблема.

Поль насупился.

— А что случится с теми, кто не сможет отложить яйца?

— Они умрут, — лаконично ответила Сьонелл. То, что девочка знала о драконах больше его, заставило Поля слегка смутиться, но Сьонелл не обратила на это внимания и продолжила: — В прошлый раз умерло восемь самок. Мы потеряли не только дракончиков, которые должны были вылупиться в тот год, но и тех, кого эти самки могли произвести на свет за всю свою жизнь.

— Но если популяция остается постоянной, то что за беда? — спросил юный принц.

— А если Великий Мор повторится?

— Вернемся к пещерам, — недовольно проворчала Фейлин. — До тех пор, пока их будет недостаточно, потеря лишних самок неизбежна. Поль прав, популяция взрослых драконов остается относительно постоянной, но она не сможет превысить верхнюю границу в триста голов из-за отсутствия подходящих пещер. Я не смогу вздохнуть спокойно, пока она не составит по крайней мере пяти сотен половозрелых драконов; желательно больше.

— Фейлин, а нет ли где-нибудь пещер, в которые мы могли бы заманить их? — спросила Сьонед.

— В Вереше слишком холодно, и яйца не успеют прогреться до нужной температуры. А южнее Ривенрока вообще нет никаких пещер.

— Ривенрок... — эхом повторил Рохан. — Там полно пещер, отличных пещер. Фейлин, нет ли какого-нибудь способа заставить их вернуться туда?

— Мне очень жаль, милорд. — Она покачала головой. — Заросли биттерсвита, которым питаются драконы в период спаривания, там гуще, чем где бы то ни было. Пещеры, как вы сами сказали, идеальные. Насколько я знаю, там вывелось около тысячи поколений. И тем не менее они даже не пролетают над этим местом.

— Мама, я не понимаю, — пожаловалась Сьонелл. — Я знаю, что во время чумы там умерло много драконов, но те, кто помнил об этом, давно умерли от старости, правда? Так откуда же молодые знают, что Ривенрока нужно избегать?

— Думаю, они намного умнее, чем мы можем себе представить, — задумчиво откликнулась Сьонед, вспоминая о сверкающих цветах, к которым ей удалось на мгновение прикоснуться. — Если они умеют общаться друг с другом не так, как обычные животные, то старшие драконы вполне могут убедить младших держаться подальше от мест массовой гибели. Хотя возможна и другая гипотеза: поскольку старшие никогда не показывали им этих пещер, младшие просто не знают об их существовании...

Она поймала взгляд Рохана, полный напряженного интереса. Принц ничего не сказал, но Сьонед и без того знала его мысли. Если бы она как-то сумела связаться с драконами с помощью солнечного света, появилась бы возможность уговорить их вернуться в удобные пещеры Ривенрока, что позволило бы резко увеличить численность драконов.

Заметив взгляд, которым обменялись родители, Поль спросил:

— Отец, у тебя есть идея, как заставить их вернуться?

— Я дорого дал бы за то, чтобы она оказалась правильной, — улыбнулся Рохан. — Фейлин, так сколько дракончиков мы можем получить в этом году?

— Если повезет, то около ста пятидесяти. Кстати, Сьо-

нед, ты ошибаешься, если считаешь, что старшие драконы показывают пещеры младшим. Пару лет назад в Скайбоуле разрушилось несколько пещер, и драконы разыскивали что-нибудь подходящее по всей Пустыне. Так вот, в сторону Ривенрока они даже не летали. Поэтому я и сделала вывод, что они прекрасно знают это место.

— Не хочу, чтобы старые самцы убивали друг друга,— с несчастным видом сказала Сьонелл.— Очень страшно смотреть на умирающего дракона.

— Это закон природы: выживает сильнейший,— сообщил ей Поль.— Но если бы всем самкам хватало пещер, то выживал бы и слабейший.

— Это верно,— сказал Рохан.— Но леди Фейлин тоже права. Сначала нужно создать популяцию достаточно крупную, чтобы ей не угрожала опасность исчезновения. А когда она достигнет этой точки, начнет действовать закон «выживает сильнейший», ибо он уже не сможет подвергнуть риску существование популяции.

— В точности как принцы,— откликнулся Поль.— Все пытались убить друг друга, борясь за лучшие земли. Пока ты, отец, не показал им, кто является сильнейшим,— гордо добавил он, и Рохан нахмурился.— Потому что сильнейший устанавливает свои законы, правда, отец? Соотношение воинских сил может меняться, а закон остается законом.— Он исподтишка посмотрел на Сьонелл, пытаясь понять, произвела ли на девочку впечатление мудрость принца, и когда малышка степенно кивнула, Сьонед подавила еще одну улыбку.

Фейлин заметила реакцию обеих, но, встретив взгляд Сьонед, не стала скрывать усмешку.

— Моя специальность драконы, а не политика,— заявила она, собирая свои пергаменты.— Я оставляю их вам для изучения, милорд. Сьонелл, ты не против, если мы присоединимся к отцу и брату и возьмем с собой нового пони, которого ты хотела показать лорду Чейналю?

— Да, мама. Поль, пожалуйста, пойдем посмотрим на моего пони!

На секунду Сьонед показалось, что он вот-вот согласится. Но Поль покачал головой.

— Я должен остаться с матерью и отцом и обсудить то, что рассказала нам леди Фейлин. Возможно, попозже...

Черные брови Сьонелл сошлись на переносице, и девочка вскочила на ноги.

— «Возможно, попозже» мы уедем кататься, и такого шанса тебе больше не представится! — Она вылетела за дверь, не забыв поклониться Сьонед и Рохану.

Пока Поль смотрел в пустой дверной проем, взрослые героически сражались с желанием расхохотаться. Фейлин сумела сдержаться, но как только за ней захлопнулась дверь, до Сьонед донеслись какие-то звуки, подозрительно напоминавшие хихиканье, и бедная принцесса пожалела, что не может позволить себе сделать то же самое.

Поль что-то пробормотал себе под нос. Рохан обернулся к нему и кротко спросил:

— Ты что-то сказал?

— Ничего. Отец, так что мы будем делать с драконами?

— Для начала все мы съездим в Скайбоул и последим, как им там живется.

— Все?

— А почему бы и нет? — невинно ответил Рохан, и Сьонед чуть было не проиграла свою битву с приступом хохота. — Конечно, Вальвис останется здесь и на время нашего отсутствия позаботится о Стронгхолде. Но все остальные поедут.

Тут Сьонед решила, что пора сжалиться над мальчиком.

— Естественно, Фейлин поедет с нами, но я думаю, что Сьонелл и Янави захотят остаться с отцом. Это очень долгое путешествие. Даже для того, у кого есть новый пони.

Поль кивнул, стараясь не показать своего облегчения, но нисколько не преуспев в этом.

— Очень жаль, что они не увидят драконов, — сказал юный принц. Уверившись в том, что эта язва в Скайбоул не поедет, он сделался великодушным.

Лицо Рохана приобрело задумчивое выражение.

— Я думаю, настала пора пополнить твое образование, Поль. Я научил тебя ездить верхом, фехтовать на ножах и мечах, и Ллейн говорил, что доволен твоими успехами в этих трех искусствах. Но сейчас я собираюсь научить тебя новому искусству, которое может оказаться очень поле-

зным.— И только тут он позволил себе улыбнуться.— Я собираюсь показать тебе, как обыграть женщину в шахматы.

— Смело сказано, милорд принц драконов! —фыркнула Сьонед.— Поль, неси доску, садись и смотри, как я выиграю у него в двадцатый раз за этот год!

— С начала которого прошло ровно двадцать дней! — лукаво добавил Поль, устремляясь за доской и фигурами.

Рохан поставил доску на ковер, а Поль сел рядом. Солнечный луч падал на две светлых головы, озаряя две одинаковых улыбки. Даже волосы на шее они поправляли одним и тем же жестом. Расцветка Поля была чуть более яркой, чем у Рохана, волосы и ресницы казались немного темнее, а в голубых глазах время от времени появлялся зеленоватый оттенок. Но от Янте в нем не было ничего; ничто не напоминало Сьонед о родившей его принцессе.

Закончив разыгрывать дебют, она посмотрела на доску и наклонилась к Полю.

— Теперь он будет пытаться поймать меня на ошибке. Так что следи в оба.

— Когда же это я так поступал с тобой? —спросил Рохан, делая невинные глаза.

— При каждом удобном случае.

— Ты играешь защиту бабушки Милар, правда, мама? Мааркен научил ей Меата, а Меат научил меня.

— Она любила шахматы и прекрасно играла в них, — откликнулась Сьонед.— Только Андраде могла ее обыграть, и делала это очень часто. Перестань отвлекать меня, дракончик! —добавила она, состроив ему гримасу. Он рассмеялся, и Сьонед поняла, что прощена за бестактность, допущенную во время его встречи.

— Напоминаю тебе, —сказал Рохан,—она вечно проигрывает.

— Похоже, за то время, пока меня не было, она не так уж часто проигрывала, —с улыбкой ответил Поль.— А на этот раз, отец, ты и подавно не сможешь у нее выиграть.

— Знаю я ваши комплименты! Только и ждете, чтобы я зазевалась! —Сьонед подняла руку и ущипнула Поля за ухо.

Рохан двинул фигуру.

— Запомни, мой мальчик: самое главное в игре с женщи-

ной — это всегда давать ей выигрывать. Даже после того, как женишься на ней.

— *Давать* выигрывать? — Съонед сделала вид, будто хочет двинуть мужу в челюсть. Рохан поймал ее за запястье, дернул и довольно засмеялся, когда жена повалилась прямо на доску. Съонед потянулась к ребрам Рохана, прекрасно зная каждое уязвимое место на его теле. Шахматные фигуры разлетелись по всей комнате, Поль закричал «Куча мала!», и все трое принялись кататься по ковру, хохоча и щекоча друг друга. Из волос Съонед выпали шпильки, Рохан схватил ее за распустившуюся косу, притянул к себе и поцеловал. А потом они повалились на сына. Придавленный двумя телами, Поль корчился, изнемогая от смеха.

— Вот так так! — раздалось в дверях. — Это что, дворцовый переворот? Поспорим, кто победит, Мааркен?

— Поль, — тут же откликнулся молодой человек. — Мама, Чадрик учит своих оруженосцев всяким нечестным приемам.

Все трое тут же отпустили друг друга и сели, продолжая смеяться. Рохан улыбнулся Мааркену и Тобин.

— Всегда ставьте на младшего — особенно если он ваш будущий принц!

— Это единственная правильная политика, — фыркнув, согласился Мааркен и помог Съонед встать на ноги.

Она поблагодарила племянника и попыталась привести в порядок прическу.

— И долго ты собираешься так сидеть? — напустилась она на мужа. — Немедленно поднимайся и сделай важное лицо, как подобает верховному принцу!

— Действительно, приведите себя в порядок, — посоветовала Тобин. — Я пришла сказать, что прибыл посол из Фирона.

Рохан застонал и покачал головой.

— Ведь их «Гонец Солнца» сообщил, что она приедет только завтра!

— Леди Энеида стоит за дверью, братец!

Пока Мааркен и Поль подбирали с пола разбросанные фигуры, Тобин унесла доску и подняла опрокинутые стулья. Рохан и Съонед почистили друг друга, а потом схватили сына и проделали с ним то же самое. Затем они чинно сели.

в кресла, причем Мааркен встал за спиной матери, как подобало поступать молодому лорду в присутствии его принцессы. В ту же секунду раздался осторожный стук в дверь.

— Войдите,— сказал Рохан, в последний раз проводя рукой по волосам.

Фиронским послом была тощая смуглая женщина неопределенного возраста—где-то между сорока и семьдесятю. Она была такой же холодной и хрупкой, как хрусталь, которым славилась ее страна, однако на этом сходство кончалось; воздушного изящества фиронских статуэток у нее не было и в помине. Казалось, хрупкость делала ее вялой и флегматичной, и хотя отсутствие у Рохана настоящего двора избавляло леди от необходимости являться в официальном костюме, ее шерстяное платье больше подходило для прохладного климата Фирона, чем для Пустыни, и когда дама согласно ритуалу кланялась сперва верховному принцу, затем верховной принцессе и наконец наследнику, лоб у нее был слегка влажным.

— Благодарю за то, что вы приняли меня в частном порядке, ваше высочество,— сказала она Рохану.

— Это я благодарю вас за то, что вы не поленились совершить такое дальнейшее путешествие в такой спешке,— ответил он.— Пожалуйста, миледи, садитесь и почувствуйте себя как дома.

Мааркен принес ей кресло, леди поблагодарила его и улеглась, сложив тонкие руки на коленях.

— Государственный совет прислал меня, чтобы сообщить вашим высочествам о несчастном состоянии нашего государства,— начала она.— Как вы знаете, принц Айт умер на Новый год, не оставив наследников.

— Мы узнали о его смерти по солнечному лучу и были безутешны,— сказал Рохан. Он хорошо помнил этого принца по своей первой шумной Риалле. Тогда Айт больше остальных сомневался в его умственных способностях. Впрочем, Рохан никогда не сердился на старика: наоборот, был благодарен ему, поскольку Айт первым оценил его актерские способности. Некоторая придурковатость, но не полный идиотизм—именно это впечатление он и хотел создать, чтобы втянуть Ролстру в торг. Конечно, сейчас это бы ему не удалось: все принцы знали Рохана как облупленного.

— Прошедшие дни дались нам нелегко,—продолжила леди Энеида.— Нас засыпали предложениями... другие принципы.

— Я в курсе. И как отнесся к этим предложениям государственный совет?

Леди удостоила его ледяной улыбкой.

— Сами понимаете, милорд, с сильным подозрением.

— Естественно,—пробормотала Тобин.

— Большинство этих предложений основано на кровном родстве, как действительном, так и мнимом. А этот вопрос касается обоих ваших высочеств.— На сей раз она посмотрела и на Сьонед, и на Рохана.

— Простите, не понимаю,—откликнулась Сьонед.— Я не слишком сведуща в вопросах генеалогии принцев, леди Энеида.

— Неудивительно, ваше высочество, поскольку вопрос крайне запутанный. Бабушка верховного принца была дочерью нашего принца Гаврана, у которого были две сестры, вышедшие замуж за владетельных принцев Дорваля и Кирста.

Сидевшая в кресле Тобин слегка подалась вперед.

— Следовательно, на Фирон могут претендовать четверо — сыновья Волога Кирстского, сыновья Давви Сирского, внуки Ллейна Дорвальского и мой племянник, принц Поль.

Леди Энеида поклонилась, благодаря Тобин за это краткое резюме.

— Права Пустыни являются предпочтительными, поскольку линия верховного принца объединяется с линией верховной принцессы Сьонед, происходящей из династии принцев Кирстских.

Рохан нахмурился, раздосадованный пылкостью сестры.

— Миледи, вы понимаете, что если мой сын унаследует трон, это будет означать ликвидацию Фирона как самостоятельного государства?

Энеида пожала плечами.

— Перспектива для нас не слишком приятная — прошу прощения, ваше высочество,— поклонилась она Полю, который понимающе кивнул,— но это куда лучше, чем быть поглощенными Кунаксой.

— Я ценю вашу позицию,—промолвил Рохан, и намек

на улыбку, промелькнувший на лице леди Энеиды, подсказал ему, что женщина оценила его географическую остроту: вечно голодная Кунакса давно точила зубы на соседний Фирон. — Конечно, такой поворот событий не доставил бы нам радости. Но ведь есть и другие варианты — например, сделать наследником престола младшего внука принца Ллейна. В таком случае Фирон сохранил бы свою независимость.

Тобин слегка заерзала в кресле и бросила на брата недовольный взгляд. Стоявший позади Мааркен незаметно положил ей руку на плечо. Он не хуже Рохана знал тягу матери к приобретению новых земель.

— Дорваль далеко, — прямо сказала леди Энеида. — Если нам понадобится помощь против Кунаксы, на это уйдет десять дней плавания под парусом при хорошей погоде. А с Маркой у нас общая граница.

— Достаточно трудно проходимая, — напомнила Сьонед. — Высокие горы с единственным приличным перевалом.

— Но Пустыня и Кунакса тоже граничат между собой, — без всякого выражения сказала леди Энеида, однако глаза ее при этом превратились в осколки темного стекла.

После этих слов наступило молчание. Рохан понял намек. Если бы принцем Фирона стал внук Ллейна Ларик, это напугало бы кунакцев намного меньше, чем правление Рохана. Нападение на Фирон стало бы прямой и непосредственной угрозой верховному принцу, и для принятия ответных мер Рохану вовсе не потребовалось бы прибегать к договору о взаимопомощи между независимыми государствами. Кирст был ближе к Фирону, но ответить Кунаксе агрессией на агрессию могла бы только Пустыня. Принц Мийон был не так глуп, чтобы вторгаться на запад, не обращая внимания на возможность контратаки с юга. В таком случае ему неминуемо пришлось бы раздробить силы и вдвое уменьшить их мощь.

Возвратившуюся тишину вновь нарушила леди Энеида, сказавшая:

— Итак, самые большие права на престол у Пустыни. Благодаря вам, милорд, принц Поль на целое поколение ближе к Фирону. А учитывая кирстскую кровь ее высочества... — Она закончила фразу пожатием плеч, что означало неизбежный конец Фирона как независимого государства.

— Я так понимаю, что совет с этим согласился, иначе вы просто не приехали бы сюда,— сказала Тобин.

— Да, ваше высочество, согласился, хотя и с большой неохотой, не в обиду вам будь сказано. В правильности выбора кандидатуры будущего принца никто не сомневался.

— То есть ваши сожаления вызывала лишь сама необходимость принятия такого решения,— добавил Рохан.— Я тоже сожалею об этом, миледи.

— Следовательно, я могу считать, что верховный принц принимает предложение совета?

— Мы не сможем дать вам окончательного ответа до Риаллы; закон гласит, что такие решения требуют предварительных консультаций между принцами.

Тобин со свистом втянула в себя воздух, и Мааркен сжал ее плечо, что было молчаливым предупреждением. Леди Энеида выпрямилась в кресле, как будто аршин проглотила.

— Пожалуйста, поверьте,— сказал Рохан,— я искренне говорю вам, что все сделаю для обеспечения безопасности и сохранения целостности Фирона. Но закон есть закон, и его надо соблюдать. Я не имею права торопиться и принимать единоличное решение по столь важному вопросу, пока в Визе не будут обсуждены все факты, относящиеся к этому делу.

— Милорд, наверно, я недостаточно ясно выразилась. Угроза со стороны Кунаксы очень велика, а до Риаллы еще почти вся весна и целое лето.

— И тем не менее я вынужден придерживаться закона, который сам написал,— спокойно ответил принц.— Ваш фарадим в Баларате всего лишь в луче света от принцессы Сьонед. Если Фирону потребуется помощь против агрессора — согласно закону, она будет оказана ему немедленно.

Это должно было ее удовлетворить. Леди Энеида с холодным достоинством откланялась, и стук захлопнувшейся за ней двери напомнил хруст льда.

Прежде чем Тобин успела дать выход гневу, Сьонед сказала:

— Мааркен, будь добр, поищи отца, пожалуйста.

На лице молодого лорда отразилось разочарование. Мааркену хотелось полюбоваться на одну из знаменитых

вспышек ярости матери, но он послушно поклонился и ушел. Рохан благодарно кивнул жене и обернулся к Полю.

— Интересно, извлек ли ты пользу из уроков Ллейна и Чадрика? Что ты думаешь об этом деле?

Мальчик, польщенный тем, что с ним советуются, быстро справился с удивлением.

— Фирон нужно брать. Мы покупаем их хрусталь, но если кунакцы захватят эти земли, они ни за что не станут торговать с нами, даже если это будет стоить им большей части годового дохода. Особенно учитывая тот вес, которым при кунакском дворе пользуются наши враги мериды. А они могут в любой момент перейти границу Фирона через два удобных горных перевала.

— Три,— сверкая черными глазами, бросила Тобин.— Рохан, что тебя беспокоит? Тебе поднесли государство на блюдецке с голубой каемочкой! И ты будешь ждать конца лета, чтобы принять его?

— Да. Поль, как ты думаешь, почему?

— Ты сам сказал, есть такой закон.— Мальчик помедлил, а потом пожал плечами.— Но ведь принцам все равно придется согласиться, правда? Прав на это у нас больше, чем у других; кроме того, ты верховный принц.

— Тогда почему он не хочет действовать так, как положено верховному принцу? — резко спросила Тобин.— Конечно, Рохан, с твоей стороны очень красиво и благородно соблюдать все формальности, но если кунакцы перейдут границу Фирона, Пустыне придется *воевать* за то, что фиронцы хотят отдать нам даром!

Рохан задумчиво смотрел на сына, не обращая внимания на слова Тобин.

— Потому что я верховный принц,— повторил он.— Значит, желания верховного принца — это закон?

— Нет, но...

Фразу Поля прервал приход Чейна и Мааркена. Тобин вскочила и велела мужу вразумить ее балбеса брата. Горячность жены заставила Чейна выгнуть бровь, но он молча перевернул стул леди Энеиды, сел на него верхом, обхватил руками спинку и вытянул длинные, обутое в сапоги ноги.

— Я слышал, фиронцы хотят вручить тебе подарок,— мягко сказал он. Потом Чейн улыбнулся, и в его серых гла-

зах появился злорадный блеск.— Прекрасная нынче стоит погода! Самое подходящее время для военных маневров у замка Туат. И какое счастье, что он стоит всего в пятидесяти мерах от границы с Кунаксой!

Тобин пропустила воздух сквозь сжатые зубы и воззрилась на своего лорда. Глаза Поля расширились от изумления; Сьонед принялась рассматривать свои руки, пытаясь скрыть лукавую усмешку. Но Рохан делать этого не стал; он широко улыбнулся сестре.

— Тобин, тебе следовало бы знать меня лучше. Неужели ты действительно решила, что я сошел с ума?— Он укоризненно покачал головой.— У Мийона и его совета будет столько сложностей с охраной собственной границы, что им ни времени, ни мозгов не хватит на мысли о Фироне.

— Это ты так считаешь!— взорвалась она.— Почему ты не согласился на предложение фиронцев немедленно? Это сэкономило бы нам уйму времени. Поль прав— у них нет другого выхода, кроме как согласиться с верховным принцем.

— Но если я сам не буду соблюдать собственные законы, то кто им будет подчиняться?— возразил он.— Теперь понимаешь, Поль?

Мальчик посмотрел на Мааркена, который подбодрил его улыбкой, а потом сказал:

— Это то же самое, что быть «Гонцом Солнца», правда? Ты верховный принц и несешь большую ответственность перед законом, чем кто-нибудь другой, даже если закон тебе неудобен. Как фарадим. Чем больше власти, тем больше обязанностей, верно?

— Вот именно.— Рохан едва не засветился от гордости и напомнил себе, что надо послать благодарность Ллейну, Чадрику и Аудрите.— Тобин, ты у нас лучше всех разбираешься в картах. Не могла бы ты прикинуть, как лучше всего разделить Фирон между Маркой и Фессенденом?

— Фессенденом?

У Поля отвисла челюсть; Сьонед подмигнула ему. Чейн положил лоб на сложенные руки и затрясся от смеха. Через минуту он поднял голову и пробормотал:

— Ах, Тобин, Тобин, неужели ты так и не привыкнешь к его выходкам?

Шокированная до глубины души, Тобин саркастически произнесла:

— До чего же мы боимся показаться скупыми! Почему бы тогда не подарить Фессендену весь Фирон с лучшими на всем континенте хрустальных дел мастерами?

— Хватит с них и хорошего куска земли. Фессенден во век не забудет этой щедрости и будет считать себя нашим должником. Мааркен, не мог бы ты связаться с Грэйперлом и спросить у Эоли, знает ли Ллейн о тесных связях или стойких антипатиях людей, живущих поблизости от границ? Я хотел бы, чтобы этот раздел прошел как можно менее болезненно.

Улыбка Мааркена показала, что этот план ему нравится.

— С удовольствием, милорд. После уточнения границ, проведенного три Риаллы тому назад, Ллейн стал настоящим кладом сведений обо всех имениях приграничной полосы. Он знает всех, кто готов из дурацкого принципа удавиться за последнюю травинку. Правда, старик до сих пор не может без дрожи вспоминать об этом.

— Зато тебе эта история с географией покажется интересной. Она весьма поучительна,— сказал Рохан.— И передай Ллейну, что если он возьмется за этот труд, то не проиграет: это избавит его внуков от грызни с другими принцами за фиронский престол.

— Думаю, возьмется, но совершенно бескорыстно. Лудхиль клянется, что и шагу не ступит с Дорваля, кроме как на Риаллу, поэтому я сомневаюсь, что он клюнет на Фирон. А Ларик скорее ученый, чем принц.

Рохан на мгновение задумался.

— Тогда нужно будет поговорить с Давви насчет Тилала. Из него вышел бы отличный принц.

— Недаром мы учили его,— согласилась Сьонед.— А как насчет младшего сына Волога? У него прав на трон не меньше.

— С Вологом я потолкую тоже. Должно быть, мне улыбнется Богиня, раз я могу разговаривать со всеми тремя как с родней, а не как с принцами.

Тобин тихонько фыркнула.

— Этак вскоре наша семейка приберет к рукам весь континент! Ты помнишь, что в один прекрасный день благодаря

тебе внук Волога получит власть над объединенным Кирстом и Изелем? Не желаешь пополнить этот перечень третьим государством?

— При чем тут я, Тобин? Мог ли я предвидеть, что единственный сын Саумера умрет, не оставив наследника?

— Не мог, конечно, но все само устранивается к твоей выгоде,— парировала она.— Ладно, начерчу я тебе твою карту. Но по-прежнему считаю, что ты должен был взять Фирон целиком, и притом немедленно!

— Ты злишься только потому, что совсем забыла про территориальные претензии Фессендена,— сказал Чейн.— Рохан, наверно, ты захочешь, чтобы маневрами в Туате командовал Вальвис?

— Если только их не захочет провести Мааркен.— Он вопросительно посмотрел на молодого человека, и тот перестал улыбаться.— Но, похоже, ты не...

— Милорд, раз нужно, я согласен.

— Но я уверена, что Андраде захочет видеть его на Риалле,— предположила Сьонед.— Пошли Вальвиса. После того, что он сделал в Тиглате во время войны, северяне хорошо его знают. Я понимаю, что Мааркен произвел бы сильное впечатление и на кунакцев, и на жителей Туата, но наша цель состоит в том, чтобы избежать битвы, а присутствие Мааркена могло бы только спровоцировать ее.

С виду все было совершенно логично, но Рохан знал, что приводимые ею причины для отправки Мааркена в Виз, а Вальвиса в Туат — это только предлог. Облегчение, отразившееся в глазах Мааркена, показывало, что он тоже стремится в Виз. Рохан подозрительно посмотрел на жену, но потом кивнул в знак согласия. Позже он выяснит у нее правду.

Поль уныло вздохнул.

— Я догадываюсь, что это значит...

— Чейн,— мягко прервала его Сьонед,— может быть, ты и Мааркен сегодня поговорите с Вальвисом?

Тобин еще дулась на брата, но Чейн все понял с полуслова. Он просто молча кивнул и увел из комнаты жену и сына, предварительно обменявшись со Сьонед хитрыми взглядами. Рохан заметил улыбку зятя и покачал головой.

Когда они остались втроем, Сьонед лукаво посмотрела на Поля.

— Да, это значит, что Сьонелл и Янави поедут с нами в Скайбоул. Ничего, переживешь.

Когда щеки мальчика вспыхнули, Рохан фыркнул.

— Подожди, Поль, пройдет зим пять-шесть, и тебе не о чем будет беспокоиться. Найдется куча молодых людей, которые будут оспаривать у тебя ее внимание.

Поль замер, пораженный мыслью о том, что вредная, толстая Сьонелл сможет кого-то привлечь и что это станет его беспокоить. Рохан, зная, что смеяться ни в коем случае нельзя, все же рассмеялся.

— Ну что ж,— сказал Поль,— приятно слышать, что мои права на Фирон идут от вас обоих, как и дар «Гонца Солнца». Я рад, что вы так хорошо помогаете друг другу. Будь по-иному,—я сомневаюсь, что из этого вышло бы что-нибудь путное.

Сьонед непринужденно кивнула, но взгляд ее стал мрачным. И Рохан знал, почему. Она не принесла сыну ни прав на Фирон, ни дара фарадима. Сьонед была слишком чувствительна.

— Тебя волнует твое будущее, сынок?

— Нет... во всяком случае, не слишком,—честно признался он.— Просто мне придется править еще одним государством.— На лице Поля заиграла лукавая улыбка.— Отец, можешь быть уверен, этот Фирон нужен мне как прошлогодний снег. У меня в голове не хватит места, чтобы думать еще об одной стране!

— Когда ты станешь верховным принцем, то будешь обязан думать обо всех государствах сразу.

— Тогда я всех вас замучаю миллионами вопросов!

— Мы сделаем все, что можем, чтобы ответить. Кстати, как дела у Чадрика? У меня действительно не было времени, чтобы как следует поговорить с тобой о твоём житье и учебе в Грэйперле.

— Может, пора составить расписание?

Рохан рассмеялся.

— Запомни первое правило верховного принца. Я поставил каждого делать то, что у него хорошо получается и без моей помощи. Чейн, Мааркен и Вальвис разработают отличный план проведения маневров в Туате, Тобин на ближайшие десять-двенадцать дней с головой зароется в книги

и карты, а когда все будет готово, они придут и расскажут, что у них получилось. Но до тех пор я свободен. Поль, никогда не делай сам то, что другие сумеют сделать лучше и быстрее тебя. А сейчас расскажи мне о Чадрике. Ты ведь знаешь, что он был оруженосцем в Стронгхолде. Он приехал в год моего рождения, а уехал, когда мне исполнилось шесть лет, так что я толком не помню его.

Поль принялся перечислять многочисленные достоинства Чадрика; тем временем Сьонед успела прийти в себя, на что и рассчитывал Рохан. Они поговорили еще немного, а потом Рохан намекнул сыну, что вежливость требует от наследного принца похвалить нового пони Сьонелл. Поль недовольно поморщился и вздохнул.

— Надеюсь, что она сможет оценить это,— свысока заметил он.— Сьонелл еще маленькая.

Рохан со Сьонед еще не успели забыть, что значит в этом возрасте разница в три года, и не нашли в тираде сына ничего смешного. Когда Поль ушел, Рохан положил ладонь на руку жены.

— Не могу видеть тебя расстроенной, любимая.

— Его слова прозвучали слишком неожиданно, вот и все.— Она пожала плечами.— Мальчик вырос, и мне очень тяжело обманывать его. Да, я знаю, знаю, необходимо лгать до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы понять случившееся и причины нашего молчания. Нам еще повезло, что права на Фирон у него существуют не только благодаря мне. Честно говоря, мы должны были бы отказаться от них.

— Пришлось бы придумать для этого очень серьезную причину. Впрочем, для самого Фирона разница была бы невелика. Пиманталь не стал бы драть семь шкур со своих новых подданных — особенно после небольшой беседы со мной.

— Так же вышло и с Маркой. С тех пор, как Пандсала стала регентом, прошло четырнадцать лет и люди поняли свою выгоду. Когда Поль подрастет и станет править ими, они будут относиться к нашим методам правления как к чему-то само собой разумеющемуся.

— Хотел бы я, чтобы эти методы взяли на вооружение все остальные принцы.— Он поднялся, подошел к окну

и посмотрел во внутренний двор.— Фирон предоставляет для этого слишком хорошую возможность, чтобы ею не воспользоваться. То, что они пришли ко мне, а не стали искать кого-нибудь другого, немного утешает меня. Но придется быть осторожным, а особенно сейчас, когда надо будет иметь дело с этим сыном Ролстры.— Внезапно он хмыкнул.— Просто не верится — старый Айит был женат шесть раз, собирался жениться в седьмой и все же не сумел переплунуть Ролстру! Ни тот ни другой так и не обзавелись сыновьями.

— Сам знаешь, иногда все зависит от женщины... — пробормотала Сьонед. Когда ошеломленный Рохан обернулся, жена улыбнулась ему.— Ах, оставь. Это меня больше не волнует. Я все же сумела дать тебе сына. Кстати, у Айита был наследник, но он умер много лет назад.

— Да, верно, я и забыл.— Во дворе послышались крики и смех, и муж поманил Сьонед к окну.— Глянь-ка! Скорее!

Она присоединилась к Рохану, и оба уставились на Вальвиса, игравшего со своими детьми в дракона. Он размахивал лапами просторного зеленого плаща, изображавшими крылья, а мальчик и девочка гонялись за ним верхом на пони. Дети визжали от смеха и едва не падали с седел. Взмывшие пони скакали туда и сюда, взад и вперед, и на дракона обрушивались удары деревянных мечей. Поль стоял неподалеку, и лицо его говорило само за себя: мальчику хотелось присоединиться к веселью, но не позволяло достоинство наследника Рохана и оруженосца Ллейна. Эту проблему решила за него Сьонелл — она подъехала к принцу и протянула ему свой меч. Поль отвесил ей низкий поклон. Ничего другого ему не оставалось: долг по отношению к прекрасной даме повелевал рыцарю сразить дракона.

— Она просто чудо! — рассмеялся Рохан.— Именно то, что ему нужно!

— Подождем, пока он подрастет, а потом проверим, передалась ли ему от отца любовь к рыженьким, — поддразнила Сьонед.

— Я бы возражать не стал. Но выбор у него будет громадный.

— Как в свое время у тебя? Я прекрасно помню тогдашний Виз и тебя, со всех сторон окруженного принцессами!

— Но по уши влюбленного в пару зеленых глаз,— галантно ответил Рохан и поцеловал ее.

— И очень романтического,— признала Сьонед.— Если ты научишь тому же и Поля, женщины не дадут ему проходу.

— Что ж, не буду отрицать, опыт был не только полезный, но и очень приятный. Кстати, о Визе — что влечёт туда Мааркена?

— Не скажу. Можешь попытать меня, морить голодом, вырывать ногти, бросить меня в темницу, даже щекотать — все равно не промолвлю ни слова!

— Темницы у меня нет. Щекотка... Благодарю, сегодня я сыт ею по горло. пытки — фу! Если я попробую морить тебя голодом, собственная стража изрешетит меня стрелами, а вот насчет ногтей...— Рохан взял ее руку и потрогал кончики пальцев.— Это идея,— признал он,— По крайней мере, меня не станут царапать в постели. Иногда в твою рыжую голову приходят толковые мысли!

Пока Сьонелл поздравляла Поля с победой, Вальвис ушел в замок — вероятно, чтобы посоветоваться с Чейном и Мааркеном. Рохан видел, как Янави, в свои восемь лет уже искусный всадник, выполнял эффектные маневры у кормушки. Но все внимание принца было сосредоточено на Поле, который в ответ на знаки внимания со стороны Сьонелл пожал плечами и ушел в сад. Малышка топнула ногой и побегала следом.

— Знаешь,— задумчиво сказал Рохан,— было бы неплохо построить ему замок.

— У тебя их и так несколько.

— Вернее, не замок, а дворец. Что-то вроде ллейновского Грэйперла. Не военную крепость, а мирный дом, окруженный садами, фонтанами и всем остальным.

— И где же ты воздвигнешь это чудо?

— На полпути между Стронгхолдом и замком Крэг. Откровенно говоря, надо осваивать новые места. Подумай об этом, Сьонед: новый дворец для нового принца, объединяющего два государства. Мне бы хотелось начать строитель-

ство следующей весной и закончить его к тому времени, когда Поль найдет себе жену.

— Спорим, что это будет Сьонелл?

— Вымогательница. И что ты хочешь получить в случае выигрыша? — улыбнулся Рохан.

— Феруче.

Он вздрогнул всем телом и отшатнулся.

— Нет...

— Рохан, дорога через Вереш приобретает огромное стратегическое значение. Феруче всегда охранял ее, но сейчас там нет ничего, даже гарнизона. Замок должен быть восстановлен.

— Я не желаю иметь с этим местом ничего общего, — проскрежетал он и уставился в окно невидящим взглядом. Феруче — прекрасный, золотисто-розовый замок среди скал; мертвая женщина, правившая им; ночь, когда он изнасиловал ее и она зачала от него сына...

— Ты обещал мне Феруче еще много лет назад, — напомнила Сьонед. — Неподалеку от него живут драконы, за которыми надо следить и ухаживать. Я хочу Феруче, Рохан.

— Нет. Никогда.

— Это единственный способ навсегда забыть о том, что в нем произошло. Я уничтожила тот замок Огнем «Гонца Солнца» и знаю, что он превратился в пепел. Но судя по тому, что ты никогда не ездил туда, чтобы убедиться в этом собственными глазами, для тебя он все еще существует. Рохан, я хочу отстроить Феруче и сделать так, чтобы он перестал быть замком Янте и стал *нашим*.

— Нет! — выкрикнул он и резко обернулся к двери. — Я не стану отстраивать его и не подойду к нему ближе, чем на десять мер! И прошу тебя больше не заикаться об этом!

— Когда мы расскажем Поллю правду, ты предъявишь ему в качестве доказательства обугленные руины места, где он был зачат, где родился и где умерла его мать? Или лучше построить на этом месте новый замок, в котором не останется ничего от прошлого и который не будет немым свидетелем случившегося?

Он остановился, положив ладонь на ручку двери.

— Если ты любишь меня, до конца жизни не произноси при мне название этого места.

— Именно потому что я люблю тебя, я и произношу его. Я хочу Феруче, Рохан. И если его не отстроишь ты, это сделаю я сама.

ГЛАВА 7

Леди Андраде смотрела в серые окна библиотеки, повернувшись спиной к Уривалю и Андри, чтобы те не видели, что она растирает руки. Гордость не давала ей подойти поближе к камину, как того требовало постоянно зябнувшее тело, но пуще всего она боялась желания лечь в мягкую, теплую постель. Андраде с тоской смотрела на мокрую от дождя башню, стоявшую на другом конце внутреннего двора Крепости Богини. Неужели зима в этом году действительно была более холодной, а весна более дождливой, чем прежде, или это давал себя знать возраст? Последний новогодний праздник стал для нее семидесятым; по сравнению с принцем Ллейном она была ребенком.

— Что заставило их променять Дорваль на это проклятое место? — пробормотала она.

Беззвучно, как опытный охотник, крадущийся за чуткой дичью, подошел Уриваль и встал рядом.

— Должно быть, это последняя весенняя буря. Но ты права, тучи для «Гонцов Солнца» — форменное бедствие. Так почему же они построили крепость именно здесь?

Она сунула руки в карманы платья, чтобы скрыть дрожь, а затем повернулась к своему юному родственнику.

— Ну что? У тебя было время поломать голову над этими свитками.

— Его было не так уж много, миледи, — напомнил Андри. — Но мне кажется, что я нашел ключ. Это действительно головоломка: некоторые слова очень похожи на нынешние, однако смысл их за прошедшие годы полностью изменился. С ними пришлось обращаться более осторожно, чем с теми,

которые с самого начала казались бессмыслицей. И все же мне удалось обнаружить кое-что интересное.— Юноша провел пальцем по тому месту на свитке, над которым они бились все утро.— Снова и снова появляются крошечные значки, похожие на согнутую веточку. Сначала я принял их за кляксы или описки, но теперь думаю, что они проставлены специально.

— И что же они означают? — нетерпеливо спросила Андраде.

Андри помедлил, затем пожал плечами и решительно сказал:

— Я думаю, они означают, что слово над ними следует понимать наоборот. Испытываешь очень странное чувство, когда читаешь что-то и на каждом шагу натыкаешься на противоречия. Но именно в тех местах, которые противоречат тому, что было раньше или позже, эти значки появляются с подозрительной регулярностью.

— Как это любезно с их стороны! — фыркнула Андраде.— Значит, ты считаешь, что они нарочно писали неправду и в том месте, где лгали, ставили веточку?

— Вполне возможно.— Явная насмешка над его теорией не обескуражила Андри; наоборот, он заговорил с еще большей горячностью.— Например, в одном месте сообщается, что леди Мерисель весь какой-то год оставалась на Дорвале, а позже — что лето того же года она провела с неким могущественным лордом в земле, которая сейчас называется Сир. А еще позже указывается, что в то лето между «Гонцами Солнца» и этим лордом был заключен союз. Так вот, рядом с первым фрагментом, о котором я говорил, проставлена эта самая маленькая веточка.

— Для такого вывода одного примера недостаточно. Это могло оказаться простой ошибкой,— нахмурился Уриваль.

— Но только это позволяет свести концы с концами! Иначе весь свиток превращается в нагромождение взаимопротиворечащих утверждений, правильность которых невозможно проверить. А похоже, что именно это и входило в намерения леди Мерисели, под диктовку которой написан пергамент.— Он развернул другую часть свитка.— Во всех изученных мною фрагментах повторяется та же картина: если

в одном месте утверждается что-то одно, а в другом — противоположное, у ключевого слова всегда появляется этот значок. Вот послушайте. — Он нашел нужный кусок и прочитал вслух: — «Сыновья-близнецы, которых леди Мерисель родила от лорда Герика, были воспитаны лордом Россейном как его собственные». Под именем лорда Герика стоит значок.

— И что это значит? — саркастически спросила Андраде, пытаясь скрыть растущее возбуждение.

— Это значит, что мальчики вовсе не были сыновьями лорда Герика! Скорее всего, они действительно были детьми лорда Россейна! А теперь послушайте снова, как это звучит с учетом значка: «Сновья-близнецы, которых леди Мерисель родила совсем не от лорда Герика, были воспитаны лордом Россейном как его собственные». Разве это не может значить, что их отцом был Россейн?

— Доказательства! — потребовал Уриваль. — Приведи доводы, что это не просто твоя догадка.

— Хорошо. Вот здесь говорится, что они сражались за несколько мер земли возле Радзина. Но я знаю это место. Зачем было воевать за никому не нужный кусок Пустыни? Тут тоже стоит значок. Следовательно, битва разыгралась совсем не из-за этого дурацкого клочка земли. Чуть позже говорится, что лорд Гери́к был доволен тем, что лорд Россейн во время сражения прибег к своей силе. Но несколькими абзацами выше было указано, что он и леди Мерисель наложили запрет на использование дара для убийства. Под словом «доволен» стоит тот же значок. Следовательно, поступок Россейна на самом деле подвергся осуждению. — Он отбросил в сторону свисавшие на глаза волосы и посмотрел на Андраде. — Миледи, есть только один способ объяснить все это.

Уриваль воззрился на свитки.

— Значит, они изложили всю свою историю в двух вариантах? Богиня милостивая, понадобятся годы, чтобы расшифровать все это!

— Следует помнить, для чего это было сделано, — сказал Андри. — Они не могли знать, в чьи руки попадут эти свитки и попадут ли вообще. Значит, надо было придумать, как отпугнуть того, кому не следовало совать в них нос. Вот они

и придумали. Эти противоречия свели бы с ума любого, как чуть не свели меня, пока я не догадался о значении этих значков.

— Но зачем им понадобились такие сложности? — спросила Андраде. — Кому теперь дело до того, был или не был некий лорд Россейн отцом двоих сыновей Мерисели?

Андри перевел дух и внимательно посмотрел на свои четыре кольца.

— Миледи, я думаю, что все это намного сложнее, чем кажется. Почему эти свитки лежали вместе со свитком о колдовстве? Потому что они являются ключом для правильного понимания смысла главного и самого опасного из них и одновременно мешают овладеть тайным знанием первому встречному.

Андраде подошла к своему креслу и села, сжав в кулаки лежавшие в карманах руки.

— Покажи мне Звездный Свиток, — приказала она.

Андри благоговейно вынул его из тубуса и раскатал по верх другого.

— Он весь испещрен такими же значками, — объяснил юноша. — Например, вот этот рецепт. Здесь написано, что это снадобье может вызвать потерю памяти. Тут перечисляются всякие корни и травы и указывается, что с ними надо делать, но рядом с главной частью смеси, придающей ей силу, написано «удалить», а возле какого-нибудь вещества, лишаящего зелье его силы, написано «добавить». Смотрите сюда. Вот название цветка, о котором никто в этих краях не слыхивал, и под ним стоит маленький значок. А вот указание, как сварить простую мазь, которая будет не лечить, а разъедать рану. Но значок показывает, что ее вовсе не нужно *варить*! Здесь приводится рецепт сильного яда. Картина та же, миледи: в перечне его частей под некоторыми из них стоят значки, и я готов поклясться, что они в совокупности составляют противоядие. Таким образом, если бы свиток попал в случайные руки, он был бы совершенно безопасен! В рецептах всех снадобий, которые могли бы принести вред, непременно присутствует маленькая веточка, говорящая нам, чего делать не следует, в то время как непосвященный будет делать именно то, что указано.

— Значит, на случай, если рецепт попадет не в те руки,

в него включается еще один ненужный компонент, и зелье становится безвредным? — восхищенно воскликнула Андраде, полностью убедившаяся в правоте внучатого племянника. — Из твоего рассказа о леди Мерисели следует, что эта дама была весьма затейливой и вполне могла придумать нечто подобное. Я так и вижу, как старуха диктует писцу и хихикает про себя, уверенная, что если кто-нибудь и найдет свиток, то не сумеет им воспользоваться!

— Да, первый свиток, в котором излагается история фарадимов, является ключом, — согласился Андри. — Это единственный способ, который позволяет понять первоначальный смысл.

— Гм-м, — скептически хмыкнул упрямый Уриваль. — Для окончательного доказательства твоей правоты следовало бы взять какой-нибудь рецепт и составить снадобье двумя способами. С твоего позволения, Андраде, я сделаю это; конечно, надо будет выбрать болезнь, которую мы с тобой умеем лечить.

Она кивком подтвердила свое согласие, а затем повернулась к Андри.

— Найди мне кусок, в котором говорилось бы о каком-нибудь *бесполезном* зелье. Я сама хочу убедиться, насколько это верно.

Андри немедленно нашел несколько неразборчивых строк, и безошибочное чутье подсказало Андраде, что мальчишка все рассчитал заранее.

— «Трава дранат не может увеличить силу», — громко прочитал он и, встретив испуганный взгляд Андраде, добавил: — Значок стоит ниже отрицательной частицы «не».

Теперь Андраде убедилась, что юноша намеренно подвел ее к этому. Она возмущалась его искусством, одновременно восхищаясь им, но сильнее всего в ней был страх.

— Если написано, что дранат не может увеличить силу, значит, на самом деле он усиливает дар... Выходит, это и есть их тайна? «Трава дранат может усилить дар»? Эта проклятая трава, которая заставила моего фарадима слушать Ролстре?

Андри еле заметно вздрогнул.

— Миледи... мне очень жаль...

Она уставилась в огонь.

— Дранат порабощает, отравляет, убивает... и в то же время лечит чуму. А теперь ты говоришь мне, что он усиливает дар?

— Похоже на то, — осторожно сказал он.

— Не верю! — заявила Андраде. — Все остальное, может быть, и правильно, но в это я не поверю никогда! — Она встала и повернулась к нему спиной, мечтая о том, чтобы пламя камина прогнало озноб, вызванный отнюдь не только последней весенней бурей. Этот жест означал повеление уйти; она услышала шуршание скатываемых свитков и тихий шелест внутри кожаных тубусов, послушно улегшихся обратно в седельные сумки. Когда дверь бесшумно открылась и закрылась снова, ее лодыжек коснулось дуновение холодного воздуха.

Уриваль встал на колени, чтобы подбросить дров в камин.

— Ты лгала ему. Ты веришь.

— Уриваль, он привел меня туда, куда хотел, и ткнул носом! — Когда пламя разгорелось, Андраде сделала шаг назад. — А я даже не почувствовала этого. Он обвел меня вокруг пальца, разыграв здесь маленький спектакль.

— Ну что ж, у Крепости Богини будет весьма хитроумный лорд.

— Да, он такой, каким мы его сделали. Особенно я. Он будет хорош, юный лорд Андри. Очень хорош. Когда станет править здесь, из моих покоев, из моего кресла... — Она села и закрыла глаза. — Хвала Богине, я этого уже не увижу.

* * *

Несмотря на все привилегии, которые давало ему родство с леди Андраде, Андри носил всего четыре кольца и не занимал высокого положения в Крепости Богини. Официально он считался учеником, хотя надеялся к концу лета получить пятое кольцо, означавшее, что он прошел полный курс «Гонца Солнца». Шестое кольцо подтверждало бы его умение сплетать лунный свет не менее искусно, чем солнечный, а седьмое — что он умеет заклинать не только Огонь.

Он прошел в свою комнату, закрыл за собой дверь, сел на кровать и принялся рассматривать руки, на которых еще не было почетных символов, кои в один прекрасный день будут

принадлежать ему по праву. Но юноша знал, что для обретения восьмого и девятого кольца, которые он твердо вознамерился получить, ему придется очень многому научиться. Он усложнил себе задачу, не сумев убедить Андраде и Уриваля в правильности своей догадки. Они были готовы поверить, но он допустил ошибку и испортил дело. Если он еще надеется добиться высокого положения среди фарадимов, в следующий раз надо будет действовать тоньше.

Впервые он дерзнул представить себе десятое кольцо, золотое кольцо (которое, как и обручальное, носили на среднем пальце левой руки) и тонкие цепочки, соединяющие его и остальные кольца с браслетами, охватывающими запястья. Лорд Крепости Богини. Хозяин этого места и всех «Гонцов Солнца» — в том числе принцев и лордов, обладающих даром. Пока число их было невелико, но оно росло. Это входило в его намерения, поскольку юноша всем сердцем уверовал в долгосрочный план Андраде.

Андри закусил губу и попытался отогнать от себя видение десяти колец. Но внутренний голос твердил ему, что в желании занять высокое положение среди ближних нет ничего плохого. Его братья ничуть не скрывали своих амбиций. Мааркен с его шестью кольцами в один прекрасный день станет лордом Радзина и полководцем Пустыни и Марки. Брата-близнеца Сорина должны были на ближайшей Риалле посвятить в рыцари, и он не делал секрета из того, что хочет владеть каким-нибудь имеющим большое стратегическое значение замком, который обязательно даст ему верховный принц, его родной дядя. Но Андри была нужна только Крепость Богини — единственное место, которого он жаждал, единственная честь, которой добивался, и единственная жизнь, которая ему подходила. Дар его был намного сильнее, чем у Мааркена, а становиться рыцарем, подобно Сорину, он не испытывал ни малейшего желания. Он хотел получить десять колец, хотел владеть этим замком и правом руководить принцами, как это всю жизнь делала Андраде.

В коридоре послышались шаги. Настало время вечерней трапезы, но он и не подумал подняться с места у маленькой жаровни, которая еле светила и слабо согревала комнату. Андри никогда не чувствовал холода; в крепости шутили,

что он в детстве так пропитался солнцем Пустыни, что теперь его не напугаешь даже зимовкой на крайнем севере, в Снежной Бухте. Но юноша жалел о недостатке света, мешавшем ему читать ночами напролет, и предвкушал получение пятого кольца, которое давало право занять комнату побольше, располагавшуюся этажом ниже и имевшую камин.

— Андри! Я знаю, что ты здесь. Скрип твоих мозгов слышен за дверью,— окликнул его знакомый женский голос.— Поторопись, а то опоздаешь!

— Спасибо, Холлис, я не голоден,— ответил он.

Дверь распахнулась, и на пороге остановилась неофициальная Избранная его старшего брата. Она уперлась руками в стройные бедра; косы, похожие на две темно-золотистых реки, доставали ей до талии. Она состроила сердитую гримасу, и юноша улыбнулся. Андри нравилась Холлис, он одобрял выбор брата: оба они были не только красивыми и умными, но и обладали даром фарадима. Но его тревожило, как к идее Мааркена жениться на женщине без семьи, поместий, богатства и рекомендаций, женщине, у которой за душой нет ничего, кроме красоты и колец «Гонца Солнца», отнесутся родители. Конечно, больше всего на свете они заботились о счастье своих сыновей — иначе Андри никогда бы не позволили самому выбрать себе путь — но Мааркен был их наследником. Ах, если бы с ней был знаком Сорин, можно было бы сравнить их наблюдения и разработать какой-нибудь хитрый план в поддержку стремлений старшего брата!

Холлис отнюдь не рвалась знакомиться с Андри и не пыталась сделать его своим союзником. Наоборот, когда она зимой вернулась из Кадара, то какое-то время сознательно избегала его. Андри чувствовал себя оскорбленным, но однажды ему пришло в голову, что Холлис просто нервничает, боится разочаровать его своим отнюдь не благородным происхождением и не подходит из страха, как бы юный лорд не подумал, что безродная фарадимка хочет подольститься к нему. Андри покачал головой, удивляясь непостижимой женской логике, и отправился на поиски. В тот же день все решилось само собой, и немалую роль тут сыграла первая фраза Андри, которая заставила Холлис сначала обомлеть, а потом рассмеяться: «Так это ты и есть „Гонец Солнца“, на котором хочет жениться мой брат?» Молодая женщина чест-

но созналась в том, что действительно испытывала трепет, и они моментально стали друзьями, которых объединяла не только любовь к Мааркену.

Вот поэтому она и ворчала на него, как старшая сестра.

— Ах, не голоден? Чем это ты сыт, интересно? Пищей духовной? Собираешься сидеть здесь и предаваться великим думам? Живо причешись, и пошли в столовую!

Он недовольно встал, иронически поклонился в пояс и насмешливо сказал:

— Бедный мой брат! Когда он женится на тебе, ему останется уповать только на помощь Богини!

— Пусть Богиня поможет той бедной девушке, которая выйдет замуж за *тебя*! — бойко ответила Холлис, приглаживая ему волосы. — Пошли скорее! Ты ведь не хочешь пропустить представление новичков, правда?

— Ой! Конечно, нет. Я совсем забыл, что оно будет сегодня вечером. Спасибо, что зашла за мной, Холлис. Я люблю смотреть, как они впервые кланяются Андраде. — Когда они вышли из комнаты и начали спускаться по лестнице, юноша продолжил: — Даже я, знающий Андраде всю свою жизнь, ужасно боялся в тот вечер! Я всегда пытаюсь улыбаться этим беднягам, чтобы они видели хотя бы одно дружеское лицо. Но не знаю, много ли проку от одной улыбки.

— Немного, — признала она. — А я вообще родилась и выросла здесь, ио когда нас вели отдавать первый поклон, коленки у меня так стучали друг о друга, что потом месяц синяки не сходили!

— И сколько их будет сегодня?

— Шесть. Уриваль говорит, что еще примерно шестерых должны привезти сюда до конца лета. Мы рассчитываем на двадцать человек в год, но бываем счастливы, если набирается хотя бы десяток.

Они миновали площадку и вышли на следующий лестничный марш. Здесь ступеньки были устланы ковром, не в пример верхним этажам; это означало, что они приближаются к парадным залам крепости. Последняя реплика Холлис заставила Андри покачать головой.

— Я одного не могу взять в толк: почему даже те родители, которые подозревают, что их дети обладают даром, не торопятся как можно скорее отправить их сюда?

— Твой отец не собирается заставлять тебя пахать землю или торговать в лавке,— объяснила она.— Один твой брат будет править Радзином, а второй станет рыцарем... и женится на какой-нибудь богатой землевладелице,— чуть грустно добавила она.

— Тем лучше. Тогда Мааркен сможет жениться на той, кого любит,— твердо сказал ей Андри.— Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Это ведь касается и женщин тоже, правда? Они нужны, чтобы вести хозяйство, торговать или выдавать их замуж за нужных людей, приобретая себе новых союзников. Все это скверно. Надо, чтобы они приходили и ни на что другое не обращали внимания.

— У людей есть и другие обязанности, так что как посмотреть... Кроме того, несчастные умирают от страха перед Андраде: боятся, что их в любой момент могут выгнать отсюда.

— Ну, раз они сами не хотят, то и не надо. Но я все равно не понимаю, как человек может *не хотеть* стать «Гонцом Солнца».

Спустившись по лестнице, они оказались в длинном, широком и высоком коридоре, на одном конце которого находилась трапезная, а на другом — архивы, библиотека и классные комнаты. Андри и Холлис оказались одними из последних; торопясь пройти в зал, они увидели в окне сбившихся в кучку четырех мальчиков и двух девочек, с широко открытыми глазами слушавших «Гонца Солнца», который учил их, как следует кланяться леди Андраде. Девочки и один из мальчиков были не старше тринадцати зим; остальным было лет по пятнадцать-шестнадцать. Самым высоким из них был красивый, самоуверенный юноша с черными как ночь блестящими волосами и глубокими серо-зелеными глазами. Он холодно встретил улыбку Андри и не ответил на нее, но зато смерил Холлис оценивающим и одобрительным взглядом самца, который догадывается о своей привлекательности и умеет пользоваться ею. Да, он знал себе цену и держался с таким высокомерием, что это удивило Андри. Но еще больше его удивил слабый румянец, выступивший на щеках Холлис.

Войдя в огромную трапезную, они расстались: Холлис присоединилась к «Гонцам Солнца» высокого ранга, а Анд-

ри сел вместе со своими братьями-учениками. Сегодняшняя трапеза сильно отличалась от ежедневной: к обычным супу и мясу добавились салат, печенье и фрукты. Андраде устроила обильное, хотя и простое угощение, и у Андри потекли слюнки при мысли о затейливых кушаньях, которые он попробует во время Риаллы. Свежие ягоды и печенье с корицей только раздразнили его аппетит. В конце трапезы принесли кувшины с горячим тейзом; * нацедив себе полную кружку, он глубоко вдохнул острый аромат, отдаленно напоминавший запах лимона. Ни о чем он так не тосковал, как о семейных поездках на сбор разных листьев, коры и трав, чтобы мать могла составить из них свою фирменную смесь. Приготовление тейза было ее любимым домашним ритуалом. Каждый год она несколько вечеров подряд проводила на кухне, колдуя над столом; тем временем ее муж выгонял слуг, облачался в передник и принимался печь пирог с фруктами, который был его вкладом в семейную церемонию. Андри сохранил чудесные воспоминания об этих веселых и дружных часах; пока они с братьями посыпали друг друга мукой, отец из грозного воина превращался в мирного пекаря, а мать наполняла огромные мешки свежеприготовленным тейзом, которого должно было хватить на весь предстоящий год...

Однако эти воспоминания сразу исчезли, как только в зал привели шестерых вновь прибывших. Он попытался посмотреть на них глазами Андраде, глазами лорда Крепости Богини, оценивающего новичков.

Его внимание снова привлек черноволосый юноша. Бросив взгляд на Холлис, он заметил, что девушка тоже смотрит только на мальчика, который держался с непринужденностью, достойной сына лорда. В его тонких, изящных чертах чувствовалась порода; руки у него были ухоженные, хотя одежда казалась простой и поношенной. Андри был слишком далеко, чтобы расслышать его имя, но зато прекрасно видел реакцию Андраде. С рождения помня мимику этого лица, движения уголков губ, бровей и век, Андри сразу догадался, что юноша произвел на старуху впечатление. Когда все шестеро, низко поклонившись Андраде, шли по проходу

---

* Вымышленный автором напиток.

между столами к своим местам в дальнем углу зала, Андри увидел, что мальчик встретился глазами с Холлис и с улыбкой на губах удерживал ее взгляд так долго, как мог.

Как только Андраде распустила их и отправилась в свои покои, Андри разыскал Избранную своего брата и спросил:

— Кто это был? Ты расслышала его имя?

— Чье имя?

— Ты прекрасно знаешь, чье. Того самого, с черными волосами и странными глазами.

— По-твоему, они странные? Его имя Сельгес или что-то в этом роде, я не расслышала.

— Интересно, откуда он приехал, — задумчиво произнес Андри. — Ты заметила, что он ни разу не опустил взгляд и смотрел на Андраде прямо в глаза?

— Мальчик с такой внешностью, как у него, должен был привыкнуть к тому, что на него постоянно смотрят. Похоже, его прямой взгляд — это всего лишь ответ на чужие взгляды, своего рода защитная реакция. Но одно ясно — кто-то недавно сделал его мужчиной. Так что ночь первого кольца не будет ему в диковинку!

Андри попытался улыбкой скрыть смущение, от которого он не сумеет избавиться и через несколько лет. Сам он в ту ночь был абсолютным девственником. Он не имел представления о том, какая из здешних женщин приходила к нему, и надеялся лишь на милость Богини, что так и не узнает этого, потому что ничего чудесного в той ночи не было. Вот Мааркен, который тогда еще был здесь, догадался, кто к нему приходил, хотя, конечно, не говорил об этом прямо. Но через несколько дней Андри сделал любопытное заключение: оказывается, чертовски неудобно считать привлекательной даму, которая скрыта от тебя темной вуалью. Похоже, эта черта у них была семейной. Отсюда Андри совершенно правильно вывел, что получил бы куда большее наслаждение, если бы любил эту женщину. Может быть, ночь первого кольца и существует для того, чтобы научить их видеть разницу между физическим желанием и искренней любовью и дать понять, насколько предпочтительнее последняя? Андри верил, что однажды он будет так же счастлив, как Мааркен, как его отец или Рохан. Но пока что даже самые краси-

вые девушки Крепости Богини не вызывали в нем ничего, кроме мимолетного восхищения.

В последнее время, работая над свитками, он пришел к забавному заключению, что слегка влюбился в пресловутую леди Мерисель. Видимо, безымянный писец тоже был неравнодушен к ней, хотя в ту пору, когда леди диктовала эти заметки, ей было лет девяносто, не меньше. Иначе зачем бы ему понадобилось приправлять — кажется, помимо воли — ее бесстрастные заметки такими выражениями, как *ясные глаза, добрая улыбка и даже несравненная красота?* Но и без этих намеков на редкостное обаяние леди Мерисели каждая строчка свитка свидетельствовала о мудрости, силе духа и широте кругозора этой необыкновенной женщины. У нее было свое мнение обо всем на свете, и выражалось оно метко и забавно. Любимым местом Андри в его переводе до сих пор оставалось то, в котором шла речь о древних суевериях, связанных с символикой чисел. Оно гласило:

«Есть четыре Стихии: Огонь, Воздух, Вода и Земля. Каждая из них имеет три аспекта, итого двенадцать. Цифра двенадцать состоит из единицы и двойки; сложи их и получишь три, то есть количество лун. Прибавив к Четырем стихиям двенадцать, ты получишь шестнадцать, состоящее из единицы и шестерки, а если сложишь и их, выйдет семь, которое делится лишь само на себя. Мне говорили, что стоит кому-нибудь пересчитать все звезды на небе, затем прибавить результат к количеству лун, солнцу, а затем присовокупить к нему все эти цифры, то подобным образом можно вывести некое мистическое число. Которое и покажет, что вся эта затея — сплошная глупость».

Андри представлял себе Мерисель как сочетание качеств его собственной вспыльчивой и пленительной матери, спокойной и беспощадной Сьонед, и гордой, сильной леди Андраде, но наделенную таким искусством и таким умом, по сравнению с которым все три женщины показались бы недалекими простушками. Он уже знал, ощущая печальную покорность судьбе, что той, которая станет его Избранной, придется превзойти всех замечательных женщин, которых он когда-либо видел. Восхищение леди Мериселью только подливало масла в огонь.

Андри хотелось, чтобы его дама появилась перед ним так же просто и неодолимо, как вошла в жизнь Рохана Сьонед. Он обязан был влюбиться в нее с первого взгляда — так же, как это случилось с его родителями. Он не желал тратить время на поиски жены и испытывал то же нетерпение, которое охватывало его при мысли о шагах, которые надо было предпринять, чтобы заслужить недостающие кольца. Он знал, что достоин и такой женщины и таких регалий; ложная скромность отнюдь не украшала того, кто был знатным лордом по праву рождения и обладал таким могучим даром «Гонца Солнца», как он.

Но понимание того, что все эти вещи рано или поздно придут к нему, тоже ничуть не помогало.

* * *

Добравшись до общей спальни, Сегев лег в постель, очень довольный собой и тем, как прошел вечер. Имя, которым он назвался, было не Сельгес, а Сеяст, и ухо его привыкло к этому звуку раньше, чем он сам. Юноша успешно выполнил все, что наметил заранее: он смотрел прямо в лицо леди Андраде, без труда узнал лорда Андри Радзинского и выбрал женщину, которая могла бы сделать его мужчиной, если бы Мирева уже не оказала ему эту услугу.

Сегев улыбнулся в темноте, вспомнив, как изумились братья наутро, когда узнали, где он был. Он даже фыркнул в подушку, но прикосновение простынь к телу властно напоминало ему о событиях той ночи.

Подъезжая к дому у холма, он твердил себе, что Руваль и Маррон не имеют права относиться к нему свысока, словно к какому-нибудь малышу. Он был таким же внуком верховного принца Ролстры, как и они, и Мирева согласилась, что только ему под силу выполнить важное поручение в Крепости Богини. Он вошел в хижину, ожидая получить наставление о том, как лучше всего провести леди Андраде. Но встретила его вовсе не Мирева.

Казалось, этой девушке всего на несколько зим больше, чем самому Сегеву. Мальчику только-только исполнилось шестнадцать, но он был достаточно взрослым, чтобы оценить ее красоту. Три слоя прозрачной кисеи, цвет которой

был светлее бледно-голубых глаз девушки, не скрывали ее тонкую талию, пышную грудь и бедра. Из-под золотистой вуали, к трем углам которой были прикреплены серебряные цепочки, ниспадали волны густых черных волос. У девушки был круглый лоб и острый подбородок, губы цвета летней розы и густые ресницы, которые скромно опустились, когда она прошептала:

— Ты намного красивее своих братьев, милорд...

Она закончила фразу, когда все осталось позади и мокрые от пота любовники лежали на знакомом ковре у камина:

— И мужественнее своих братьев тоже.

А потом она засмеялась.

У Сегева закружилась голова, и он отпрянул. Рядом с ним лежала не юная девушка, а Мирева — женщина, по возрасту годившаяся ему в бабушки.

Правда, на бабушку она нисколько не походила. Хотя маска была сброшена, он вспомнил о прикосновениях ласковых пальцев и внезапно вновь припал к ее губам. Рассвет они встретили в ее постели, и Мирева все еще смеялась.

— Твои братья управились трижды. Но ты удовлетворил меня целых четыре раза!

— Пять, — сказал Сегев, снова придвигаясь к ней.

— Ах, ты слишком юн и пылок, но мне такая торопливость уже не доставит удовольствия. Когда настанет ночь в Крепости Богини, тебе придется сдержаться и не позволить этой женщине почувствовать, как много ты знаешь.

Затем она объяснила, что ритуал фарадимов был всего лишь извращением обычая древних, когда обряд инициации девственников проводили лишь самые могущественные из магов — это было их право. Чары «Гонцов Солнца» были такими слабыми, что приходилось совершать акт в полной темноте и тишине, чтобы испытуемый не мог расплести их покров и увидеть, кто под ним скрывается.

— А у них каждый дурак с шестью кольцами может лечь в постель к девственнику — наверно, потому что самые могущественные из них слишком стары.

— Значит, это будет не Андраде, — с облегченным вздохом ответил он.

Мирева изобразила негодование.

— Она только на десять лет старше меня!

— Скажи лучше, на все тридцать.

Этот ответ так польстил ей, что беседа продолжилась только после пятого раза.

Сегев заворочался в постели, проклиная неуместные воспоминания, и заставил себя подумать о предстоящих задачах. Первая заключалась в том, чтобы удачно притвориться простым учеником, прибывшим осваивать искусство фарадима. Необходимость ходить в классы и слушать лекции нагоняла на него тоску, но это было необходимо, чтобы перейти к следующей задаче: обольщению прекрасной златовласой женщины, которую он выбрал для ночи превращения в мужчину. Сегев должен был убедиться, что именно она завоюет право лечь к нему в постель, когда он, по указанию Миревы, даст ей вина, приправленного дранатом. Затем он найдет другие возможности отравить ее, но исподволь, не торопясь, не давая понять, что она начинает привыкать к наркотику. Временами она будет уставать, у нее начнут болеть кости — вот тогда под рукой окажется Сегев, чтобы проявить о ней нежную заботу и предложить вина... впрочем, подойдет и тейз. Если Сегев окажется достаточно ловок, женщина решит, что ее самочувствие и настроение улучшились благодаря ему, а не наркотику. А когда настанет время для кражи свитков, она станет его добровольной помощницей. К тому же он не будет требовать от нее ничего необычного или невозможного. Всего лишь позаботиться о том, чтобы у ворот стояла оседланная лошадь, и сэкономить какой-нибудь невинной ложью несколько минут, которые ему понадобятся для воровства. А когда Сегев исчезнет, у него в крепости останется страстная защитница — правда, чахнувшая и медленно умирающая от отсутствия драната.

Много лет назад один «Гонец Солнца» уже умер от этой болезни... В то утро Сегев одевался и слушал подробный рассказ Миревы об обстоятельствах рождения Масуля. Сегев не мог разделить ее разочарование из-за того, что принц Рохан не достался Янте. Юноша заявил, что глупо расстраиваться из-за обстоятельства, которое способствовало его появлению на свет.

Он почти не помнил свою мать. Блестящие темные глаза, аромат редких и дорогих духов, шелест юбок, бережное по-

качивание на коленях — вот и все, что осталось в его памяти. Братья рассказывали ему, что перед смертью она была беременна, но Сегев этого не помнил. Его брат — или сестра — умер в ту страшную ночь, которая стала первым отчетливым воспоминанием Сегева.

Пробуждение от крепкого сна. Запах дыма, страх, крики смертельного ужаса. Зарево, зловещее алчное пламя за окном. Чьи-то крепкие руки, больно, до синяков сжимающие его тело. Поспешный спуск по пылающей лестнице. Пламя, удушливый дым. Он кричит, зовет маму, колотит в грудь стража, задыхается в складках пропахшей потом одежды. Новая боль, когда его сажают в седло. Прощальный взгляд на Феруче. Нет, это не рассвет, это горит замок.

Маррон получал удовольствие, издеваясь над страхом Сегева перед огнем. Но Сегев быстро смекнул, что Маррон боится пожара еще больше, чем он сам, и был полностью удовлетворен, когда в полночь поднес к лицу брата горящую свечу и тот испустил ужасный крик. После этого насмешкам пришел конец.

Сегев снова вздохнул и плотнее закутался в одеяло. Холод здесь был совсем другим, чем в горах: сырой морской воздух пронизывал до костей и не имел ничего общего с бодрящим морозцем, заставлявшим похрустывать свежавывавший снежок. Его взгляд невольно устремился к камину, скрытому за рядами коек других учеников. Впрочем, это даже хорошо. Как ни ценил он тепло, но лучше держаться подальше от пламени. Огонь никогда не будет ему другом. Он союзник «Гонцов Солнца».

Дверь слегка приоткрылась, послышался чей-то шепот, и он затаился: кто-то пришел проверить, как новички устроились на ночь. Сергев услышал свое новое имя и усмехнулся в подушку. Он знал несколько слов на старом языке, и Мирева тихонько рассмеялась, повторив слово, которое мальчик решил сделать своим псевдонимом: Сеяст. «Темный сын».

Голоса стихли, дверь закрылась, и единственным источником света вновь остался камин. Чтобы получить свое первое кольцо и провести ночь в объятиях златовласой женщины, ему придется вызвать Огонь. Он должен помнить, что не имеет права показать всю свою силу, иначе это вызовет по-

дозрения. Он не боялся испытания, потому что знал, что справится с ним. И чем скорее это случится, тем лучше.

А когда на его правом среднем пальце засияет первое кольцо и благодаря дракхону ему будут принадлежать душа и тело прекрасной фарадимки, Сегев докажет леди Миреве, что именно он, а не Руваль, должен стать тем, кто бросит вызов принцу Полю.

ГЛАВА 8

Драконы вернулись в Пустыню еще до того, как весна уступила место лету.

Сидевшие в замке Рохан и Тобин одновременно оторвались от расстеленной на столе географической карты, подняли глаза, поднялись, подошли к окну и в томительном ожидании уставились на север. Сьонед и Чейн криво усмехнулись и принялись собирать разбросанные пергаменты. Было ясно, что сегодня больше работать не придется.

В это время Поль гулял с Мирдалью по песчаной равнине возле Стронгхолда, во всех деталях рассказывая ей о своей службе оруженосцем у принца Ллейна. Каждое его слово старуха встречала одобрительным кивком: в былые дни она командовала дворцовой стражей и обучила рыцарскому искусству не одного мальчика. Ее питомцем был и принц Чадрик; поэтому получалось, что Мирдаль косвенно участвовала в обучении Поля. Поняв это, мальчик улыбнулся. Тут старая женщина внезапно остановилась и воткнула в песок свою клюку, сделанную из кости дракона. Ее лицо поднялось к небу.

— Слушай,— прошептала она.— Ты слышишь их? Слушай крылья, Поль!

О его деде Зехаве говорили, что тому достаточно было поглядеть на форму облаков, чтобы предсказать, когда вернутся драконы. Ходили слухи, что Мирдаль приходится Зехаве двоюродной сестрой; не было ничего странного в том, что она обладала тем же талантом. Поль закрыл глаза и сосредоточился, всем сердцем надеясь, что ему тоже передается эта способность. И тут он очень слабо, самым краем

шком сознания ощутил крылья — нет, не услышал их шум, а именно ощутил всеми своими нервами, тоненьким звоном в ушах, током взбудораженной крови...

Мааркен сидел во внутреннем дворе со Сьонелл и Янави, рассказывая детям какую-то историю и выстукивая ножом дудку для мальчика. Внезапно он встрепенулся, вскочил на ноги и затаил дыхание. Янави, названный в честь давно умершего брата-близнеца Мааркена, испуганно потянул его за рукав. Сьонелл пыталась что-то сказать, но в это время с вершины Пламенной башни донесся крик:

— Драконы!

Все обитатели Стронгхолда бросили свои дела и обязанности и ринулись занимать самые удобные места у окон, на крепостных воротах и стенах. Когда драконы превратились в крошечное пятнышко на горизонте, всюду, откуда можно было их увидеть, толпились люди, хранившие странное, благоговейное молчание. Рохан, Сьонед, Тобин и Чейн встретили Фейлин на лестнице Пламенной башни, гулко повторявшей звуки их шагов. Дозорный уже открыл каменную дверь огромной круглой комнаты на вершине башни, где горел вечный огонь, служивший маяком всей Пустыне и одновременно олицетворявший собой правление Рохана. Но даже открытые настежь окна не могли смягчить жар костра, горевшего в центре комнаты. У всех пятерых, приникших к окнам, тут же вспотели лбы и между лопатками потекли влажные струйки.

В тишине послышался шум крыльев. Туманное пятно становилось все больше, пока не превратилось в стаю драконов. Солнечный свет отражался от тусклой чешуи: коричневой, красновато-бурой, пепельно-серой, зеленовато-бронзовой, темно-золотистой, черно-синей... Внезапно до них донеслись голоса драконов. Этот дерзкий рев, полный триумфа и угрозы, говорил о том, что Пустыня принадлежит им, и у каждого, кто слышал эти звуки, по спине бежали мурашки. Мощно били крылья, на растопыренных передних и задних лапах сверкали хорошо видимые чудовищные когти. Они попали в восходящий поток теплого воздуха, взмыли вверх, легко планируя на распростертых крыльях и поворачивая на восток, чтобы трубным криком возвестить на все Долгие Пески, что прибыли настоящие хозяева.

Огромный вожак — золотистый в коричневую крапинку, с черными подкрылками — набросился на серебристого самца поменьше, который воинственно подлетел к нему вплотную. Неистовый рев соперников, раздавшийся над самым Стронгхолдом, заставил затрястись стены крепости и донес до собравшихся внизу крошечных существ, в восхищенном молчании следивших за драконами, всю степень презрения, которое питали к ним эти могучие, вольные великаны.

— Отец Бурь! — вскричала Фейлин. — Я забыла пересчитать их! Скорее, кто-нибудь, ручку и пергамент!

— Они у тебя в руках, — напомнил Чейн. Она с недоумением опустила глаза и протянула ему письменные принадлежности вместе с бутылочкой чернил, которую выудила из кармана туники.

— Записывайте за мной! — Фейлин поспешно высунулась в окно, и Рохан едва успел схватить ее за талию. Не обратив на это внимания, она принялась перечислять: — Группа из восьми молодых самцов, все коричневые... пять самок, разных оттенков серого... еще четырнадцать — нет, шестнадцать — самок, бронзово-черных... — Она на мгновение умолкла, чтобы перевести дух, а затем принялась лихорадочно считать: — Тридцать шесть подростков, коричневый самец, черный самец, два серых, три золотых... О Богиня, посмотрите на то, как летят эти красные! Их сорок!

— Сорок два, — поправила стоявшая у соседнего окна Тобин, когда драконы пролетели мимо.

Чейн едва успевал записывать. Он растянулся на полу и торопился как мог, а обе женщины называли ему цифры и цвета. Рохан вцепился в Фейлин, которая залезла на подоконник.

— И запишите задних — двадцать восемь детенышей, серых, зеленоватых и бронзовых! — Именно в этот момент Фейлин потеряла равновесие, Рохан рванул ее назад, и они свалились на пол рядом с Чейном, перевернув чернильницу.

Рядом с ними стояла хохочущая Сьонед.

— Фейлин, моя дорогая, ты знаешь, как я ценю твою дружбу, но если ты немедленно не отпустишь моего мужа!..

Рохан помог Фейлин подняться и подмигнул.

— Она бы не подумала ничего плохого, если бы я не при-

знался, что люблю рыжих. Я подумал, что ты хочешь выпрыгнуть из окна и улететь вместе с ними!

— Так оно и было,—призналась Фейлин, потирая бедро.— Вы все записали; милорд?—спросила она у Чейна.

Он поглядел на нее с полу.

— Если кто-нибудь из вас разберется в этих каракулях, тогда все в порядке. Предупреждаю заранее, мне самому это не под силу!

— Я все слышала,—успокоила его Сьонед.

— О Богиня, ведь у фарадимов потрясающая память! Что же ты мне сразу не напомнила?

— Ты хочешь сказать, что не видел, как она окаменела?—спросила Тобин.— Хотя Андраде учит их принимать во время запоминания отсутствующий вид, я уверена, что все это делается скорее для виду. Фейлин, бери Чейна и Сьонед и поскорее спускайся вниз, пока она еще что-то помнит.

Когда все трое ушли, Тобин помогла Рохану вытереть пролитые чернила.

— Посмотри, что вы наделали. Чернила впитались в камень!

— В следующий раз мы будем вести переписку на зубце стены.—Рохан вытер пот со лба, оставив на нем черную дорожку.

Тобин стерла ее.

— Согласна. Тут настоящее пекло. И хаоса такого я не видела с тех пор, как подросли мои сыновья. Но драконы действительно прекрасны, правда?

— Только не говори мне, будто наконец поняла, что я был прав!

— О нет, я не собираюсь мириться с тем, что драконы наносят ущерб нашим табунам. Но они действительно чудесные создания. Кроме того, ты ведь платишь за все, что они пожирают.

— И плачу втридорога,—проворчал Рохан, вслед за ней выходя из комнаты. Тяжелая дверь закрылась за ними со скрежетом, который эхом отдался на пустой лестнице.

— Братец, это ранит меня до глубины души.

— Значит, отрицать не станешь?

— Ну, если ты настолько глуп, чтобы из собственного кармана платить за все, что украдут драконы...—Сестра

улыбнулась ему.— Собственно говоря, они сами платят за себя. Сколько золота ты получил из драконьих пещер в прошлом году?

Они свернули за угол и чуть не столкнулись с Полем. На его лице отражались самые разнообразные чувства: возбуждение, потрясение, замешательство; глаза говорили одно, брови другое, а отвисшая челюсть — третье.

Рохан бросил на сестру укоризненный взгляд, заставивший ее вспыхнуть, и сказал Полю:

— Надеюсь, ты не последуешь примеру тетушки и не раззвонишь об этом всей крепости.

Поль широко открыл глаза и медленно покачал головой.

— И в следующий раз погромче топай,— посоветовал Рохан.— Конечно, если не хочешь вогнать в краску людей, которые по неосторожности сболтнули лишнее. А теперь говори, зачем шел за мной наверх.

— Что? Ах, да... Мирдаль и Маэта спрашивают, поедем мы в Скайбоул сегодня вечером или подождем до завтрашнего утра.

— Гм-м... Пожалуй, сегодня вечером. Луны стоят высоко, а я обожаю ездить верхом по холодку. Когда мы приедем в Скайбоул, я отвечу на все вопросы, с которыми ты так борешься, что вот-вот откусишь себе язык.

— Да, отец. Извини, тетя Тобин.

— Это моя вина, Поль.— Когда мальчик сбежал по лестнице, и в самом деле топая сильнее, чем прежде, она повернулась к Рохану.— Мне и в голову не пришло, что...

— Знаю. Но я хотел, чтобы Поль узнал об этом чуть позже.

— Мне действительно очень жаль, Рохан. Я была неосторожна.

— Если в Стронгхолде придется следить за каждым своим словом, я в тот же день променяю эту кучу камней на палатку исулькимов, а верховным принцем пусть побудет кто-нибудь другой.— Он обнял сестру за талию.— Пошли. Наверно, они уже закончили свои подсчеты. Одна надежда на то, что Фейлин будет довольна итогом. У нее есть привычка смотреть на меня так, словно это я виноват, что драконов меньше, чем она ожидала!

Сьонелл подстерегла Поля на полдороге и попыталась

привлечь его внимание, семена рядом и окликая его по имени, но он не замечал ее, пока огорченная девочка не схватила его за рукав.

— Помедленнее! Куда ты так бежишь?

— По делам отца. Дай мне пройти.— Он вырвал рукав из руки Сьонелл.

— Можно, я пойду с тобой?

— Нет.

Она все равно пошла следом и, стоя в дверях, слушала, как Поль сообщил Мирдали и ее дочери Маэте, что они поедут в Скайбоул вечером.

— Хорошо,— ответила Маэта.— Путешествие: неблизкое, но закончится оно на кухне и в винном погребе Оствеля!

— Если бы в конюшню нашлась лошадь, которая не встрясла бы мои старые кости, я бы тоже поехала с вами,— вздохнула Мирдаль.— Этот проклятый мальчишка Чейналь за всю свою жизнь так и не удосужился вывести ни одной смирной лошадки!

— Ты могла бы взять моего пони,— застенчиво предложила Сьонелл.— А на седло мы положили бы побольше одеял.

— Спасибо тебе, детка, но в моем возрасте не помог бы даже конь, сделанный из птичьих перьев,— улыбнулась расстроганная Мирдаль.

— Я распоряжусь, милорд,— сказала Маэта Полю.— Если бы ты был добр передать отцу...

— Конечно.— Он шагал по внутреннему двору, раздраженный тем, что Сьонелл упорно тащится за ним.

— Я тоже поеду,— заявила она.— На моем новом пони.

— Замечательно...— пробормотал он.

— А Мирдаль действительно твоя родственница? Я слышала, как кто-то говорил, что она двоюродная сестра твоего дедушки. Это правда?

— Не стоит подслушивать чужие разговоры. Это невоспитанно.— Он очень кстати забыл, что нечто подобное недавно произошло с ним, хотя и нечаянно.

— Что же я могу поделать, если люди иногда болтают лишнее? Мама говорит, что глаза нам даны, чтобы видеть, а уши — чтобы слышать...

— А рот — чтобы повторять услышанное?

— Сам ты невоспитанный! — Сьонелл стрелой пролетела мимо, уперлась ножками в булыжник и сделала заранее обреченную на провал попытку загородить ему путь. — Проси прощения.

— За что?

— За свои манеры! Говори, что ты извиняешься!

— Нет! — Поль знал, что ведет себя как мальчишка, но в этой маленькой дряни было что-то выводившее его из терпения. Мысль о том, что она потащится за ним в Скайбоул, была невыносима.

— Скажи!

— Не смей говорить со мной таким тоном, — предупредил он.

— Почему это? Потому что ты принц? А я тоже не кто-нибудь — я леди Сьонелл Ремагевская, а ты просто-напросто невоспитанный мальчишка!

Он разозлился и потерял голову.

— Если я невоспитанный — хотя это и неправда — то ты в тысячу раз невоспитаннее меня, потому что грубишь наследнику верховного принца!

Тут позади раздался другой голос, полный осуждения.

— Ты просто дерзкий мальчишка, которого надо отшлепать за такие слова. Извинись сейчас же! — велела Сьонед.

Поль упрямо сжал губы и покачал головой.

Зеленые глаза его матери на мгновение сузились, а потом она посмотрела на Сьонелл.

— О чем это вы?

— Ни о чем, ваше высочество, — прошептала девочка. — Извините, милорд принц...

Поль замигал, более пораженный этой внезапной переменой, чем тем, что Сьонелл назвала его титул. Но если она оказалась настолько великодушной, чтобы не пожаловаться матери на ужасное поведение ее сына, и даже нашла в себе силы извиниться перед ним, то он не мог не ответить тем же.

— Я тоже прошу у вас прощения, миледи, — заставил себя громко сказать он.

Это почтительное обращение заставило Сьонелл округлить голубые глаза: впервые кто-то из настоящих вельмож всерьез произнес ее титул.

Сьонед внимательно оглядела обоих.

— Надеюсь, мне не надо выяснять, из-за чего вы просите друг у друга прощения. Сьонелл, сделай одолжение, сбегай к Маэте и передай, что если у Сельки зажило копыто, то вечером я поеду на нем.

— Да, миледи,— сказала Сьонелл и убежала.

Поль посмотрел на мать снизу вверх и приготовился к головомойке. То, что сказала Сьонед, было меньше того, что он заслуживал, но хуже того, что он ожидал услышать.

— Принц, который напоминает людям о своем титуле, это не принц,— сказала она. Вот и все.

Он вздохнул, кивнул и молча пошел за ней обратно в крепость.

* * *

Ближе к вечеру следующего дня они добрались до Скайбоула. Сам замок был невидим за нависавшими над ним дюнами, и единственными признаками того, что здесь живут люди, были маленькие поля на террасах, усаженные растениями с восковыми листьями—единственными, которые могли выдержать эту адскую жару. На склонах древнего кратера местами попадался колючий кустарник и редкие заросли кактуса, который здесь называли «козьим хвостом», но большая часть горного склона была голой и серой.

Достигнув вершины холма, тропа круто сбегала в котлован. Гости остановились на краю, и тот, кто попал сюда впервые, сразу догадался, за что это место получило свое имя*. В кратере вулкана приютилось совершенно круглое, ослепительно голубое озеро. Никто не знал его глубины. На дальнем берегу стояла крошечная крепость, которая могла бы уместиться во внутреннем дворе Стронгхолда. Сложенные из камня, взятого с окрестных холмов, стены крепости, сверкавшие, как черное стекло, отбрасывали солнечные зайчики на окружающие серые скалы. Знамя с коричневой полосой на синем фоне лениво свисало со шпиля единственной башни замка. Внимательный наблюдатель мог бы увидеть над знаменем странный блеск: верхушку шпиля венчал парящий в воздухе золотой дракон.

---

* Скайбоул—буквально: «небесная чаша» (англ.).

Как только на краю кратера показался отряд из Стронгхолда, в крепости затрубил горн. Несколько мгновений спустя знамя спустили и тут же подняли снова, но предшествовал ему другой стяг — голубой с золотом штандарт Пустыни, означавший, что замок стал резиденцией принца. Рохан поехал шагом, чтобы дать Оствелю время выйти и приветствовать их, а самому тем временем подышать свежим, прохладным воздухом. Озеро так и манило к себе; Рохан указал на него и лукаво спросил жену:

— Составишь мне компанию?

— Ни под каким видом! Оствель всегда говорит, что «Гонцы Солнца» боятся утонуть в ванне.

— Как ты думаешь, если Оствелю прикажет принц, он выберется в Виз в этом году?

Сьонед помахала рукой старому другу и бывшему главному сенешалю Стронгхолда, выехавшему из ворот верхом на лошади.

— Я попробую уговорить его, — пообещала она. — Риян будет безутешен, если отец не увидит, как его посвящают в рыцари. Кроме того, Оствель много лет не покидал Пустыню. Когда мы сделали его лордом Скайбоулским, это не означало, что он должен замуровать себя в крепости.

Оствель рысью поскакал навстречу, и Рохан поднял руку, приветствуя его.

— Он горюет, Сьонед. Прошло столько лет, а он все еще тоскует по ней.

— Как будто потерял ее только вчера. — Камигвен, жена Оствеля, мать его единственного сына, была «Гонцом Солнца» и ближайшей подругой Сьонед. Ее смерть во время Великого Мора продолжала оставаться кровоточащей раной; Оствель никогда не показывал своего горя и был настолько занят, что крайне неохотно покидал свой одинокий замок. Почувствовав, что пальцы Рохана сжали ее руку, Сьонед подняла глаза.

— Улыбнись мне, любимая, — шепнул он. Она так и сделала, увидев в глазах мужа отражение собственной скорби и страха, что когда-нибудь одному из них придется испытать такую же потерю.

Оствель натянул поводья и низко поклонился, не слезая с седла.

— Благослови вас Богиня, мой принц и моя дражайшая леди,—приветствовал он их.— Добро пожаловать в Скайбоул. Но я боюсь, что не узнаю кое-кого из вашей свиты.

Сьонед фыркнула, поймав его взгляд, устремившийся сначала на Поля, а потом на Сьонелл.

— Ну, надеюсь, леди Фейлин и лорда Мааркена ты помнишь,—сказала она, с удовольствием поддерживая игру.

— Конечно,—ответил Оствель и поклонился им.— Но я вижу здесь двух незнакомцев. О, кое-что в них мне знакомо, но...

— Ох, лорд Оствель!—укоризненно покачала головой Сьонелл.— Вы прекрасно знаете, кто я!

Атри Скайбоула хлопнул себя рукой по лбу, доигрывая роль до конца.

— Глаза, голос, волосы...—Он объехал девочку кругом, делая вид, что осматривает ее со всех сторон, и наконец отдал ей изящный поклон.— Нет, глаза меня не обманывают! Это действительно прекрасная леди Сьонелл!

Девочка весело рассмеялась. Тут Оствель выпрямился и прищурился, глядя на Поля.

— Не может быть! Неужели это?..

Тут Сьонед подъехала поближе и, смеясь, постучала его по голове.

— Перестань дурачиться!

— Сказано ласково и кротко, как всегда,—заметил Оствель и уныло почесал ухо.— А самое главное—прямо в цель. Как приятно знать, что кое-что на свете не меняется.—Он поклонился Полю.— Мой принц, добро пожаловать в Скайбоул.

— Спасибо, милорд,—с подобавшим случая достоинством ответил Полю.

— Еда и питье для вас готовы... а фарадимов ждет еще и ванна. Рохан, надеюсь, ты не изменил своей всегдашней привычке купаться в озере?

Вернувшись после купания, верховный принц застал жену нежащейся в прохладной ванне. Ему никогда не хватало силы воли, чтоб сопротивляться такому искушению, как вид Сьонед, прикрытой лишь водой и распущенными длинными волосами. Поэтому он тут же забрался в воду под невинным предлогом, что хочет помочь ей мыться. Ванна не была при-

способлена для таких шалостей, поэтому не обошлось без некоторых интересных гимнастических упражнений и без-удержного хохота, но они справились.

А потом он лежал в объятиях Сьонед, лениво ловя проплывавшие мимо пряди ее рыже-золотых волос. Она тихонько хихикнула, и Рохан вопросительно промычал:

— М-мм?

— Я только подумала, что в ванне можно утонуть и не будучи «Гонцом Солнца»...

— Не говори глупостей. Мы залили водой весь пол, так что в ванне и муха не утонет.

— Оствель слишком хорошо нас знает. Нам достались покой с ванной, в которой самый лучший сток.— Она указала на маленькую решетку, прикрывавшую сливное отверстие в мозаичном полу.

Второе доказательство заботливости их хозяина они обнаружили в большой комнате, отделенной от ванной небольшим тамбуром. На кровати лежали шелковые халаты, а рядом с накрытым столом лицом друг к другу расположились два удобных кресла.

— Черт побери, Оствель держит лучшего повара во всем моем государстве,— сказал Рохан, покончив с фруктами, запеченными в горячем тесте, но каким-то чудом умудрившимися остаться холодными. Он потянулся, потер обтянутые шелком плечи и вздохнул.— Как ты считаешь, не согласится Оствель уступить его?

Сьонед допила остатки вина и покачала головой.

— Мы могли бы прислать наших поваров кое-чему поучиться у него.

— Сомневаюсь. Этот местный чудодей учился в Визе, а тамошние мастера не выдают своих секретов. Даже верховным принцам. Кстати, о секретах. Тобин вчера ляпнула о драконьем золоте, а Поль нечаянно подслушал.

— Когда-нибудь он должен был узнать об этом,— философски заметила Сьонед.— Догадываюсь, что ты хочешь подраматичнее обставить сцену разоблачения этого фокуса.

— То есть затащить его в темную пещеру и внезапно зажечь факел?— Он засмеялся.— Хорошая мысль! Примерно так же, как мы сами сделали это открытие, да? Я никогда не

забуду сверкающий песок и то, как я копался в нем, пока ты с Огнем стояла у меня за спиной.

— В самом деле, ты мог бы попросить Поля вызвать Огонь. Я проверяла его, Рохан. У мальчика врожденный талант. Только неотшлифованный.

— Если Андраде считает, что ей вполне достаточно Андри, то она в обморок упадет, когда настанет очередь учить Поля. Кстати, я кое-что придумал. Если к восемнадцати годам он станет рыцарем, то это произойдет как раз на следующую Риаллу, и мы сможем отправить его к Андраде прямо из Виза. Всем сразу станет ясно, что он будет и полностью обученным фарадимом, и принцем одновременно.

— Грубовато, — поморщилась она.

— Но если мы попытаемся не предавать этот факт широкой огласке, другие принцы станут еще подозрительнее.

— Значит, они опять взялись за свое? — задумчиво спросила Сьонед, ставя локти на стол. — Сила Поля заставляет их ужасно нервничать. Но ведь до него тот же путь проделал Мааркен, а лучшего примера не может быть — ни для него, ни для других принцев.

— Тобин и Чейн так гордятся им, что вот-вот лопнут, — согласился Рохан. — Ну и семейка у моей сестрицы! Два сына фарадимы, а третий обещает стать рыцарем еще более знатным, чем его отец. В последнем письме Волог блестяще отзывается о нем. Я говорил тебе, что он собирается посвятить Сорина в рыцари уже в этом году? О Богиня, как они быстро растут!

— Мне бы не хотелось отправлять Поля обратно в Дорваль. Можешь смеяться, но я не могу расстаться с ним ни на минуту.

— Я не смеюсь, Сьонед. Но ему лучше остаться в Грэйперле. Он должен еще многому научиться у Ллейна и Чадрика. И там он будет в безопасности.

— Но мериды...

— ...угрожали ему лишь один раз за все годы. И это случилось за пределами дворца. Мы не сможем прятать его под материнской юбкой, да он и сам не потерпит этого. А если потерпит, то зачем тебе такой сын?

Она вздохнула.

— Я знаю, знаю. Но не могу не волноваться.

Рохан встал и снова потянулся.

— Завтра рано вставать, — напомнил он. — Сначала мы полюбуемся на драконов, а потом я устрою Полю экскурсию в пещеры.

— Ты хочешь, чтобы я завтра попробовала прикоснуться к дракону? — Она повесила халат на стул и присоединилась к Рохану, уже лежавшему в постели.

Рохан крепко обнял жену и начал гладить ее влажные волосы.

— Это может оказаться весьма любопытным. Все они только и думают, что о спаривании, и кто знает, что ты сможешь почувствовать? Не захочешь ли ты последовать их примеру?

— Похоже, ты уже сейчас не прочь последовать этому примеру! — парировала Сьонед, кусая мужа за плечо.

— Прекрати сейчас же! Или, по крайней мере, кусайся, как женщина, а не как буйная драконша!

Она подняла голову и посмотрела в яркие голубые глаза, лучившиеся смехом и желанием.

— Ну, если это и старость, то непонятно, как мы оба сумели до нее дожить!

* * *

Чейн откинулся на спину, и задумчивая морщинка прорезала его лоб.

— Тобин...

Она перестала расчесывать свои длинные черные волосы.

— Похоже, ты решил оказать честь моим ушам и поговорить со мной. Что, свет моей души?

— Не дерзи, женщина, иначе мне придется поколотить тебя.

— Вместе со всей своей армией?

— Ну... — Он откашлялся. — Тобин, меня тревожит этот мальчик. Он чересчур хороший.

— Какой мальчик? Поль? А что тебе в нем не нравится?

— В том-то и дело, что все нравится. Он обожает мать, почитает отца, в меру послушен, не задирает носа, моет уши и слишком умен для своего возраста.

— По-твоему, это повод для беспокойства?

— Это неестественно. Нет, в самом деле,— серьезно сказал он, когда жена засмеялась.— Он никому не доставляет хлопот. Наши мальчишки никогда себя так не вели.

— И ушей не мыли,— с улыбкой добавила она.

— Хотел бы я видеть в нем хоть один недостаток.

— Это только ты считаешь, что у него их нет.

— Все так считают. Вспомни Рохана в его возрасте.

— Мой дорогой братец тоже был самым совершенством. Во всяком случае, он сам так думает.

— Он был самым лукавым, самым вредным и самым невозможным созданием, которое я встречал за всю свою жизнь. Он просто притворялся совершенством.

— Ну, возможно, Поль пошел в него. Только он слишком умен, чтобы дать себя заподозрить в притворстве.

— Не думаю. То есть умен-то он умен, но я не думаю, что именно ум удерживает его от озорства. Хотел бы я, чтобы он заслужил несколько хороших шлепков. Это воспитывает характер.

— Ты соображаешь, что это самый смешной из всех наших разговоров?— Она скользнула в постель рядом с мужем.

— Ты неправа. Приза за самый смешной разговор заслуживают беседы, которые мы вели с тобой еще до первого поцелуя. Тысячи слов, каждое из которых было пустой тратой времени.

— Такой же, как этот спор.— Тобин сделала несколько откровенных движений, пытаясь отвлечь его.

— Прекрати...

— Еще одно смешное слово.— Взгляд ее был исполнен безграничного терпения.— Чейн, Поль вежливый, уважительный, воспитанный, совестливый четырнадцатилетний мальчик.— Уютно устроившись в его объятиях, она добавила:— Но можешь не беспокоиться. Скоро он из всего этого вырастет.

* * *

Мааркен был идеально приспособлен для жизни в Пустыне благодаря по меньшей мере четырнадцати поколениям своих предков как с той, так и с другой стороны. Он любил

эту дикую землю, знал ее достоинства и недостатки. Самой большой радостью в его жизни был свободный день, который можно было провести, следя за тем, как нежные краски восходящего солнца переходят в ослепительный блеск полудня, а затем медленно сменяются теплыми розовыми и пурпурными сумерками, уступающими место черным искрящимся небесам и серебряным дюнам. Он наслаждался зноем, проникавшим до самых костей, тихим шепотом песка под ногами, соблазнительно подрагивавшими, но недостижимыми миражами... Его народ процветал в том месте, где другие не смогли бы выжить; он мог гордиться тем, что внес свою долю в это процветание, что благодаря и его усилиям эта суровая земля, устраивая своим обитателям испытание на прочность, все же не заставляла их бедствовать.

Не несмотря на то, что Мааркен намеревался всю свою жизнь провести в Пустыне, сейчас эта большая куча песка волновала его меньше всего на свете. Ни тридцать мер верхом, ни долгая ходьба, ни часы ожидания не исправили его настроение. Он лежал позади бархана, наблюдая за драконами, и следил за медленно тащившимся по небу солнцем.

Сегодня Холлис должна была выйти на связь. Ее дежурства в Крепости Богини могли прийти на самое разное время, и нельзя было заранее вычислить, когда она останется одна. Умом он понимал это, но сердце — как сердце всякого пылко влюбленного — отказывалось смириться с тем, что на свете есть причины, которые могут отвлечь любимую от мыслей о нем, и только о нем. Чувство юмора позволяло ему сохранять равновесие; Мааркен знал, что было бы глупо требовать, чтобы Холлис весь день чахла от любви к нему, да он и не хотел этого. Одна мысль о такой возможности заставила бы ее хохотать до упаду. И все же, сказал себе молодой лорд, если она действительно любит его, то смогла бы за целый день выкроить немного времени, чтобы слетать к нему на солнечном луче.

Скука тоже не способствовала излечению его хандры. Мааркен решил присоединиться к партии наблюдателей, чтобы заняться каким-то делом и одновременно оправдать свое пребывание на солнцепеке, но до сих пор не произошло абсолютно ничего интересного. Рано утром драконши улетали пастись, а с тех пор валялись на песке, подставив солн-

цу свои распухшие от яиц туши. Молодые драконы разбрелись кто куда — наверно, выбирали себе местечко поукромнее. В точности как люди, подумал Мааркен. Старыми самцами тут и не пахло, хотя время от времени из дальних ущелий доносился рёв, заставлявший наблюдателей испуганно вздрагивать. Но самки не обращали на рычание своих повелителей ни малейшего внимания; они только позевывали.

Мааркен бросил взгляд на Поля, сидевшего рядом на песке. Мальчик набросил на себя блеклый желто-коричневый плащ, прикрыл светловолосую голову капюшоном и стал похож на маленькую палатку. Молодой человек поглядел на остальных и усмехнулся: все они расположились в дюнах, напоминая табор исулькимов. Их легкие плащи сливались с цветами Пустыни: несколько лет назад Фейлин открыла, что драконы чрезвычайно чувствительны к цвету.

Она провела эксперимент, в ходе которого оскорбленно блеявших овец выкрасили разными красками. Выяснилось, что драконы неукоснительно избегали ярких оттенков синего, оранжевого, алого и пурпурного, неизменно предпочитая им рыжевато-коричневый и белый. Тогда Фейлин столкнулась с большими трудностями, пытаясь удостовериться, что шерсть овец не пропиталась запахом краски. Мааркен живо припомнил, как они с вершины холма наблюдали за переполохом, который поднялся, когда на бедных, ничего не подозревавших, отмытых от краски овец с ликованием накинuloсь тридцать пять молодых драконов, почуявших свежее мясо.

Он тихонько засмеялся при воспоминании о следующем опыте, когда Фейлин использовала более приглушенные тона — коричневые и серые, которые почти не отличались от обычной масти овец. На этот раз драконы не были так разборчивы, и это позволило сделать вывод, что для защиты домашних животных от нападения их надо красить в самые кричащие цвета. Все наблюдатели долго и дружно хохотали, представляя себе, сколько труда уйдет на то, чтобы убедить пастухов следить за стадами пурпурных овец.

И все же опыты доказали, что драконы различают цвета... Мааркен поднял капюшон своего коричневого плаща оттенка крепкого тейза и припомнил потрясение, которое испытал, когда они со Сьонед летели на солнечном луче и врезались в дракона. Он долго говорил об этом с теткой

и согласился, что понять и запомнить спектры драконов в принципе возможно, хотя сделать это будет очень непросто.

Тот, кто не был фарадимо, не мог понять, насколько ограниченными были возможности «Гонцов Солнца». Самым главным условием для них было наличие постоянного источника света. Стоило тучам затянуть дневное или ночное небо, стоило начаться закату солнца или лун, как цвета тут же заглушались тенями. «Потеряться в тени» означало для фарадима умереть самой страшной и мучительной смертью, какая только была на свете. С исчезновением цвета исчезал узор мыслей и личности фарадима, а с ним исчезало и само сознание, тело превращалось в бесчувственную, пустую, лишённую души оболочку и вскоре умирало.

Мааркен пристально посмотрел на гревшихся в полумере от них огромных самок. А если фарадим, вступивший в контакт с драконом, окажется увлеченным в пещеру или тень горы? Если дракон попадет в туман или его застанет закат? Только сами «Гонцы Солнца» осознали, насколько они уязвимы для темноты. Интересно, знал ли Рохан, что за опасное дело он затеял? Предупредила ли его Сьонед?

Эта пара сидела вместе сразу вслед за Полем, напоминая две одинаковых треугольных палатки из тускло-золотистого шелка. Они были бы неотличимы от остальных, если бы не маленький дракон, вышитый чуть ниже правого плеча на каждом одеянии принца и принцессы. Такой же символ был нашит на плаще Поля. Другие принцы подхватили нововведение Рохана и наряду с присвоенными каждому цветами начали широко пользоваться эмблемами. Иные из них были действительно прекрасны: например, золотой сноп на темно-зеленом поле Оссетии или фессенденское серебряное руно на фоне цвета морской волны. Теперь тех же привилегий требовали и атри, и на ближайшей Риалле предстояло решить, идти ли им навстречу. До сих пор право носить личную эмблему было даровано лишь одному из лордов. Мааркен улыбнулся и посмотрел налево, где бок о бок сидели его родители, на рыжевато-коричневых плащах которых красовался герб, присвоенный им Роханом: серебряный меч на красном поле с голубой каймой, указывавший на то, что лорд Радзина является полководцем Пустыни. На знамени и боевом штандарте Чейна эта эмблема была окаймлена белым и вы-

глядела очень величественно. Мааркен позволил себе немного помечтать о том времени, когда он вручит Холлис плащ с этим символом...

Тут мать оглянулась на него, и Мааркен слегка напрягся, словно боялся, что она прочитала его мысли. Но Тобин только улыбнулась, выразительно закатила глаза, и он улыбнулся ей в ответ. Мать была самой большой непоседой из всех, кого он знал. Тобин не могла жить без физического движения и даже во время важного разговора расхаживала, стучала пальцами, притопывала ногой и постоянно меняла позу. Ее энергичный подход ко всему на свете временами доводил Чейна до отчаяния: она верила, что в мире нет ничего невозможного, надо только действовать, и действовать решительно. В этом — впрочем, как и во многом другом — Рохан был ей полной противоположностью: он верил в саморазвитие и не любил силовых методов. В щекотливом деле с Холлис Мааркен знал, что может рассчитывать на спокойную поддержку дяди, и это действительно было бы неоценимой помощью. Если бы Тобин одобрила Холлис, она бы сделала все, что было в ее немалых силах, чтобы ускорить свадьбу. Мааркену не хотелось думать, на что была бы способна мать, если бы ей не понравилась его Избранная.

Юношу позабавила мысль о том, насколько тихая, безмятежная Холлис отличается от его матери. Она бы никогда не впала в неистовый гнев, не стала бы отдавать категоричных приказов и превращать несовпадение мнений в шумную ссору. Тобин же делала все это с таким жаром, как будто жила на свете последний день. Мааркен обожал мать, но не хотел бы жениться на ее копии.

Когда старый самец без всякого предупреждения протрубил вызов, Мааркен чуть не подпрыгнул. Эхо низкого, хриплого рычания пронеслось по Пустыне до самых Долгих Песков. Фейлин скатилась со своего поста на высокой дюне и подбежала к Рохану и Сьонед. Мааркен попытался прислушаться к их шепоту и увидел, что дядя и тетя выпрямились в ожидании чего-то необычного. При виде скользившей по песку тени тревожная дрожь пробежала по рядам драконш. А вот и еще одна тень... еще... Наконец самцы были готовы.

Самки зашевелились, начали выходить из невысоких холмов, стоявших по краям равнины, и собираться в группы по

пять-десять особей. Фейлин подошла к Полю и принялась громко объяснять ему иерархию, царившую в этих группах:

— Самые младшие стоят по краям от старших самок. Различить их можно только по крыльям. Видишь, сколько шрамов у тех, кто постарше? Спаривание — вещь довольно грубая. Но есть и другой способ отличить старых от молодых. Те, кто уже прошел через это, обычно менее активны. — Она слегка хмыкнула, когда Поль захлопал глазами. — Самцы постараются произвести на них впечатление. Молодые будут первыми выбирать себе пару, а старые предпочтут подождать. Они уже видели это и, как большинство дам, хотят, чтобы за ними поухаживали.

Мааркен шутливо прошептал:

— Мотай на ус, Поль...

— Я собираюсь жениться на девушке, а не на драконше, — огрызнулся кузен.

— Мой муж говорит, что разница невелика, — тихонько рассмеялась Фейлин. — А теперь следи за самцами. Они почти готовы.

Три дракона аккуратно приземлились в песок; к ним тут же присоединились четвертый и пятый. Два матерых самца были золотистыми с черными подкрылками, третий красновато-коричневым; последними прилетели коричневый и черный. Мааркену доводилось раньше любоваться их танцами, но он никогда не видел столько драконов сразу. Он поднял глаза и заметил остальных восьмерых самцов, паривших в восходящих потоках и зорко следивших за тем, что происходит внизу; когда один из стариков устанет, сверху спустится новый дракон, приземлится и займет его место.

Все пятеро заняли место перед аудиторией, дружно рывкнули, распростерли крылья, задрали головы к небу и испустили протяжный вой. Звуки становились то выше, то ниже: казалось, что воют пять собравшихся вместе бурь. Мааркен боролся с желанием заткнуть уши, зная, что у всех остальных эти жуткие звуки тоже не вызывают восторга. Фейлин плотно закуталась в плащ. Поль застыл на месте; чудовищная песня драконов заставила его широко открыть глаза. Однако реакция самок очень напоминала пожатие плечами. Те, кто был постарше, широко разинули пасти и оскорбительно зевнули.

Тогда вперед выступил красновато-коричневый. Он закинул голову и так неистово забил крыльями, что песок пошел волнами, затем испустил громкий, пронзительный рев, вытянулся и растопырил когти, словно хотел разорвать на куски самое небо. Шея самца изогнулась, крылья заходили взад и вперед, расшвыривая песок; затем он издал еще один пронзительный вопль и начал танец.

Грაციозные в полете, на земле драконы должны были бы казаться неповоротливыми чурбанами. Но ловкость в воздухе не шла ни в какое сравнение с изяществом их танцев на песке. Покачиваясь из стороны в сторону с плавностью колеблемой ветром ивовой ветки, красно-коричневый дракон сложил крылья, затем расправил, снова ударил ими и принялся расхаживать по песку. Вскоре к нему присоединился черный дракон с розово-коричневыми подкрылками; за ним последовали золотой, коричневый и второй золотой. Последовательность их движений была такой же регулярной и упорядоченной, как цвета «Гонцов Солнца»; эти движения по очереди повторяли все драконы, ритуальным шагом выступавшие друг за другом и время от времени взмахивавшие крыльями.

Песок летел ввысь и в стороны; драконы расхаживали по песку, каждый метил свою территорию, каждый вздымался во весь рост, растопыривал крылья, а затем снова опускался и продолжал шагать по дюнам, изящно покачиваясь, пока не наставала его очередь исполнять танец. Молодые самки пробовали покачиваться в такт, иногда сбиваясь с ритма, когда их внимание привлекал другой самец, выполнявший иное па. Драконши постарше перестали притворяться равнодушными, но все еще сидели на задних лапах, ожидая новых впечатлений.

Черный дракон устал первым. Он сбился с шага и сложил правое крыло, чтобы поддержать равновесие. Освободившееся пространство увидел пепельно-серый самец и ринулся вниз, насмехаясь над незадачливым соперником. Черный зарычал, но слаженность действий цепочки нарушилась, и он не мог восстановить ее. Черный неохотно сделал несколько шагов назад, захлопал крыльями и уступил место в шеренге тому, кто бросил ему вызов. Серый самец со свежими силами энергично вступил в танец. Его живость тут же

привлекла молодых самок, и их ряды начали перестраиваться.

Но когда серый случайно зацепился крылом за передний коготь, юные драконши свистом выразили ему свое разочарование и переключили внимание на других самцов. Вскоре один из золотых сдался и уступил свое место еще одному коричневому с ослепительными красно-золотыми подкрылками. Другой дракон, очень молодой и не имевший на шкуре боевых шрамов, набравшийся дерзости присоединиться к цепочке, хотя там и не было места, растопырил крылья в знак того, что он не обращает внимания на неодобрительное фырканье самок постарше. Похоже, этот выскочка прекрасно знал, что зеленовато-бронзовая чешуя, подчеркнутая очень редко встречающимися серебристыми подкрылками, делает его прекраснейшим из самцов, и намеревался воспользоваться своим преимуществом.

Теперь они двигались порознь, медленно, осторожно, и вместе с ними двигались самки. Танец продолжался. Красно-коричневый дракон, который был первым, все дальше и дальше уходил от помеченной им территории; он закончил танец и пересчитал завоеванных подруг. За ним вперевалку шли семеро молодых самок, тяжелых от яиц. Настала очередь самца делать вид, что он не обращает на них никакого внимания: это была сладкая месть за то безразличие, которое раньше напускали на себя они. Одна из драконш жалобно вскрикнула, вторая заторопилась вперед и нежно укусила своего повелителя за кончик хвоста, но тот и виду не показал, что замечает их. Это произвело сильное впечатление на одну из самок постарше, которая тоже пошла вслед за ним. Через мгновение за ней последовала другая.

Группа отошла на значительное расстояние от остальных, когда вожак одним мощным ударом крыльев взмыл в воздух и тут же приземлился позади взрослых самок. Однако его попытки гнать их вслед за остальными семью были встречены протестующим ревом и злобным рычанием. Одна из самок обошла его и отправилась обратно. Вожак было рывкнул на проходившую мимо, но, видно, рассудил, что гнаться за ней не стоит; он издал пронзительный вой, очевидно, означавший оскорбление, в ответ на которое она оскалила зубы. Тогда красно-коричневый собрал своих вось-

мерых подруг, они дружно взлетели и взяли курс на пещеры, располагавшиеся выше Скайбоула.

Этот ритуал повторился еще семь раз. Каждому из восьми самцов досталось от пяти до девяти самок. Однако еще пятеро к концу танцев так и не нашли себе подруг; от злобных криков отвергнутых дрожал песок, а наблюдавшие за ними люди кутались в плащи.

Мааркен, следивший за танцами драконов как зачарованный, внезапно ощутил нежное прикосновение знакомых, любимых цветов, испуганно посмотрел на запад и успокоился: над холмами Вере еще стояло солнце.

— Ты рычал бы так же, если бы я отвергла тебя? — лукаво прозвучало у него в мозгу.

— Громче! — ответил он, принимая в себя сверкающие цвета Холлис и закрепляя полотно солнечного света. — И давно ты следишь за ними?

— Нет, недавно и совсем не так самозабвенно, как ты. Я связалась с тобой только с четвертой попытки! Но они великолепны, правда?

— В следующий раз ты будешь наблюдать за ними вместе со мной. Где ты была весь день?

— С самого утра помогала твоему фанатику-брату переводить те свитки, которые привез Меат. Странно, что я еще могу произносить слова, которым меньше четырехсот лет!

— Есть несколько слов, которые я не прочь услышать прямо сейчас, — пошутил Мааркен и улыбнулся, поняв по цветам Холлис, что она рассмеялась. — Но я скажу их первым, потому что я рыцарь, лорд и мужчина. Я люблю тебя! Сьонед знает это, хотя я и не назвал твоего имени. Если понадобится, она поможет нам.

— Легендарная принцесса-фарадим... Она действительно так прекрасна, как о ней говорят?

— Да — для тех, кому нравятся рыжие. Я предпочитаю блондинок. Холлис, я сказал родителям о Белых Скалах. Они знают, что я собираюсь жениться. Почему бы не поговорить с ними прямо сейчас?

— Мааркен, я люблю тебя, но... Пусть они сначала посмотрят на меня. А вдруг я им не понравлюсь?

— Не смеши меня. Что бы ты ни говорила, я женюсь на тебе.

— Даже вопреки родительской воле?

— Если понадобится. Хотя до этого не дойдет. Раз ты так хочешь, я подожду до Риаллы, но от Последнего Дня тебе никуда не деться.

— Ах, Мааркен... Черт побери, меня зовет Андри! Надо идти. Береги себя, любимый. Храни тебя Богиня.

Мааркен увидел тревожно теребившего его рукав Поля и вздохнул. Пряди расплелись, он снова был в Пустыне... Поль прошептал:

— Ты был «Гонцом Солнца», да?

— Да,— кивнул молодой лорд.

— Куда ты летал? Далеко? Кто с тобой разговаривал?

— Отвечаю по порядку: летал далеко, отсюда не видать, а кто со мной разговаривал, тебя не касается.— Он смягчил свои слова улыбкой, встал, потянулся всем телом и увидел, что остальные делают то же самое. Гибкий, как все подростки, Поль вскочил и побежал к родителям делиться впечатлениями о таком потрясающем событии, как танцы на песке. Мааркен подошел к отцу с матерью и усмехнулся, когда увидел, что поднявшийся на ноги Чейн потирает зад.

— Как может тело онеметь и болеть одновременно?— жалобно спросил отец.— Я слишком стар для таких фокусов!

— Ничего, пока пешком дойдешь до лошадей, все как рукой снимет,— сказала Тобин.— Поль и Рохан собираются в пещеры. Мааркен, не хочешь составить им компанию?

— Я обещал Сьонелл и Янави до обеда дать им полный отчет о происшедшем, так что поеду вместе с вами в Скай-боул.

— Где мои старые кости смягчат несколько бутылок оствелевского кактусового пива,— добавил Чейн и крикнул Рохану:— Если придеешь поздно, можешь быть уверен: тебе не достанется ни капли!

— Как, ты ничего не оставишь своему принцу?

— Ни глоточка! Это по твоей милости я жарился здесь, как старая овца на вертеле!

— Не как старая овца, дорогой,— нежно промурлыкала жена,— а как молоденький барашек.

— Тобин! — Чейн взял в каждую руку по длинной косе и притянул ее к себе для поцелуя. — Ты смущаешь детей.

Мааркен улыбнулся, представив себе, как они с Холлис тем же способом «смущают» собственных детей. В один прекрасный день люди произнесут их имена с таким же вздохом, с каким они произносят «Чейн и Тобин» или «Рохан и Сьонед». И настанет этот день очень скоро.

ГЛАВА 9

Когда речь зашла о золоте, жители Скайбоула как воды в рот набрали, словно имели дело не с принцем и его наследником. Мужчины и женщины, которые еще вчера тепло приветствовали их, всего лишь вежливо поклонились, когда Ро-хан и Поль привязали своих лошадей в ущелье Серебряной Нити. Покинув равнину, которую облюбовали драконы, отец с сыном поднялись в холмы, свернули на север и по узкому оврагу выехали на тропу, соединявшую Скайбоул с пещерами.

Ветер и песок придали скалам самые странные формы; ущелье заросло огромными кактусами, мясистые зеленые пластины которых щетинились иголками размером с гвоздь. Глубоко под землей еще сохранялась вода, но ничто здесь не напоминало о реке, которая когда-то проточила этот мягкий камень.

Нижние пещеры Серебряной Нити использовались для очистки золота, которое добывалось наверху. Поль догадался об этом, увидев слабые отсветы горевших внизу костров. Когда они спешили и пошли наверх, отец подтвердил правильность его догадки, но от себя не добавил ни слова.

Мальчик искоса поглядывал на узкие карнизы, соединенные тропой, достаточно широкой, чтобы по ней прошла лошадь с грузом. Рабочий день уже заканчивался, и большинство мужчин и женщин спускалось вниз. Они приветствовали двух принцев еле заметными кивками, означавшими, что их увидели и узнали; один-другой улыбнулись им, но никто не сказал ни слова. Поль удивлялся этому, но еще больше его

изумляло поведение отца: казалось, это молчание его ничуть не беспокоит. Юный принц умирал от любопытства.

Они остановились, пережидая, пока мимо не проедет последняя лошадь, и тут Поль не выдержал.

— Все думают, что здесь добывают серебро, правда? Я тоже так считал, но теперь понимаю, что этот слух распушен нарочно.

— Да, ты прав. Хотя в этих холмах действительно проходит серебряная жила. Отсюда и название «Серебряная Нить».

— А мы делаем вид, что тут его много. Пусть все думают, что наше богатство объясняется серебряными россыпями.

— Конечно. Тем более что здесь действительно время от времени попадает серебро. Это очень кстати.

Рохан пошел по тропе, и Полю волей-неволей пришлось прибавить шаг.

— Но почему никто до сих пор ни о чем не догадался? — спросил он.

— Благодаря сложной системе, — загадочно ответил Рохан.

Поль подождал, пока мимо не прошла женщина, которая несла бурдюки с водой, и вцепился в отца.

— Как нам удастся скрывать, что мы добываем в пещерах не серебро, а золото?

— Есть способы замаскировать это. Ллейн помогает. И Волог тоже.

Полю отчаянно хотелось услышать все подробности этого многолетнего финансового мошенничества, но отец помахал рукой кривоногому человеку, стоявшему на верхнем карнизе скалы, и мальчику пришлось замолчать. Когда они с отцом поднялись наверх, Поля представили некоему Расоуну, который управлял здесь в отсутствие Оствеля. Шахтер почтительно поклонился и вполголоса сказал:

— Добро пожаловать...

— Спасибо, — вежливо ответил Поль. — Вы будете показывать нам пещеры?

— Думаю, эта честь принадлежит его высочеству, — улыбнулся Расоун. — Я был примерно в вашем возрасте, когда мой отец впервые позволил мне взглянуть на пещеры.

Он был управляющим лорда Фариды, который получил Скайбоул от отца вашего отца, принца Зехава.

Поль произвел в уме несколько быстрых подсчетов. Фарид был убит за год до его рождения; Зехава умер за шесть лет до этого; плюс несколько лет работы во время правления деда, судя по приблизительному возрасту Расоуна... Получалось, что пещеры действовали по меньшей мере лет тридцать. Как же удавалось все это время тайно вывозить отсюда такое количество золота?

— Расоун, какую пещеру ты советуешь нам обследовать? — спросил Рохан.

— Должно быть, среднюю в дальнем конце, милорд. Мы собирались приступить к ее освоению только следующей весной, так что там будет на что посмотреть. Но вам понадобится факел.

— Нет, спасибо. В распоряжении моего сына есть другой Огонь.

У Поля приоткрылся рот. Расоун посмотрел на него с опаской, а потом пробормотал:

— Ах, да... Конечно, милорд.

Когда они свернули на другую тропу и начали подниматься к указанной пещере, Поль спросил:

— Отец, ты действительно хочешь, чтобы я вызвал для тебя Огонь?

— Твоя мать говорит, что это тебе вполне по силам. А что? Страшновато с непривычки?

— Ну... да. Немножко.

— Нам ведь не нужен пожар, правда? — улыбаясь, сказал ему Рохан. — Просто немного света. Но подожди, пока я не скажу тебе, и будь осторожен. — Он понизил голос и тоном заговорщика шепнул: — Не вздумай рассказать обо всем леди Андраде!

Поль многозначительно кивнул, и Рохан усмехнулся.

Тропа была крутая и не приспособленная для прохода вьючных лошадей и рабочих. Остановившись на полпути, чтобы перевести дух, Поль бросил взгляд на опустевшее ущелье. Оно было не таким длинным и широким, как лежавший на юге Ривенрок, а пещер здесь было вчетверо меньше, но все же зрелище было внушительное. Склоны отливали ро-

зовым светом, что бывало в Пустыне только поздней весной или осенью; глубокие пурпурные тени покрывали дальний конец ущелья, сужавшийся и поворачивавший к северу.

— Отец, разве здесь на ночь не оставляют стражу? И почему работы ведутся не во всех пещерах, а только в нескольких? Кроме того, все, кого я здесь видел, не такие большие и сильные, чтобы вырубать золото из скал.

— Поль, ты все узнаешь чуть попозже, — недовольно сказал отец.

— Но когда?

— Потерпи немного.

Наконец они добрались до узкого карниза; последние метры пришлось ползти на четвереньках. Рохан задержался на мгновение, чтобы отряхнуть руки и одежду, а потом спросил:

— Мааркен никогда не рассказывал тебе, как его с братом однажды чуть не зажарил себе на обед юный дракончик?

Поль кивнул.

— Они с Яни полезли в пещеру без разрешения.

— Так оно и было. И испытали самый большой страх в жизни, когда им навстречу выполз дракон. Это случилось во время Избиения, которое стало последним, — тихо продолжил он. — Ужасный обычай. Не охота, а настоящая бойня.

— Почему же дедушка не запретил его?

— Потому что думал, что драконов всегда будет много. А теперь постарайся не задавать вопросов, пока я не расскажу тебе всю историю.

Поль кивнул и затаил дыхание, глядя в темное отверстие.

— Мааркена и Яни взяли с собой, чтобы показать им, что такое Избиение. Это был тот самый день, когда мы с твоей матерью впервые вошли в пещеру дракона. Тем летом Сьонед жила в Стронгхолде. Это было незадолго до нашей свадьбы. Тогда мы с ней и узнали тайну, которая была известна моему отцу долгие годы, но он никогда не рассказывал об этом.

Они вошли в пещеру. Непроницаемые тени окутывали помещение, которое было по крайней мере втрое выше и шире, чем комната Поля в Стронгхолде. Потолок и стены обра-

зовывали неправильную арку над песчаным полом. Дальше все скрывала тьма; пещера могла оканчиваться на расстоянии протянутой руки, но с таким же успехом могла уходить вглубь горы на целую меру. Рохан жестом велел Полю идти вперед, и их тут же окутала тень.

— А сейчас будь добр, вызови небольшой Огонь.

Он так и сделал, и вскоре над песком, в нескольких шагах от них, вспыхнул язычок пламени толщиной с палец. Когда пламя окрепло, пещера заблестела. Поль крепче уперся ногами в песок, потому что от неожиданности у него все поплыло перед глазами. Однако в этом был виноват свет, озаривший своды мерцающими золотистыми отблесками.

Рохан подошел к ближайшей стене, наклонился и поднял с земли пригоршню чего-то напоминавшего осколки глиняной посуды. Но эти осколки сверкали.

— Это обломок скорлупы яйца, из которого вылупился дракон,— объяснил он.— Именно отсюда мы и добываем золото.

Когда до Поля дошло, Огонь замигал, но мальчик быстро восстановил контроль над ним.

— Вылупившись из яйца, дракончики выдыхают пламя, чтобы высушить крылья. Когда огонь попадает на скорлупу, она превращается в золото. Через годы она рассыпается в песок. Здесь осталось не так уж много скорлупы, но в Ривенроке я мог бы показать тебе большие куски, оставленные драконами возрастом ненамного старше тебя.— Он передал осколок Полю.— Теперь ты понимаешь, что в пещерах не добывают руду. Для того, чтобы просеять песок и положить остаток в седельную сумку, не нужны ни кирки, ни физическая сила. Но замечание меткое. Придется приказать Расоу-ну набрать мужчин посильнее, чтобы никто ничего не заподозрил. Золото выплавляют в нижних пещерах, и сделано все возможное, чтобы даже «Гонец Солнца» не смог заглянуть туда.

— Отец...

— Догадываюсь. Ты хочешь спросить, что с ним делают дальше?

Поль кивнул, крутя в руках блестящий кусочек.

— Большая часть золота превращается в слитки — такие

же, как слитки стекла, которыми мы торгуем с Фироном и всеми остальными. Они поступают в сокровищницу: нет, не в Стронгхолд, а в тайник неподалеку отсюда.

— А остальное?

— Кое-что отсылается лорду Эльтанину в Тиглат. Тамощные мастера делают из золота разные вещи — посуду, украшения — и продают их обычным путем. Но эта уловка мало что дает. Избыток золота не только заставил бы людей задуматься, откуда оно берется, но и сбил бы цену на товар. Поэтому часть золота на кораблях Ллейна отвозится в Кирст, где у Волога есть копи. Настоящие. — Он улыбнулся и пожал плечами. — Хотя дело едва не сорвалось. Там есть несколько человек, которые... Скажем так: на то, чтобы придумать способ заставить всех поверить, что золото идет прямо оттуда, ушло несколько лет.

— Но сколько народу знает правду? Я имею в виду, о драконах.

Рохан наклонился и зачерпнул пригоршню песка. Золотые зерна просыпались между его пальцами, как твердые солнечные лучи.

— Ллейн знает только то, что ему щедро платят за исключительное право Радзина на торговлю шелком. Волог же понятия не имеет о том, что золото не его. Но не думай, что в данном случае мной руководят дружеские или родственные чувства. — Он улыбнулся и поднял глаза.

Поль лихорадочно вспоминал все, что знал о Кирсте и об изменениях, происшедших там в последнее время. Но потрясение при виде золота, куска яичной скорлупы в руке и песка, медленно высыпавшегося из пальцев Рохана, замедляли его мыслительный процесс. Мальчик высказал единственное, что пришло ему на ум:

— Волог — важный союзник...

— Конечно. Однако есть причины поважнее; Поль. Мы подпитываем его копи уже четыре года. За это время он разбогател настолько, чтобы позволить себе сделать очень важные вещи — например, насадить леса, разбить сады, улучшить стада, начать изготавливать пергамент. Знаешь ли, у него никогда не водилось лишних денег, а потому не будет ничего плохого, если он потратит их на то, что другие могут

назвать баловством. Что ж, пусть. Чем плохо, если ремесленники будут сыты и счастливы? Но будь на его месте другой человек, я не стал бы делать этого. Он по натуре не жаден и не из тех людей, которые будут использовать свое богатство во вред другим. Волог стремится к улучшениям, и наше золото позволит ему сделать это.

Рохан набрал еще одну пригоршню песка, и Поль принялся следить за сверкающим дождем, зачарованный видом золота, которым оплачивалось воплощение в жизнь планов его отца.

— Среди всех этих улучшений меня особенно заинтересовали рост поголовья стад и выделка пергамента. Похоже, что в этом году он собирается создать скрипторий *. Поль, ты понимаешь, что это значит? Отныне покупку книг смогут позволить себе не только принцы, но и атри, а позднее — почти каждый. Если мне повезет, скрипторий превратится в школу. У нас появятся люди, сведущие в искусствах и науках — такие же, как обучающиеся в Крепости Богини фарадимы, которые могут уехать в любую страну, взять свои знания с собой и начать учить других. Люди, у которых не было возможности научиться читать, смогут получить образование и полностью проявить свои таланты.

Когда Поль понял, с каким воодушевлением говорит отец, крохотный Огонь чуть не угас снова.

— Значит, легенды, хроники, музыку и все остальное можно будет записать, сохранить и...

Рохан снова рассмеялся.

— О да, клянусь Отцом Бурь, ты действительно мой сын! Любой другой мальчишка на твоём месте застонал бы от всей этой школьной премудрости!

У Поля слегка порозовели щеки, но это не помешало ему улыбнуться.

— Зачем же я буду стонать, если кашу придется расхлебывать другим?

— На самом деле расхлебывать кашу всегда приходится нам, принцам. Сам знаешь, вычитывать слова из книг очень

---

* Скрипторий (от лат. *scriptorius* — писчий) — мастерская рукописной книги в западно-европейских монастырях 6—12 вв. Здесь: мастерская по переписке пергаментов.

легко. Но применять их к окружающему миру...— Он пожал плечами и грустно усмехнулся.— Я научился этому на своей первой Риалле. Проходи и садись, Поль. Еще не все.

— Правда?— не веря своим ушам, спросил Поль.

— О да. Далеко не все.

Он сел на песок рядом с отцом, по-прежнему держа в руках осколок скорлупы, и спросил:

— А что было бы, если бы принц Волог распорядился своим богатством по-другому?

— Вообще-то он хороший человек. Но без нашей сказки и без нашего примера он видел бы в золоте только деньги, как и все остальные принцы. Ведь даже верховному принцу не так легко вмешаться во внутренние дела другого государства. Я могу только намекнуть и сделать вид, что идея принадлежала самому Вологу.

— Потом похвалить его за мудрость, а самому пожать ее плоды,— глубокомысленно кивнул Поль.

— Я надеюсь только на то, что никому из них не хватит ума догадаться о происхождении золота. Если они когда-нибудь додумаются...— Рохан покачал головой. Его белокурые волосы в свете Огня казались такими же рыжими, как у Сьонед. Поль следил за до боли знакомым лицом отца и надеялся, что с годами его собственное лицо станет таким же гордым, сильным и не боящимся тяжелой работы, необходимой для того, чтобы мечты стали явью.

— Все это началось в год Великого Мора. К тому времени мы с твоей матерью знали о золоте Ривенрока, но я все еще пытался придумать способ сохранить тайну. А потом пришла чума. Так много народу умерло, Поль... Твоя бабушка, Яни, жена Оствеля Камигвен...— Он опустил глаза и посмотрел на свои пустые руки.— Была одна травка под названием дранат, которая могла излечить чуму. Она росла только в Вереше, а это означало, что все ее запасы принадлежат верховному принцу Ролстре. Драконы умирали тоже, и умирали сотнями. Я приехал в Скайбоул, и мы с лордом Фаридом придумали подбрасывать дранат в заросли биттерсвита, которым питались драконы. Волей-неволей им приходилось поедать и эту траву.

Лицо Рохана напряглось, тонкие морщинки вокруг рта стали глубже.

— Но сначала надо было раздобыть дранат. Много драната. Ролстра за немыслимую цену продавал его через своих купцов. Мало у кого в мире были такие деньги. Иногда Ролстра намеренно задерживал доставку, дожидаясь, пока его враг не умрет. У меня не было доказательств, но я знал, что это правда.

— Тебе следовало убить его еще тогда,—прошептал Поль.—И не ждать так долго.

Рохан испуганно поднял глаза, как будто внезапно вспомнил, что он не один. Он долго колебался и наконец сказал:

— Я и хотел, Поль. Наверно, следовало его убить. Но потом Фарид показал мне пещеры и золото, которое годами получал отсюда отец, не рассказавший об этом сыну даже перед смертью.—Рохан покачал головой, не переставая удивляться мудрости Зехавы.—Он не хотел, чтобы новому принцу слишком легко жилось на свете. Если бы я знал о золоте, то мог бы покупать у других принцев все, что мне заблагорассудится. Окажись я глупцом, они догадались бы о золоте и накинулись бы на нас, как ястреб на песчаную крысу.

Но нам был нужен дранат. Мы опустошили местную сокровищницу и заплатили столько, сколько запросил Ролстра. Много лет после этого приходилось делать вид, что это нас полностью разорило. Но после смерти Ролстры и присоединения Марки люди стали думать, что мы разбогатели, и у нас появилась возможность приступить к строительству. Мы обновили Тиглат и замок Туат. Байсаль из Долины Фаолейна получил свою долгожданную крепость. Но больше всего денег ушло на то, чтобы отбить у Долгих Песков Ремагев.

— И ты вернул другим принцам многое из того, что получил от них Ролстра за свой дранат,—догадался Поль, хорошо зная отцовский характер.

Рохан слегка улыбнулся.

— Да, большей частью. Тобин убедила меня, что возвра-

щать все глупо. Она говорила, что принцы обязаны мне жизнью, поскольку на мое золото было куплено достаточно драната, предназначенного для раздачи другим. Как бы то ни было, вскоре мы с Оствелем начали расширять дело, предварительно пустив слух, что найдены новые залежи серебра.

Итак, Поль, ты всегда знал, что мы богаты, но на самом деле мы гораздо богаче. Однако источник нашего богатства следует хранить в строжайшей тайне.

— Плохо то, что мне предстоит унаследовать два престола. То, что я и принц, и фарадим, еще хуже. Но если добавить к этому еще и золото...— медленно сказал Поль, слыша себя со стороны.

— Именно. На свете есть примерно пятьдесят человек, которые посвящены в эту тайну. Даже здесь, в Скайбоуле, далеко не все знают правду; лишь немногие догадываются о связи между драконами и золотом. Люди, которые доставляют золото в копи Кирста, не знают, откуда оно поступает. Лорд Эльтанин тоже ни о чем не догадывается. Среди посвященных твоя мать, Тобин, Чейн, Оствель и Риян. Но ни Сорин, ни Андри, ни Мааркен не ведают об этом ни сном ни духом. Как и Андраде. Мы отправляем немного золота в Верхний Кират, ремесленникам принца Давви Сирского, но тот тоже не в курсе, из какого источника оно поступает.

— Как, даже родной брат моей матери?

— Да. Пятьдесят человек—это слишком много, Поль. Конечно, я им доверяю, но этих людей так много лишь потому, что без них нельзя обойтись.— Он вздохнул и расправил плечи.— А теперь, когда ты тоже посвящен, я могу рассказать тебе остальное. Эти пещеры не единственные. Драконы не жили здесь Богиня знает сколько лет и никогда не вернутся сюда. Здесь копалось слишком много людей.

— А как же с Избиением в Ривенроке?

— Оно продолжалось один день раз в три года. А в этих пещерах работают уже тридцать лет без передышки. Другая сторона ущелья уже полностью истощена, а на этой осталось лишь несколько неосвоенных пещер.

— Значит, очередь за Ривенроком, верно? Мы могли бы... Ох! — Поль выпрямился. — Но ведь те пещеры нужны драконам!

— Если мы устроим там то же, что и здесь, они ни за что не вернутся в Ривенрок. Лучше всего было бы заманить их куда-нибудь еще, а самим начать разрабатывать те пещеры на севере, которые драконы занимают сейчас.

— Около Феруче, — сказал Поль.

— Да. — Пригоршня сжалась в кулак. Кольцо с топазом в изумрудах полыхнуло пламенем. — Твоя мать хочет, чтобы я восстановил замок. Похоже, придется это сделать.

Что-то в его тоне насторожило Поля, но не настолько, чтобы прямо спросить, почему отец так неохотно говорит о Феруче.

— Отец, но ведь те пещеры тоже нельзя трогать, иначе драконам негде будет откладывать яйца! В Ривенрок они не вернутся, а это единственное место, где достаточно пещер, чтобы вместить множество драконов.

— Я же говорил, Поль, что одних знаний недостаточно. Надо еще придумать, как ими воспользоваться. — Рохан отряхнул руки и встал. — Ну вот, теперь ты все знаешь про драконов и их золото. Я не хотел тревожить тебя раньше времени, но... — Он умолк и пожал плечами.

— Жалеешь, что пришлось рассказать?

— Нет. Когда имеешь дело с серьезной проблемой, ум хорошо, а два лучше. Кроме того, трудности начнутся не сию минуту. Оствель считает, что этих пещер хватит еще лет на восемь-десять. А к тому моменту мы что-нибудь придумаем.

— Чем, скорее, тем лучше, — сказал Поль, поднимаясь на ноги. Он швырнул кусок скорлупы обратно в пещеру, шагнул к выходу, но обернулся, когда Рохан деликатно покашлял. — О Богиня, неужели осталось еще что-то, о чем тебе нужно рассказать?

— Нет. Просто ты забыл об одной мелочи. — Он указал на язык пламени толщиной с палец, все еще плясавший над песком.

Смущенный Поль усилием воли заставил Огонь погаснуть.

— Хорошо, что мы заранее договорились ничего не говорить Андраде,— добавил Рохан.— Узнай она про такую промашку, ты бы и дня не прожил на свете!

* * *

Вдалеке от пещер с драконьим золотом леди Андраде наслаждалась шедшим на убыль прекрасным весенним днем. Единственным золотом, которое она сегодня видела, были морские волны, превращенные тускло светящимся закатом в складки золотистого бархата. Она распустила косы по спине и плечам, как молоденькая девушка, и влетающий в окна теплый ветерок развеивал их серебряные пряди. Как все фарадимы, она была созданием солнечного света; зимние бури и туман подавляли ее дух. Но сейчас, почуяв в воздухе дыхание весны и намеков на приближающееся лето, она чувствовала себя ожившей.

Прислонившись плечом к каменному оконному проему, Андраде сложила руки на груди и вздохнула от удовольствия, когда солнце коснулось ее щек и проникло в тело. Мрачные зимние разговоры о возрасте и смерти были забыты; она всегда плохо чувствовала себя, когда небо затягивали грозовые тучи. Но когда солнце изгоняло из мышц остатки холода, ее кровь обновлялась и начинала бурлить в венах. Андраде хихикнула и поклялась, что переживет их всех.

Сегодняшний день был особенным, а двух людей в крепости ждала еще более особенная ночь. Утром юного Сеяста подвергли испытанию на умение вызывать Огонь, и мальчишка чуть было не устроил пожар. Но он не сгорел от стыда и не стал просить прощения за то, что не сумел удержать Огонь под контролем. Он обладал большой силой и догадывался об этом. Андраде знала, что в ближайшие годы сумеет научить его сдерживаться; через ее руки прошло множество юношей и девушек более одаренных, чем Сеяст, и еще сильнее стремившихся познать могущество своего дара. Но надо было признать, что его надменность — другое слово тут не годилось — была под стать только надменности Андри.

Или ее собственной, подсказала Андраде врожденная

честность. Она снова хихикнула, удивляясь, как старые учителя сумели сдержаться и не задушить ее. Андраде едва не захотелось снова стать молодой, чтобы самой сделать Сеяста мужчиной, потому что у нее хватило бы сил укротить мальчишку. Но она доверяла искусству Морвенны. «Гонцу Солнца» с восемью кольцами, тридцатипятилетней Морвенне хватило бы собственного Огня на десять таких щенков, как Сеяст.

Легкий стук в дверь заставил ее отвлечься от лицецерения морского заката. Она повернула голову и сказала:

— Входи, Уриваль. Открыто.— Но за дверью стоял вовсе не ее главный сенешаль; в комнату, как будто подслушав мысли леди Крепости Богини, с трудом вошла Морвенна. Она была ужасно раздосадована и постанывала от боли. Андраде пошла к ней навстречу и властно спросила:

— Что случилось? Проходи и садись.

— Спасибо, миледи. Что случилось? Глупейшая вещь на свете.— Она опустилась в кресло и в отчаянии похлопала себя по бедру.— Бывает и на старуху проруха, вот что случилось! Вы помните ту выщербленную ступеньку в библиотеке, которую все обходят стороной? Вот и я пыталась обойти ее, но вместо этого споткнулась и полетела кувырком. Боюсь, сегодня ночью вам придется посылать к Сеясту кого-нибудь другого.

— Надеюсь, тебе оказали помощь?

— Да, конечно. Перелома нет, просто здоровенный синяк. Но болит ужасно.— Она откинула со лба черные волосы.— Богиня могла бы одолжить мне на ночь свои чары, но сомневаюсь, что даже ей было бы под силу скрыть вот это.— Она задрала юбку и показала свежую отметину на своей смуглой коже.— Впечатляюще, правда?

— Очень. Тебе еще повезло, что нет перелома. Ну что ж, скажи мне, кого послать вместо тебя.

Морвенна опустила юбку и откинулась на спинку кресла.

— Поверьте, я искренне жалею об утраченной возможности. С ним будет трудно управиться, и мне хотелось самой взяться за это дело.— Андраде что-то сердито проворчала, и женщина улыбнулась. Даже для пылкой уроженки Фирона страсть Морвенны делать мальчиков мужчинами

была просто неприличной. — Джобина слишком мягка. Вес-си недостаточно искушена в этом искусстве для такого раз-борчивого мальчишки, каким кажется Сеяст. Я бы послала Фенис, но у нее сейчас опасные дни. Ему бы подошли Эри-дин или Холлис — если она, конечно, сегодня не тоскует по своему Мааркену.

— Гм-м... — Андраде села и забарабанила пальцами по ручкам кресла. — По-моему, Холлис и Сеяст проводят много времени в одной и той же компании.

— Не больше, чем остальные фарадимы проводят с новичками. Конечно, они разговаривали. Но Богиня хранит свои тайны.

— Богиня, — сухо возразила Андраде, — позволяет нам жить своим умом. Я не доверяю людям, которые хорошо знают друг друга...

— Ой, перестаньте! Меня могли сделать женщиной толь-ко пять мужчин. С тремя из них я выросла в этой крепости, четвертый был моим наставником, а с пятым я всю весну вы-ращивала лекарственные растения! Но я так и не узнала, кто из них на самом деле был у меня в ту ночь.

— Пожалуй, ты права, — уступила Андраде. — Тогда это скорее всего будет Холлис. Время для нее подходящее?

— Да, опасные дни прошли. А жаль. Любопытно было бы посмотреть, какие дети могут получиться у этого маль-чика. Впрочем, не поручусь, что он не оставил на родине од-ного-другого! — хихикнула Морвенна.

— Да, тут даже такая отчаянная спорщица, как Сьонед, не стала бы биться об заклад, — согласилась Андраде. — Ладно, иди и приложи компресс к ноге. Я распоряжусь, что-бы обед принесли тебе в комнату.

Морвенна вздохнула.

— Да, совсем не так я собиралась провести вечер... Ниче-го, переживем. Ну что, сходить к Холлис?

— Я сама схожу. А ты побереги ногу. Синяк действи-тельно чудовищный. — Андраде улыбнулась. — Обещаю, что ступеньку починят.

— Ступеньку починить можно. А вот что делать с моей неуклюжестью? — Она поднялась на ноги, скорчила гримасу и захромала к двери.

Пальцы Андраде продолжали выбивать какой-то стран-

ный ритм. Если Холлис сходит с ума по Мааркену — что ж, тем хуже для нее. Она ему еще не жена. Но она была и всегда будет «Гонцом Солнца». До того как Холлис обуяло неистовое желание провести ночь с Мааркеном, она два-три раза уже пробовала свои чары на других, и у Андраде были основания полагать, что Мааркен знал об этом. Но тело ее оставалось при ней даже в том случае, если душа была отдана другому. А она даже не была его официальной Избранной. Зато хорошо знала свои обязанности «Гонца Солнца».

Заплетая косы перед тем, как идти искать Холлис, Андраде подумала, что женщина не слишком подходит для отведенной ей роли. Но это неважно. Похоже, оставалась последняя возможность напомнить Холлис о ее долге перед Крепостью Богини. Андраде готова выдавать своих воспитанниц за знатных лордов, но будь она проклята, если «Гонец Солнца» снова вернет свои кольца ради того, чтобы оставить себе один-единственный перстень, подаренный мужем! Холлис выполнит свой долг. Она не пойдет по стопам Сьонед.

* * *

Сегев вызвался отнести Морвенне ее обед. Это была компенсация за то, что он устроил ей ловушку.

Все оказалось до смешного просто. Морвенна всегда приходила в библиотеку за час-два до ужина, чтобы подготовиться к занятиям, которые ей предстояло вести на следующий день. Сломанная ступенька оказалась союзником Сегева. Переступая эту ступеньку, каждый делал одно и то же движение; достаточно было поскользнуться, чтобы потерять равновесие. Ночью он для очистки совести провел эксперимент, а затем досуха вытер дерево. Днем Сегев дождался неизменного визита Морвенны, а когда она охнула, чертыхнулась и захромала, вышел из укрытия, стер со ступеньки остатки масла и выбросил тряпку со скалы, чтобы прилив мог унести ее в море. Никто не видел его, никто не заподозрил, что несчастный случай был вовсе не случаем, и Сегев сел ужинать с совершенно равнодушным видом.

Холлис не было на ее обычном месте, и это следовало считать хорошим предзнаменованием. Но отсутствовали также Джобина и Эридин, а это уже никуда не годилось. Конечно, он учитывал возможность, что сегодня ночью вместо Морвенны могла прийти совсем не Холлис, но он предпочел бы иметь дело с золотоволосой фарадимкой. Конечно, другие тоже сгодились бы, однако Холлис была из них самой красивой. Самым забавным было то, что инстинкт безошибочно указал ему на Избранную лорда Мааркена, кузена того мальчика, которому предстояло во время ближайшей Риаллы потерять Марку, а через несколько лет — и Пустыню. Сегев был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы именно он, а не его старший брат Руваль выгнал Поля из Стронгхолда, но все зависело от того, кого станет поддерживать Мирева... Он рано поднялся наверх, устав разыгрывать смущение от грубых намеков своих товарищей. Они завидовали ему. Сегев получил личную комнату и новый статус, символом которого было простое серебряное колечко на правом среднем пальце, а они еще не удосужились вызвать даже искру Огня. Юноша предпочел побыстрее удрать от их насмешек и поднялся наверх, чтобы полюбоваться своим новым обиталищем.

Когда пожар уничтожил Феруче, Сегев был слишком мал, чтобы помнить о тамошней роскоши, но что-то в нем жаждало прекрасных вещей: шелковых простынь, толстых ковров, гобеленов, изящной мебели и огромных комнат, которые могли бы все это вместить. Но новые апартаменты ничем не напоминали его мечту. Там стояли узкая койка с придвинутым к ней столом, пустая жаровня и сундучок для одежды. На столе красовались лохань для умывания и простой глиняный кувшин, который Сегев с утра наполнил вином. Сейчас он щедро приправил вино дранатом и пригубил сам, безошибочно определив по реакции своего тела, что дранат начал действовать.

Обнаженный Сегев лежал в постели и притворялся спящим. Но чем позднее становилось, тем сильнее нарастало его нетерпение. Уж не забыли ли о нем? Как вели себя другие юноши, зная, что наступает ночь, которая превратит их в мужчин? Конечно, он тоже нервничал, однако совсем по

другой причине. Каждый шаг в коридоре заставлял лихорадочно биться сердце, но дверь оставалась закрытой. В комнате без окон сгущалась тьма, простыни начинали раздражать кожу. Он повернулся на левый бок, затем на правый, сбросил простыни на пол, а потом поднял снова.

Что-то случилось. Теперь он был в этом уверен. У старой суки Андраде возникли подозрения. Кто-то заметил на ступеньке следы жира. Его разоблачили. Сейчас за ним придут, вытащат из постели и употребят все свое искусство, чтобы заставить его рассказать о Миреве, о каменном круге в лесу и...

Внезапно дверь слегка осветилась, превратившись в высокий прямоугольник. Он стремительно сел на кровати, мокрый от пота. Кто-то вошел — нет, не кто-то, а *что-то*: мерцающий бесцветный туман, бледный, почти прозрачный. Дверь снова утонула во мгле, смешалась с темнотой, но слабое, бесформенное сияние, не отбрасывавшее тени, приближалось к нему. Почувствовав нежное прикосновение пальца к своим губам, Сегев попытался справиться с сердцебиением. Он не испытывал такого волнения ни с Миревой, ни с крестьянской девушкой, лишившей его невинности в возрасте тринадцати лет.

Он горел в огне.

Светлая дымка приблизилась вплотную, он потянулся и обнял стройную женскую фигуру, задрожал и задохнулся. Притянув ее к себе, Сегев забыл про Миреву, про братьев, про причину, которая привела его в Крепость Богини — про все на свете. Юноша чувствовал лишь головокружительный аромат, податливое тело, древнюю власть женской плоти, соприкасавшейся с его собственной.

Их первое совокупление закончилось очень быстро. Он лежал на спине, еле переводя дух, и обливался потом, испытывая унижение при мысли о том, что не смог продлить удовольствие. В памяти возникло смутное воспоминание о Миреве в облике юной девушки; почему она никогда не говорила ему, какой сильной была любовная магия фарадимов? Женщина, кем бы она ни была, существовала только в образе слабого свечения. К ней можно было прикоснуться, но Сегев не мог определить, кто она такая, ни по форме носа, лба,

рта, ни по очертаниям грудей или бедер. Был неразличим даже цвет волос, струившихся вокруг его тела. Сегев только надеялся, что они золотые и что в его объятиях лежит Холлис, но не стал бы переживать, если бы это была не она; ее губы учили юношу вещам, которых не знала сама Мирева, а когда Сегев начинал бояться, что не переживет этой ночи, они возвращали его к жизни.

Во второй раз он продержался дольше. Решив действовать более умело и до конца насладиться ее телом, он восстановил дыхание и вскоре пришел в себя. Сегев потянулся к ее рукам, пытаясь на ощупь определить, сколько у нее колец. Но колец не было, и это испугало его. Потрясение заставило мальчика вспомнить наставления Миревы. Настоящие «Гонцы Солнца» не должны были интересоваться тем, кто пришел к ним. Он не повторит ошибку. Он обязан помнить, зачем пришел сюда.

Сегев открыл рот, чтобы предложить ей вина, и обнаружил, что не может произнести ни звука. Он слышал, как его голос вторил женским стоном, но сейчас собственный язык стал незнакомым и толстым, губы онемели, горло сжалось, чуть не задушив его. По-настоящему испуганный, он вырвался из нежных рук и упал на колени рядом с низкой кроватью, комкая в руках мягкие простыни. Она была всего лишь сном, бледным призраком, бесплотным и нереальным. Неужели фарадимы обладают столь чудовищной силой? Он потянулся к кувшину с вином и сделал два больших глотка, нуждаясь в дранате, чтобы восстановить свое пошатнувшееся мужество.

Теплые пальцы обхватили руку Сегева; женщина взяла глиняный кувшин, жадно припала к нему и отдала обратно. У Сегева дрогнула рука, и он пролил вино себе на колени. Юноша услышал донесшийся откуда-то издали странный мелодичный смех, и женщина вновь привлекла его к себе...

Когда наутро в зале зазвонили часы, Сегев в ужасе проснулся. Она ушла. Он был вялым и измученным. Сил едва хватило на то, чтобы перекатиться на бок и сесть. Он осторожно вызвал в жаровне небольшой Огонь и при его свете осмотрел кувшин для вина. Большинство жидкости исчезло.

Может быть, он слишком много выпил сам? Хватило ли ей? Усталого Сегева охватил гнев; юноша выругался. Почему Мирева не предупредила его, что «Гонцы Солнца» обладают столь могучими чарами?

Мальчик допил остатки вина и лег на спину, постепенно расслабляясь, словно это было его работой. Возможно, Мирева и сама ничего не знала; возможно, он сейчас узнает те вещи, о которых ей и не дано было знать. Возможно, используя их, он легко займет место Рувая, когда придет время разбить принца Поля.

Возможно, Сегеву вообще больше не понадобится помощь Миревы.

Сегодня он войдет в древесный круг в лесу и увидит свое будущее в Огне. Первоначальный план предусматривал, что он только сделает вид, будто был там, но теперь он решил и в самом деле прибегнуть к магии — если и другие дары фарадимов так же сильны, как те, что применили к нему сегодня ночью, он сможет увидеть вещи, о которых Мирева и понятия не имеет.

«Гонцы Солнца» научили его всем ритуальным словам и тому, что нужно делать. Он слушал их больше из любопытства, потому что на самом деле вовсе не собирался колдовать. Но сейчас юноша спрыгнул с кровати и торопливо оделся, стремясь проверить, обладают ли фарадимы чарами, не уступающими по силе любовным. Если он объединит эти силы с тем, чему учила Мирева, он сможет...

Внезапно Сегев застыл на месте, держась за дверной замок. Ему не следовало идти в лес, как настоящему «Гонцу Солнца». В его жилах, жилах диармадима, пульсировал сок травы, которой они боялись больше всего на свете. Если чары женщины, бывшей с ним ночью, были чарами той Богини, которую Мирева отвергала, то, возможно, Богиня отомстит ему за то, что он сделал и собирается сделать.

Юноша заставил себя открыть дверь и высокомерно пожал плечами. Чего ему бояться? До сих пор все шло успешно. Нет никаких причин сомневаться в том, что удача ему изменит.

Сегев начинал верить, что может получить силу, которой никогда не было у Миревы. С этой силой он сумеет в одиночку завоевать Марку и Пустыню и стать верховным принцем, как его дед.

С помощью Холлис? Юноша напомнил себе, что сегодня надо будет как следует присмотреться к ней, Джобине и Эридин и поискать у них признаки отравления дранатом. Он улыбнулся и стал спускаться по лестнице.

ГЛАВА 10

Сьонед прищурилась, взвешивая в руке плоский камень. Те, кто за ней наблюдал, стояли рядом: Сьонелл, которая задержала дыхание, Поль, перебиравший свои камни, и Вальвис, который ухмылялся и поглаживал иссиня-черную бороду. Лорд Ремагевский сделал приглашающий жест в сторону зеркальной поверхности озера. Сьонед тщательно прицелилась и отправила камень скользить по поверхности воды.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать! — восхищенно закричала Сьонелл. — Папа, а ты сможешь испечь столько же «блинчиков»?

— Нет ничего проще, — заверил он и метнул в озеро кусок гальки. Дочь насчитала пятнадцать малюсеньких всплесков.

— Ну что? — бросил он вызов Сьонед. — Спорим на три лучших попытки из четырех?

Пока они искали подходящие камни, Поль и Сьонелл сами попробовали печь «блинчики». Старшая пара обменялась улыбками, увидев, что Сьонелл сделала шесть всплесков с первой попытки, а у Поля получилось только два.

— Смотри, — объясняла Сьонелл огорченному Полю, — вот как надо! — Мгновение спустя девочка закричала: — Девять! У меня получилось девять!

Сьонелл вовремя обернулась и увидела вторую попытку Поля. Камень, который он бросил, коснулся воды два раза, а затем утонул.

— Попробуй еще, — стала настаивать Сьонелл.

— Нет уж, спасибо.

Малышка возмущенно посмотрела на него.

— Как же ты будешь учиться, если даже не хочешь попробовать? Ты же знаешь, что с первого раза ничего не получается!

Сьонед увидела многозначительный взгляд Вальвиса, и они немного подождали, пока Поль справится с внутренней битвой, которая ясно читалась у него на лице. Гордость победила, что в его возрасте было совсем не удивительно. Мальчик покачал головой и сложил все собранные им камни в ладонь матери.

— Как-нибудь в другой раз.

Сьонед и Вальвис снова стали рядом и продолжили соревнование. Ее первый камень сделал двенадцать кругов на воде — впрочем, как и его; второй камень коснулся воды шестнадцать раз, а Вальвис даже охнул, когда его бросок дал только десять всплесков.

— Может, лучше на пять из семи? — с надеждой предложил он.

— Уговор дороже денег, — возразила она и резко выкинула руку вперед. Сьонелл зааплодировала, когда увидела четырнадцать кругов. Вальвис притворно оскорбился и свирепо поглядел на дочь.

— За кого болеешь? — потребовал он ответа у хихикающей Сьонелл и бросил третий камень.

— Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Неожиданно сверху упала тень, поднялся ветер, и по озеру пошли круги. Сине-черный дракон погрузил задние лапы в воду, а затем, сотрясая воздух мощными ударами крыльев, вытянул шею и поднялся в воздух. Его разочарованный рык огласил весь кратер.

— Он подумал, что это рыбка, — смеясь воскликнул Поль. — Поглядите, вот они все!

Стая из сорока драконов-трехлеток опустилась на дальний берег, чтобы напиться. Они грациозно сложили крылья, склонили головы к воде и замерли. Дракон, принявший прыгающий камень за рыбу, с опозданием присоединился к остальным. На него насмешливо покрикивали, пихали из стороны в сторону, а он слабо огрызался в ответ.

— Вальвис, — прошептала Сьонед, — я могу поклясться, что они его дразнят!

— Я тоже так подумал. Неужели у драконов есть чувство юмора? — Он положил руку на плечо шагнувшей вперед дочери. — Ближе подходить нельзя.

— Но они не сделают мне ничего плохого. Они так прекрасны!

— И зубы у них тоже прекрасные — в половину твоей руки. Мы будем смотреть отсюда. Надеюсь, они настроены дружелюбно. — Он бросил беспокойный взгляд на Сьонед, разделяя ее тревогу. Нужно стоять тихо и не привлекать к себе внимания. По рассказам людей, которых драконы якобы уносили в небо, убежать от них было бесполезно.

Сьонелл почувствовала себя задетой.

— Папа, они уже пообедали. Ты только погляди на их животики!

Она была права. Животы драконов, обычно тощие, округлились; некоторые даже икали. Сьонед стало интересно, сколько же овец и коз пошло на то, чтобы наполнить эти ходячие склады. Она сделала пометку в памяти — еще раз спросить у Рохана, сколько стад разводится на корм драконам.

Утолив жажду, часть драконов взмыла в воздух. Они взлетали на головокружительную высоту, а затем, сложив крылья, стремительно падали в воду, ныряли, крутились и брызгались друг в друга проворными крыльями, заманивая тех, кто остался на берегу, и более всего напоминая резвящихся детей.

— Видишь? — сказала Сьонелл. — Они никому не причинят зла. Кроме того, — лукаво добавила она, — я не принцесса, а все знают, что драконы предпочитают принцесс.

— Тише! — сказал Вальвис, сжав ее плечо.

Сьонед взглянула на сына. В его глазах, направленных на драконов, читалась беззаветная любовь, точь-в-точь как у отца. Золото ничего не значило для них обоих; они любили драконов как часть Пустыни, как своих кровных братьев.

Постепенно все эти создания вылезали из воды на солнце. Сьонед восхитилась разнообразием оттенков их шкур: каждый из драконов был особенного цвета. Она выбрала себе одного — красноватого, чуть меньше остальных. Он отряхи-

вал капли с крыльев, алмазами разлетавшиеся в стороны. Некоторое время Сьонед просто следила, не зная, сможет ли решиться. Драконы явно обладали чувством юмора, и она была уверена, что их мысли тоже имели цвета. Сьонед сплела несколько солнечных лучей и осторожно направила золотисто-шелковую прядь к этому маленькому дракону.

Дракон — нет, драконша — изогнула шею и раскинула крылья веером, так что стали видны редкостные золотистые подкрылки. Она затрясла головой, освобождая глаза от воды, все еще тонкими струйками стекавшей по морде. Голова ее вопросительно повернулась; она расправила крылья и уложила их вдоль спины. Сьонед показала свои собственные цвета — изумруд, сапфир, оникс, янтарь и их спектр, навечно запечатленный в памяти. Драконша вскинула голову и принялась отряхиваться. Сьонед попыталась достигнуть более близкого контакта. Вдруг драконша испустила носом протяжный вой и затрепетала.

Неожиданно для Сьонед солнечный свет взорвался целой радугой красок. Она вскрикнула, и в тот же миг перепуганная маленькая драконша рванулась в воздух. Все остальные драконы устремились за ней, дружно подвывая от страха.

— Мама!

Поль пытался поддержать Сьонед. Вальвис и Сьонелл, стоя по бокам, старались смягчить ее падение. Сьонед сделала несколько судорожных вдохов, ее тело била дрожь. Она сумела улыбнуться посеревавшему от волнения сыну.

— Я в порядке, — прошептала принцесса.

— Зато драконы нет! — мрачно ответил Вальвис. — Слышите?

Дикий вой неся от исчезавшего вдали темного пятна. Сьонед пошевелилась и поморщилась от боли.

— Я была слишком неуклюжа. Я ее испугала.

— О чем это вы? — встрепнулся Вальвис. — Миледи, что вы сделали?

За нее ответил Поль, стоявший рядом на коленях:

— Она использовала солнечный свет, чтобы прикоснуться к дракону.

— Что ты сделала?

Сверкающие глаза Рохана сверху вниз смотрели на женщину, сидевшую в кресле и потягивавшую напиток со льдом так спокойно, словно она только что вернулась с обычной прогулки.

— Ну, пожалуйста, хватит ворчать. Ты не сможешь сказать мне ничего такого, в чем бы я себя уже не обвинила.

— Когда я спрашивал, сможешь ли ты коснуться дракона, я не имел в виду, что ты сделаешь это с риском для жизни!

— В следующий раз я буду осторожнее.

— Следующего раза не будет! — Он подошел к окну и посмотрел на тихую поверхность воды. — Крик слышали даже в Серебряной Нити!

— Мой или драконов?

— Я думаю, это было одно и то же.

Слова мужа заставили ее задуматься.

— Возможно, ты прав, — признала она.

Рохан начал ходить по комнате.

— Твои фарадимы говорят о том, что можно потеряться в тени. А вдруг ты потеряешься в красках драконов и не сможешь вспомнить твои собственные? Это будет ничуть не лучше, не так ли?

— Но ведь ничего подобного не случилось!

— На этот раз!

Она поставила кубок и положила руки на колени.

— Ты хочешь запретить мне новые попытки?

— Надеюсь, ты сама обещаешь не делать этого, — поправил он.

Сьонед закусила губу.

— Я никогда не лгала тебе.

— Но ты готова пренебречь опасностью ради удовлетворения любопытства. Нет, ты слишком горда, чтобы лгать, и слишком умна, чтобы поставить себя в такое положение, когда ничего другого не остается. Милая моя, за двадцать один прожитый вместе год я изучил тебя вдоль и поперек!

Она ничего не ответила.

— Сьонед, есть много способов потерять тебя даже тогда, когда все идет хорошо. Я не хотел бы добавить к этому списку еще один пункт только из-за своих глупых домыслов. Прямой запрет не принесет никакой пользы, и мы оба это знаем. Впрочем, заставляя тебя давать обещание тоже бессмысленно. Значит, мне придется доверять твоему собственному здравому смыслу и надеяться на то, что ты захочешь дожить до совершеннолетия сына.

Она встрепелулась.

— Рохан, это нечестно!

— А как бы ты поступила на моем месте?

Она пристально посмотрела на мужа.

— Хорошо, я дам тебе обещание. Я не буду пытаться делать это в отсутствие Мааркена. Если он будет рядом, то сможет поддержать меня и восстановит мои цвета, когда я начну их забывать.

— Так же, как ты помогла Тобин в ту ночь, когда ее поймали в ловушку лунного света?

— Да. Я знала ее цвета и могла вернуть назад. Я обещаю, что не буду прикасаться к драконам без такого же контакта с Мааркеном. Это удовлетворит вас, милорд?

— Надеюсь,— сказал он и протянул к ней руки.— Вы опасная женщина, верховная принцесса!

— А вы опасный мужчина, верховный принц,— слегка улыбнулась она.— Поэтому мы и подходим друг другу, правда?

Он только хмыкнул в ответ.

* * *

Посреди ночи всех разбудило рычание дракона. Рохан и Сьонед набросили одежду и поспешили во двор, где при свете факела собралось сконфуженное и слегка напуганное население Скайбоула. Заспанный и встревоженный Оствель протиснулся сквозь толпу и подошел к Рохану.

— Никогда не слышал, чтобы они кричали в это время! Как ты думаешь, что происходит?— Он поморщился, когда еще один высокий визг разорвал воздух.— О Богиня! Ты только послушай! Что это с ними?

— Не знаю,—ответил Рохан, оглядываясь по сторонам.— А где Поль? Сьонед, ты не видела Поля?

— Нет. Если он удрал поглазеть на драконов, ты поможешь мне его отщепать. Вальвис!—позвала она, ища взглядом лорда Ремагевского.— Ты не видел Поля?

— Нет. Да и Мааркена тоже не видно...

Чейн и Тобин прибежали как раз вовремя, чтобы услышать конец фразы. Тобин помедлила и спросила у Сьонед:

— Ты не думаешь, что они попытались коснуться драконов?

Сьонед побледнела.

— Они не так глупы... Поль!—закричала она.— Поль!

— Мама! Я здесь, наверху!

Принц и Мааркен стояли на балконе над воротами вместе с несколькими стражниками Скайбоула. Все дружно подняли глаза, когда Рохан крикнул:

— Что вы там делаете? Немедленно спускайтесь!

— Но мы отсюда видим драконов, отец! Они сражаются на берегу!

— Я тоже хочу посмотреть!—Сьонелл выскользнула из рук Фейлин и побежала к лестнице.

Рохан повернулся к Оствелю.

— Все должны быть внутри. Они могут смотреть, если хотят, но никому и носа нельзя высунуть из стен крепости, пока самцы не прекратят выяснять отношения. Похоже, они готовы напасть на все движущееся.

— Конечно, милорд. Но я никогда не слышал, чтобы они сражались ночью.

Взошли луны, освещая воду серебристо-пепельным светом. Через узкое окно балкона на половине пути к озеру были видны два дракона. Их зубы и когти поблескивали, крылья были плотно сложены. Они вызывающе рычали и дергали головами, полосую и без того кровоточащие шкуры. Драконы-подростки сидели на краю кратера, наблюдая за боем. Через три года они тоже будут насмерть биться за обладание дамой.

Поль помогал Сьонелл выглядывать в окно, придерживая девочку за талию. Оба не заметили, как вошли старшие, и опомнились только тогда, когда Фейлин сняла дочку с подоконника и отвела подальше от опасного места.

— Я вовсе не собиралась падать! — запротестовала Сьонелл. — Поль стоял рядом и держал меня!

— За что ему большое спасибо, — ответила Фейлин. — Но ты будешь держаться подальше от окна, моя дорогая.

Поль присоединился к родителям, примостившимся на каменном карнизе, где в военное время лучники, стоя на колене, пускали стрелы в узкие бойницы.

— Как вы думаете, который победит?

Оба дракона были ранены. Один из них держал переднюю лапу так неловко, что было больно смотреть. Затем бой переместился в воздух. Трехлетки испугались и тоже замахали крыльями. Сражающиеся кружились, лязгая потемневшими от крови челюстями, и били друг друга когтями и хвостами.

Оба хрюкали от усилий, и этот звук, как и шум сталкивающихся тел, эхом кружил по всему кратеру. Дракон потемнее взлетел выше соперника, и на мгновение все подумали, что он бежит с поля боя. Но тот устремился вниз и всеми когтями и зубами вонзился в спину врага.

Раненое чудовище заревело от боли и ярости, теряя власть над собственными крыльями. Хвост нападающего хлестнул по его левому крылу; даже на балконе был слышен хруст ломающихся костей. Кто-то застонал от жалости. Бойцы стали терять высоту и полетели в сторону озера, где поверженный дракон должен был врезаться в каменистый берег. Однако у него еще было достаточно сил и разума, чтобы изменить направление полета, и оба дракона с мощным всплеском упали в воду.

Победитель с ликующим криком взлетел вверх, а побежденный крутился в воде, тщетно пытаясь заставить работать сломанное крыло. Подростки улетели вслед за триумфатором, оставив смертельно раненного дракона умирать.

Рохан выбежал из ворот крепости прежде, чем кто-либо, кроме Сьонед и Поля, заметил его исчезновение. Задыхаясь, он добрался до берега озера. Бледный лунный свет освещал окрашенную кровью воду. Движения дракона, пытавшегося остаться на плаву, становились все слабее и слабее. Самец почти добрался до берега, но даже если бы он вылез на сушу, все равно умер бы от ран. Рохан увидел в огромных темных глазах, что дракон это знал. Но самец все же не сдавался и не

оставлял попыток выбраться. У Рохана сжалось сердце, в глазах защипало.

— Жаль,— прошептал он.— Как жаль...

Остальные догнали его. Рохан почувствовал прикосновение Сьонед.

— Мы можем ему помочь?— спросила жена.

Он покачал головой.

— У него не работает крыло, и он потерял слишком много крови.

— Отец, пожалуйста,— тихо сказал Поль.— Посмотри в его глаза.

— А хотя бы избавить его от боли можно?— сжала его руку Сьонед.

Дракон застонал. Этому звуку откликнулось многоголосое эхо, отразившееся от краев кратера. Драконы оплакивали близкую смерть своего товарища. В ночном небе больше не раздавалось хлопанья крыльев, но песня, рожденная поднятым в битве ветром, не умолкала.

— Принесите мой меч,— глухо сказал Рохан.

— Нет,— прошептал Чейн.— Никогда твой меч не сделает этого вновь, мой принц. Ни один дракон больше не умрет от твоей руки.

Принц сморщился, когда самец застонал снова.

Вперед вышел Вальвис.

— Это сделаю я,— тихо сказал он.— Фейлин, покажи мне, куда нужно ударить.

— Не надо,— сказала ему Сьонед.— Пойдем, Мааркен, я тебе кое-что покажу.

Они подошли к берегу. Тем временем истерзанный дракон достиг песчаной отмели; вокруг его тела зарыбились круги холодной воды. Сьонед тихо запела. Она стояла на расстоянии вытянутой руки от поникшей головы. Мааркен следовал за ней как тень. Она свила несколько прядей лунного света в мертвенно-бледный серебристый пучок, направив его к глазам дракона. Огромное тело задрожало: вздрогнули и Сьонед с Мааркеном. Глаза чудовища медленно закрылись. Мгновение спустя напряжение боли оставило мышцы, где-то рядом сверкнула маленькая вспышка. Шея дракона расслабилась, огромные легкие издали протяжный вздох, и он уснул.

Сьонед повернулась.

— Надеюсь, он успокоился.

— Мама, ты коснулась его? — выдохнул Поль.

— Нет. Я просто помогла ему уснуть.

Тобин медленно кивнула.

— Когда-то Андраде делала то же самое, помнишь, Рохан? Мы тогда были маленькими.

Сьонед согласно кивнула.

— Это одно из знаний, получаемых с девятым кольцом.

— Но ты... — Чейн остановился, нахмурился и пожал плечами: — К чему вопросы? Я много раз видел, как у тебя получалось то, чего ты уметь не могла...

— В том числе и то, о чем Андраде не имеет понятия, — закончила Сьонед. — Мааркен, запомнил, как это делается? Ты сумел почувствовать его цвета?

— Я понял порядок сворачивания лучей, — ответил он. — И еще я видел целую радугу красок. Они медленно затухали. Это несложно, Сьонед. Весь вопрос только в том, когда и с каким драконом.

Рохан подошел к голове чудовища и похлопал по длинной шее, в которой жизнь билась все слабее и слабее. Он никогда еще не касался живых драконов, никогда не подходил к ним так близко. Шкура была гладкой и прохладной, переливаясь в лунном свете цветами от темно-зеленого до коричневого. Кончиками пальцев принц провел по надбровной дуге, по носу и подбородку, легко коснулся века, чувствуя их нежную шелковистость. Как он прекрасен, даже в мгновение смерти...

Он оглянулся на жену и тихо сказал:

— Спасибо...

* * *

Два дня спустя Поль лежал перед расстеленной поверх ковра картой, безуспешно пытаясь отыскать маршрут на север, по которому шли в Тиглат его отец, Чейн, Оствель и Вальвис. Лицо мальчика помрачнело. Принц был расстроен, что ему не позволили отправиться с ними. Как объяснили Полю, причиной отказа было соседство Тиглата с логовом меридов, однако мальчик подозревал, что во всем виноват

его возраст. Еще не кончится зима, как ему исполнится пятнадцать, а его все еще считают ребенком. Это было унижительно.

Но перед тем ему разрешили присутствовать на военном совете. Мальчик был захвачен не столько обсуждением тактики, сколько изменениями, которые происходили с людьми, знакомыми ему с детства. Отец, дядя, тетя, племянники и друзья исчезали. Они становились верховным принцем, принцессой-воином, атри Радзина, Белых Скал, Скайбоула и Ремагева. Даже его мать забывала о роли сопровительницы и превращалась в «Гонца Солнца» при верховном принце. Как бы ни был интересен сам совет, Поль обнаружил, что перевоплощение их в официальные лица куда более поучительно. Ему придется понять, как подчинять свою личность чувству ответственности, накладываемой на человека его положением в обществе.

Самая потрясающая метаморфоза произошла с Тобин. Тетя — улыбочивая и женственная — с явным удовольствием говорила о разгроме Кунаксы, если принц Мийон решится на такую глупость, как вторжение в Фирон. Направления наступления, возможные людские потери, разрушение замка Пайн, избиение меридов до их полного уничтожения... Тобин прекрасно знала военное дело. Сначала мальчика забавляла ее жизнерадостная свирепость, но затем, когда Поль осознал, что слова тетки имеют огромный вес, он испугался. Однако более всего его потрясла ведущая роль Тобин в обсуждении военных проблем. Она была предана интересам Пустыни, хотя ее представления о способах соблюдения этих интересов были более чем кровожадными. Тобин представляла точку зрения своего отца: принц Зехава в свое время больше всего любил удалую битву, победа в которой приносила ему как земли, так и славу.

Слушая разговоры взрослых, Поль все лучше понимал, что его отец окружен разными людьми, выразившими разные точки зрения и не колеблясь высказывавшими их. Поль надеялся, что когда настанет его черед, он услышит такие же свободно выражаемые мнения. Тем не менее Рохану удавалось держать совет под контролем, хотя он редко вмешивался в разговор, да и то лишь затем, чтобы вернуть беседу к главному. Решения он будет принимать один, и все это зна-

ли. Они доказывали свои личные точки зрения, но никогда не случалось так, чтобы кто-либо из этих могущественных людей ставил под сомнение верховенство Рохана. Полю внушало благоговейный страх это молчаливое доказательство власти его отца.

Маневры воинов Пустыни и отборных частей Марки специально устраивались нерегулярно, чтобы никого не насторожить. Чейн объяснял, что это тренировка, которая сможет познакомить солдат из обеих стран с тактикой соседей. Следующие учения он предложил провести в горах, чтобы войска, привыкшие к условиям Пустыни, смогли получить представление о том, как вести сражение в других местах.

Скайбоул не был готов принять большое войско, поэтому точкой сбора назначили старый гарнизон чуть южнее развалин замка Феруче. На карте Поль искал все владения Пустыни и места сосредоточения солдат Марки и только присвистывал, узнавая, что пехоты будет три сотни, а всадников — не меньше двухсот.

— Хватит, чтобы произвести впечатление, но недостаточно, чтобы спровоцировать, — подвел итог Мааркен.

Поль воображал себе лагерь, который будет вскоре сооружен на высокогорной равнине у стен Тиглата. Палатки, кухни, несметное множество сложенных у палаток копий и мечей пехотинцев, лошади, привязанные неподалеку от всадников, луки с ослабленной тетивой и стрелы, бережно хранимые в кожаных колчанах. Выше двухвостых флагов всех лордств и владений Пустыни будет развеваться бело-голубое знамя Вальвиса с золотым драконом в наверху, что означает его положение командующего северной армией верховного принца. Темно-фиолетовый цвет Марки тоже будет здесь, с голубым символом Пустыни наверху. Будет парад и фехтование, соревнования лучников, тренировка всадников в атаке и маневрах, необходимых для ведения боя. Все это возникало в неумном воображении мальчика, заставляя его стремиться в поход и хотя бы наблюдать, если он пока не может, как настоящий солдат, быть его полноправным участником.

Поль вздохнул. Почти все ускакали с воинами Вальвиса и Оствеля. Рохан и Чейн вернутся через десять дней или чуть позже, когда окажут поддержку Вальвису и встретятся еще

кое с кем из Марки. Оствель будет отсутствовать дольше: он нанесет визит лорду Абидиасу Туатскому, затем поедет в Тиглат и привезет новости о маневрах Рохану в Скайбоул. Только часть войск, которые можно было призвать из Пустыни и Марки, принимала участие в маневрах, но Поллю отчаянно хотелось взглянуть на происходящее.

Упрямый внутренний голос говорил мальчику, что при желании он сможет это сделать. Он был «Гоним Солнца» — конечно, необученным — но знал, что мог бы попытаться скользнуть за ними в Тиглат. О Богиня, как он этого желал, но не мог позволить себе даже думать об этом. Он тоже нес свой груз ответственности. А как хотелось...

Поль в задумчивости чертил пальцем круги на карте и давал себе клятву, что когда он станет старше, никто не заставит его оставаться на месте, если ему захочется быть где-то еще... Ну что ж, раз ему не дают ощутить волнение и подъем летнего похода, он займется чем-нибудь другим, не менее интересным. Его палец покинул Тиглат и коснулся маленького символа, обозначавшего на карте замок Крэг, расположенный высоко в горах Вереш, на реке Фаолейн.

Им предстояла поездка туда, но никакого определенного маршрута не существовало. Они будут странствовать, как придет в голову. Достоверно было известно только одно: Пандсала ждет их в замке Крэг к определенному сроку, и остановка там перед поездкой в Виз, на Риаллу, будет довольно продолжительной.

Поль однажды видел далекие пурпурные вершины гор Вереш, увенчанные белыми шапками, однако было это так давно, что он сомневался в реальности собственных воспоминаний. На Дорвале были горы, но они никогда не видели снега. Помечтав, он решил, что радость лицезреть такое чудо, как хвойные леса, озера, луга, широкие реки и особенно снег, мало чем уступает удовольствию провести лето в военном лагере.

— Ах, вот ты где!

Поль поднял взгляд. Сьонелл явно обладала сверхъестественной способностью отыскивать его.

— Добрый день, — вежливо сказал он.

— Мы с Янави собираемся прокатиться верхом. Хочешь с нами?

— Нет, но за приглашение спасибо.

Сьонелл пожала плечами и села в кресло.

— Почему Риян «Гонец Солнца», хотя его отец вовсе не фарадим?

— Потому же, почему и Мааркен. Лорд Чейналь тоже не обладает даром.

— Как и твой отец, — кивнув, сказала она. — Это всегда передается через мать, да?

— Никто не знает, откуда это идет. — Он начал сворачивать карту. — Отец моей бабушки был фарадимом, хотя и необученным, и даже его жена ни о чём не подозревала. Но одной из их дочерей-близнецов стала леди Андраде, самая могущественная из «Гонцов Солнца», а второй — моя бабушка, принцесса Милар.

— У принцессы Тобин тоже есть дар, а у твоего отца нет. И у ее детей все по-разному. Ужасный беспорядок! — фыркнула она. — Но ведь ты тоже фарадим. Думаешь, ты будешь таким же могучим «Гонцом Солнца», как и твоя мать? — спросила девочка.

— Надеюсь, что да.

— Мне бы хотелось стать «Гонцом Солнца» и прикоснуться к дракону.

— Это совсем не то, что должен делать настоящий фарадим. — Он встал и положил карту назад в коробку. — Быть фарадимом — это...

— Но ведь ты хочешь коснуться дракона солнечным светом, правда? — прервала она.

Поль отвернулся от пронизательных голубых глаз.

— Не твое дело, — пробормотал он.

— Но ведь хочешь! Я знаю о тебе все. Даже то, что тебе не хотелось бы, чтобы я знала.

— Например? — обернулся он.

Она дерзко усмехнулась.

— Не скажу!

— Лучше скажи.

Она спрыгнула с кресла, засмеялась и вылетела в открытую дверь. Поль бросил карту и помчался следом, догнав де-

вочку только на лестнице. Он сделал попытку взять Сьонелл за подбородок, но та вырвалась.

— Сьонелл! Скажи мне!

— Не скажу, пока не пообещаешь поехать с нами кататься!

— Ты самый невозможный ребенок на свете.

— Я не ребенок!

— Ребенок. И прекрати говорить о том, о чем понятия не имеешь.— Он повернулся, готовый вернуться в комнату.

— Поль, но ведь я действительно кое-что знаю! Я знаю, *зачем* тебе надо коснуться драконов. Ты хочешь передать им, что они могут вернуться назад, в ущелье Ривенрок, потому что опасности нет.

Он в смятении обернулся и пристально взглянул на Сьонелл.

— Откуда ты знаешь?

— Но это ведь как раз то, что сделала бы я, если бы была «Гонцом Солнца»!

Поль сверху вниз посмотрел на пухлое маленькое личико. В нем стало просыпаться уважение к этой девочке.

— Ты бы сделала это? Так ты разбираешься в драконах?

— Моя мама многие годы изучала драконов. Она знает о них больше всех на свете. А мы с мамой только о них и разговариваем.

Неожиданно Поль услышал себя со стороны.

— А я очень мало знаю о драконах. Может, расскажешь?

Сьонелл на мгновение засияла от счастья, затем вспомнила о гордости и взглянула на носки своих туфель, постукивая ногой по ступеньке.

— Может, и рассказала бы, если бы ты был повежливее. Знаешь, ты иногда бываешь ужасно вредным.

— Извини.— Поль пытался придумать, что бы ему еще сказать.

Сьонелл избавила его от этой необходимости, застенчиво улыбнувшись. Однажды, вдруг подумал Поль, эта девочка станет настоящей красавицей. К еще большему удивлению, он чуть не сказал об этом ей, но стены Скайбоула вдруг задрожали от грохота.

— Черт побери, это еще что такое?— выпалил он.

— А ты прислушайся.

- Снова драконы дерутся?
— Неужели не слышишь разницы? — усмехнулась она.
— Судя по звуку, они не голодны, — отважился предположить он.
— Конечно, нет. Они спариваются.

* * *

Сьонед и Мааркен провели последние несколько дней в компании с Фейлин, которая занималась утомительным процессом вскрытия дракона. Сначала это кровавое дело вызывало у обоих «Гонцов Солнца» тошноту, однако вскоре им пришлось расстаться с излишней чувствительностью. Было что-то завораживающее в том, как работают мышцы, в тонких костях летучего тела, и это помогало преодолеть желудочные спазмы.

Фейлин искренне уважала драконов и сожалела, что приходится тревожить покойника. Но любопытство оказалось сильнее. Она диктовала свои открытия и находки двум писцам, каждый из которых надеялся на память Сьонед, чтобы восстановить то, что они иногда пропускали. Тем временем Мааркен делал профессиональные зарисовки. Его изображения тончайших связей между мышцами и костями были настоящим произведением искусства. Другие слуги были заняты сооружением каменного погребального ложа для останков дракона, которые предстояло переместить туда, когда Фейлин закончит описывать, а Мааркен рисовать их.

— Мозг в два раза больше нашего, но в нем нет такого количества извилин, — говорила Фейлин, держа обеими руками массу серого вещества. — Он также гораздо больше в задней части, где соединяется со спинным мозгом, и не так развит в передних долях...

— Подожди, — остановила ее Сьонед, — а когда это ты видела человеческий мозг?

Фейлин откашлялась и смущенно взглянула на нее.

— Ну... моя мать была врачом. Ей нравилось узнавать, как что работает.

— Но откуда...

— Однажды она нашла в холмах мертвеца. Опознать че-

ловека было невозможно, да никто его и не разыскивал... После всего мы совершили погребальный обряд,— виновато закончила она.

Мааркен оторвался от рисунков и округлил глаза. Сьонед перевела дух, потрясла головой и тихо произнесла:

— Я жалею, что спросила. Продолжай, Фейлин.

Мозг, глаза, язык, губы, строение носоглотки — все было измерено, описано и передано Мааркену для зарисовки. Последние два дня Фейлин скрупулезно исследовала крупные части — лапы, желудок, легкие, крылья и сердце.

Один из писцов, с трудом закончивший описание состава последнего обеда дракона после вскрытия желудка, в конце концов не выдержал и отказался слушать результаты препарирования глаз. Бедняга бросил пергамент и перо и побежал к озеру, где ему, без сомнения, стало плохо. Его место заняла Сьонед, записывавшая все стоящее и дававшая себе клятву, что верховную принцессу не вырвет на людях.

— Мааркен, у тебя такое же зеленое лицо, как у беременной,— неожиданно сказала Фейлин.

— Кровь крови рознь,— ответил он.— Она отличается от крови на поле боя.

— Резать дракона в научных целях хуже, чем резать людей?

— Это совершенно разные вещи,— упрямо твердил он.

— У него своя точка зрения,— заметила Сьонед.— Тебе понравилось бы, если бы кто-то начал разрезать *тебя* на составные части?

— Я бы сильно возражала, будь я жива! Но если я мертва, какое это имеет значение? Какая мне польза от моего тела, когда его покинет душа?— Фейлин положила последний кусок черепа перед Мааркеном, потянулась и присела на корточки рядом со Сьонед.— Как бы то ни было, шанс был слишком редкий, чтобы его упустить.

— Но мне кажется...— Сьонед беспомощно пожала плечами.

— А что было делать? Моя мать была не единственным исследователем человеческого тела. Возражает ли труп против языков пламени, в котором его сжигают? Так с какой стати ему возражать против вскрытия?

— И все равно, мне не хотелось бы, чтобы кто-либо сотворил такое со мной,— ответила Сьонед.

— А если мы с помощью этого дракона узнаем что-то такое, что поможет лучше понять всю их расу?

— Я не спорю, Фейлин. Я ведь сама вызвалась тебе помогать. Но боюсь, что не смогу смотреть на это так же спокойно, как ты.

— Кажется, я знаю, почему,— откликнулся Мааркен.— Спокойно можно относиться ко вскрытию любого из животных, которых мы используем в пищу. Но мы со Сьонед касались цветов дракона. Единственные другие существа, с которыми можно сделать то же самое,— люди. А это решительно меняет дело.

Они закончили вскрытие ранним вечером и вылили на расчлененное тело несколько флажек душистой воды. Сьонед и Мааркен вместе вызвали Огонь, чтобы сжечь останки, и в воздухе распространился пряно-сладкий запах. Писцы и слуги с облегчением вернулись в Скайбоул, оставив Сьонед, Фейлин и Мааркена смотреть, как догорает погребальный костер.

Когда небо расколол рев спаривающихся драконов, все трое так и подпрыгнули. Фейлин, уважение которой к драконам включало и здоровый страх перед ними, побелела, и Сьонед взяла ее за руку.

— Они просто спариваются. Мы такое уже слышали.

— Я тоже, но так и не могу привыкнуть. Это ужасно,— нервно сказала она.— Я могу их изучать, пересчитывать, наблюдать за ними, даже препарировать, чтобы узнать, как они устроены. Но что-то в их голосах переворачивает мне душу.

Она вновь вздрогнула, когда голоса драконов грянули над северным склоном кратера.

— О Богиня!

Глаза Сьонед неотрывно следили за маленькой красноватой драконшей с подкрылками золотистого цвета — той самой, которой она пыталась коснуться. Стая вернулась к озеру, чтобы напиться; казалось, трехлеток не тревожили ни крики спаривающихся, ни горящий мертвый дракон. Они были недостаточно взрослыми, чтобы осознать или заинтересоваться первыми, а мертвый самец был оплакан и вычер-

кнут из их памяти. Привыкшая распространять человеческие эмоции на драконов, Сьонед нашла, что это невыразимо грустно.

Вспомнив данное Рохану обещание, она взглянула на Мааркена. Тот ответил ей настороженным взглядом и наконец кивнул. Сьонед удостоверилась, что с Фейлин все в порядке, а потом вернулась к племяннику.

— Поддержи меня,— вот и все, что она ему сказала, тут же ощутив искусное плетение солнечных лучей натренированным, дисциплинированным разумом фарадима. Его рубин, янтарь и алмаз создали яркое сочетание с ее собственными изумрудом, сапфиром, янтарем и ониксом; спектры дополняли друг друга, но цвета Сьонед доминировали, как она и просила. Однако все великолепие их красок было ничем по сравнению с вихрем оттенков, в который Сьонед так внезапно окунулась во время первого случайного столкновения с драконом. В мозгу Сьонед замелькали радуги; она почувствовала головокружение от цветов, повторявшихся в сотнях нюансов, и каждый нес с собой звук, картину, впечатление, воспоминание или инстинкт — слишком много для того, чтобы охватить все разумом, запомнить и в одиночку преобразить в узнаваемые формы. Избыток красок потряс ее, лавина информации едва не лишила рассудка. Смутно, через бурю радуг, Сьонед почувствовала, что дракон разорвал контакт. А потом потеряла сознание.

— Сьонед! — Мааркен быстро подхватил ее, пораженный пепельным цветом ее щек и безжизненно поникшей головой. Отточенный навык помог ему удержать цвета Сьонед в полном соответствии с образцом, вернуть и восстановить их перед тем, как она потеряла сознание. Теперь ей не угрожала опасность потеряться в тени. Но глубокий обморок Сьонед лишил Мааркена присутствия духа. Дрожащая и побледневшая, Фейлин помогла ему уложить принцессу на землю.

— Мааркен, что за чертовщина?

— Не знаю... Я не касался дракона, так что понятия не имею, что она увидела и почувствовала. — Он положил ее голову на одну руку и осторожно похлопал по щекам другой. — Сьонед!

— Ведь это не может плохо кончиться, правда? Она не

кричала, как в прошлый раз. Да и дракон тоже.—Фейлин сняла с пояса кожаный бурдючок с водой—предмет, который обитатели Пустыни никогда не забывали взять с собой, где бы они ни были—и дала Сьонед напиться. Принцесса слегка глотнула, но это было чисто рефлекторное движение; ничто не показывало, что она собирается прийти в себя.

Мааркен увидел быструю тень и посмотрел вверх. Другие драконы улетели, но красноватая все еще была здесь; внутренняя поверхность крыльев драконши блестела, пока она кружилась над погребальным костром. Она закричала, издав тихий, горестный всхлип, затем спикировала вниз, чтобы взглянуть поближе, снова взлетела и с жалобным воем начала кружить прямо над ними.

— Она беспокоится о Сьонед,—прошептала Фейлин.— Это возможно?

Сьонед наконец пошевелилась и неуверенно приподнялась. Она сделала слабое движение рукой, словно защищаясь от чего-то, а затем открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь?—тревожно спросил Мааркен.

— Болит голова... и боль спускается в ноги. Мааркен...

— Ты ничего не помнишь?

— А что я должна помнить?—нахмурилась она.

— Не знаю. Я был недостаточно близко, чтобы видеть это самому. Но ты коснулась дракона, Сьонед. Должно быть, ты это сделала.

— Правда?—Она села, обхватила руками колени и прижалась к ним грудью.—Я помню, что хотела чего-то и просила поддержать меня, но после этого...

— Я думаю, лучше всего отнести миледи в замок и положить в постель,—сказала Фейлин. Сьонед охнула, когда Мааркен и Фейлин попытались помочь ей встать.

— О Богиня, я чувствую себя так, будто провела в Долгих Песках весь осенний сезон бурь.—Внезапно она посмотрела вверх на кричащую драконшу.—Она все еще здесь!

Красноватая, летавшая над озером, внезапно подлетела вплотную к Сьонед и взглянула на нее большими прекрасными темными глазами. Затем она затрубила; звонкая серебряная нота эхом отдалась в кратере, а драконша улетела в Пустыню.

Фейлин переглянулась с Мааркеном и сказала:

— Я слышала это в ее голосе.

Он кивнул.

— Думаю, я видел это в ее глазах. Она рада, что со Сьонед все в порядке и что она может вернуться к остальным.—

Мааркен задумчиво посмотрел на тетю.— Что-то произошло между вами. Я бы сказал, что вы подружились.

ГЛАВА 11

В 701-м году, в год Великого Мора, дворец в прибрежном поместье лордов Визских превратился в госпиталь для больных. К середине лета он стал мавзолеем. Несожженные тела гнили в комнатах и в коридорах, так как не хватало смелых людей, которые решились бы войти в здание с риском заразиться самим. Одним из последних решений старого лорда Джервиса стал приказ о сожжении его дворца — как для того, чтобы почтить память мертвых, так и для предотвращения дальнейшего распространения заразы. Джервис умер в день пожара, и тело старика перенесли из дома, в котором его семья нашла себе убежище, в прекрасное старое поместье у моря — чтобы сжечь вместе с дворцом и умершей прислугой.

Когда опасность миновала, вдова старого лорда перевезла выживших родственников в городской дом. За прошедшие годы лорд Лиелл купил дома по соседству, соединил их, прорубил стены, а часть снес, чтобы расчистить место под сады, добавил новых комнат, лестниц и переходов для соединения разных уровней. Дом стал пригодным для жилья, но в целом представлял собой причудливую композицию из тридцати комнат на пяти уровнях. Он не обладал ни элегантностью, ни величием приморского дворца, но это уродливое здание имело одно важное преимущество — по крайней мере, так считала леди Киле. Никто не смог бы уследить за всеми его входами и выходами, и это ее устраивало.

Миновав одну из дверей, она попала в помещение, которое некогда служило кухней; теперь же здесь располагалась кладовка. Она накинула тяжелый плащ, чтобы защититься

от вечерней прохлады, которой тянуло с залива Брокуэл. Никто не видел, как она через черный ход вышла в сад и проскользнула к задней калитке. Леди Киле миновала дома зажиточных торговцев и придворных, срезала путь через парк и стремительно зашагала по направлению к гавани. Местом ее назначения была ничем не примечательная хибара в глубине вонючего переулочка. Дом снимала для Киле ее старая нянька Афина, и человеку, который открыл дверь, было приказано ждать прихода знатной гостьи.

— *Милади*,— сказал он голосом, таким же просоленным, как и его шкура, неуклюже поклонился и провел ее в дом.— *Он* наверху и, похоже, сильно не в духе, милади.

Она пожала плечами и обвела взглядом жалкую комнатушку и женщину с грязными волосами, которая, сидя у камина, демонстративно пересчитывала золотые монеты. По заплеванному, грязному полу леди Киле прошла к лестнице. Мужчина шагал следом; треск и стоны полусгнившего дерева сопровождали их на всем пути. Жар и дым очага усиливал зловоние. Она прижимала к лицу носовой платок, вдыхая сильный аромат духов.

— Здесь, милади.— Мужчина плечом открыл большую дверь. Киле сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, и немедленно пожалела об этом, так как тут же ощутила сильный запах мужского пота, проникший даже сквозь прижатый к лицу шелк.

— Он не знает, что вы пришли,— добавил человек.

— Хорошо, оставь нас. Уверю тебя, я буду в полной безопасности.

Ее взгляд остановился на высокой фигуре, прислонившейся к чему-то за пределами пространства, освещенного свечами, и стоявшей спиной к двери. Ржавые петли скрипнули, и Киле оказалась в комнате наедине с человеком, который мог быть, а мог и не быть ее братом.

— Он прав. Я не знал, что ты будешь здесь, к тому же в такое мерзкое время!

Она окаменела от гнева, но, скомкав платок в руке, заставила себя улыбнуться.

— Впечатляюще! Интонации почти как у моего отца! Да и высокомерие тоже. Давай посмотрим, похож ли ты на него внешне. Подойди к свету.

— У *нашего* отца,— поправил он, повернулся и сделал несколько шагов вперед.

Слабый отблеск свечи на столе высветил лицо с высокими скулами и чувственным ртом. Его глаза напоминали зеленые кристаллы, подернутые инеем. У Киле перехватило дыхание, и она стала нащупывать стул. Он усмехнулся без тени веселья, позволил ей найти опору, сделал еще несколько шагов и навис над ней, словно тень. К ней вернулось детское воспоминание, что отец вел себя именно так и вызывал при этом такой же ужас. Но Киле уже не была ребенком, она была взрослой женщиной, и судьба этого человека находилась в ее руках.

— Ну, дорогая сестрица, о чем ты сейчас думаешь?

Овладев собой, она приказала:

— Садись и слушай. Ты можешь стать тем, кем хочешь, а можешь и не стать. Но, ради Богини, тебе надо выслушать меня и выполнить то, что я потребую. Только тогда тебе можно будет надеяться на достижение твоей цели.

Молодой человек улыбнулся.

— Это еще раз доказывает, что наши характеры похожи.— Он вытащил из-под стола другой стул, сел и вытянул длинные ноги.

— Сядь прямее. Скрести ноги, левую лодыжку положи на правое колено.

Юноша повиновался, но ухмылка не оставляла его лица. Киле спрятала платок, положила руки на стол и одним движением плеча сбросила на пол плащ, немного облегчив гнетущую жару. Некоторое время она молча рассматривала молодого человека, скрывая растущее возбуждение. Сейчас, когда Киле опомнилась от ледяной зелени его глаз, сходство казалось не слишком большим. Что-то не так было с подбородком, да и рот был чересчур широким. Существовали и другие различия. Но рост был таким же, а худоба соответствовала описанию Ролстры в юности.

— Ты пройдешь проверку,— коротко бросила она.— После обучения, конечно, и окраски волос. Надо придать им рыжеватый оттенок. У Палилы были рыжегато-каштановые. А твои слишком темные.

— Как у *нашего* отца,— парировал он.

— Рыжий колер заставит вспомнить о ней; согласишься, это

очень важно. Но сейчас объясни, почему тебе потребовалось столько времени, чтобы попасть сюда.

— Я выехал вовремя, в соответствии с наставлениями, полученными от женщины, которая, судя по всему, думала, что она моя тетка.— Молодой человек поморщился.— Дочь людей, которые утверждают, что они мои дед и бабка, но родство от меня не зависит. Деньги, которые были посланы, чтобы меня убедить, были твои или ее?

— Наглость тебе не поможет!— рявкнула она.— Отвечай, почему опоздал!

— Меня преследовали всадники.

— Кто?

— Не у кого было узнавать,— самодовольно заявил он.— Никто не ушел от меня живым. Они появились ночью, четверо, с ножами.

— На кого они были похожи?

— Крестьяне. Один из них бормотал что-то о человеке, который поможет мне бросить вызов князьку. Разговор шел о силе более могущественной, чем у фарадимов.— Он пожал плечами.— Мне не нужна ничья помощь. Я готов взять свое наследство сию же минуту.

— Ты должен был их допросить.

— Как? Расспрашивать их, пока они крошили бы меня на куски? Я услышал, как они приближаются, и притворился, что задремал у костра, а когда они подошли вплотную, начал убивать, пока они не успели убить меня. Дорогая сестричка, если тебе это не по вкусу, тут уж ничего не поделаешь!

— Не смей так называть меня! Еще предстоит доказать, что ты сын моего отца. А чтобы это сделать, тебе нужна я. И ты это знаешь, иначе бы не приехал... Кто научил тебя правильно разговаривать?

— Тебе хотелось, чтобы я изъяснялся, как крестьянин с гор?— усмехнулся он.— Это бы помогло создать иллюзию? Мне не нужны никакие фокусы! Я сын верховного принца Ролстры и его любовницы леди Палилы, рожденный почти двадцать один год назад в нескольких мерах отсюда, на реке Фаолейн. Любому, кто в этом сомневается...

— Не угрожай мне, мальчишка,— сказала она.— Мне вовсе не обязательно верить в тебя. Все, что мне нужно сде-

лать, это решить, поддержать тебя или нет. Как думаешь, далеко ли ты уйдешь без поддержки одной из дочерей Ролстры? Ну, так где же ты научился благородной речи?

Неожиданно он ответил:

— Двое дасанцев в юности служили в замке Крэг. Они учили меня.

— Хорошо. Можно будет сказать, что они распознали благородную кровь и решили обтесать. Мы поработаем над твоей внешностью и манерами. Я тебе помогу. А сейчас встань и пройдишь по комнате.

Юноша подчинился, но глаза его горели негодованием.

— Ну как, достаточно?

Она проигнорировала вопрос, не желая признавать, что эти энергичные движения причиняют ей боль. В волчьей походке сквозила решимость уничтожить любого, кто окажется на его пути.

— Встань у стены. Сложи руки на груди. Нет, выше. Хорошо. А сейчас убери волосы со лба. Используй пальцы как расческу. Правильно. Фехтовать умеешь?

— Учился. Поместье Дасан принадлежит отставному рыцарю, и он говорил мне, что я прирожденный боец. Я управляюсь с лошадьми, мечами... и ножами тоже. Это я уже доказал по дороге сюда, так что можешь не беспокоиться, — показал он на свой кинжал.

— Что меня действительно беспокоит, так это твое выскомерие и твой нрав. Тебе придется все время держать себя в руках и не выходить из роли. Ты не можешь просто ворваться на совет принцев и предъявить свои права. Дай моему мужу взять это на себя. Но придержи язык до того момента, когда он действительно понадобится, и прекрати на меня так смотреть, Масуль! Ты должен будешь доказать не только свои права на Марку, но и то, что ты сможешь ужиться с другими принцами! Они достаточно натерпелись от отца до того, как он умер, смею тебя уверить!

Это был совершенно неожиданный для Масуля поворот. Он опустил на стул и тяжело вздохнул.

— Прекрасно... Но сначала тебе придется кое-что понять. Я всю жизнь провел в этом истоптанном свиньями поместье, в самой занюханной дыре на свете. Кто бы ни смотрел на меня, ни у кого и мысли не возникало, что я могу

быть сыном верховного принца. Никого не удивляли ни цвет моих волос, ни рост, ни даже глаза.

Он встал и начал ходить по комнате. Киле наблюдала за ним с непроницаемым выражением. Ее отец точно так же шествовал по покоям замка Крэг. Но сильнее, чем это воспоминание, ее поразило ощущение огромной, едва сдерживаемой силы, исходящей от Масуля. Когда юноша проходил мимо, пламя свечи вздрагивало и свет бросал зловещие тени на его лицо.

— Слухи пошли, когда мне исполнилось пятнадцать зим. И если бы он был жив... Хотя что говорить? Расскажи, как все действительно произошло той ночью.

— Этого не знает почти никто,— прервала его Киле.— Палила, Янте, Ролстра, Андраде, Пандсала. Из этих пяти-первых первые трое мертвы.

— А двое выживших не встретят меня с распростертыми объятиями,— добавил он.

— Пандсала от власти не откажется,— согласилась Киле.— Она скорее втопчет в грязь собственную честь, чем допустит малейший промах, способный доказать, что ты сын Ролстры. Что касается Андраде, то она кровно связана с Пустыней и ненавидела Ролстру с пылом, который граничил с одержимостью. Я не думаю, что она будет лгать — для нее все это не имеет значения, но она умна, как целая банда торговцев шелком, и не скажет той правды, которая сможет доказать твои притязания.

— Тогда все кончено. Я должен быть похож на отца и Палилу, говорить то, что скажете вы с Лиеллом, а если буду вести себя паинькой, вы — так и быть — поместите меня в замок Крэг.— Он опять оскалился, как волк.

Ранее она намеревалась командовать им сама, но оказалось, что он обладает острым разумом и инстинктом самосохранения. Эти качества окажутся полезными, когда придется убеждать других, но она подозревала, что его благодарность за помощь будет продолжаться ровно столько, сколько займет дорога в замок Крэг.

— Я готов к обучению, дорогая сестричка,— сказал он и снова сел.

Она смотрела на него сквозь пламя свечи.

— Масуль, ты никогда не отрицывал бороду?

— Нет.

— Отрасти. Для этого есть причины. Во-первых, многие люди с темными волосами имеют рыжеватые бороды, и если у тебя дело обстоит именно так, то это нам только на руку. Во-вторых, до Риаллы ты будешь прятаться, а борода поможет тебе выглядеть старше.

— Ну, а третья причина?

Она улыбнулась.

— Представь себе, что ты появляешься на Риалле бородатый, и все, за что можно зацепиться в твоей внешности, это глаза. Затем ночью мы сбриваем бороду, а так как они уже будут готовы видеть в твоём лице Ролстру, то найдут сходство даже большее, чем оно есть на самом деле.

Масуль на мгновение застыл, а затем громко рассмеялся.

— Клянусь Отцом Бурь! Великолепно, сестричка, великолепно!

— Я еще не решила, сестра ли я тебе,— напомнила она.

Слова ее возымели действие; сначала он растерялся, потом возмутился, а потом проникся решимостью расположить Киле к себе, чтобы она ему действительно поверила. Удовлетворенная, она встала. Теперь он будет лезть из кожи вон, чтобы подтвердить свою личность. И если Киле уступит лишь в самом конце, если победа достанется с трудом, она будет для него слаще меда. Это добавит ему уверенности в своей способности убеждать остальных... А может быть, ему и не надо большей уверенности, подумала Киле, опять заворачиваясь в плащ. Тем не менее она доказала этому мальчишке свое превосходство. Теперь он сам захочет сделать так, как она ему сказала.

— Ты собираешься держать меня здесь до самой Риаллы?— спросил Масуль.

Она улыбнулась, удовлетворенная словами, которые подтверждали ее власть над ним.

— Если убраться, здесь будет совсем неплохо. Но когда в конце лета город начнет наполняться, мне придется перевести тебя в наше маленькое загородное поместье.

— Там ты встречаешься со своими любовниками?— предположил он. Она замахнулась, чтобы дать ему пощечину, но Масуль, улыбаясь, перехватил ее запястье.

— Да как ты смеешь! — возмутилась она. — Отпусти меня немедленно!

— У такой прекрасной женщины, как ты, должна быть куча любовников. Так обстоит дело со всеми высокородными, а особенно с отпрысками Ролстры. Сколько их было у Янте, прежде чем она умерла? Ах, как жаль, что ты мне родня, дорогая моя сестричка!

Она вывернулась из его рук.

— Не смей больше дотрагиваться до меня!

Оскал Масуля озлобил ее, как и его пародийный, насмешливый поклон. Она рванула дверь, захлопнула ее за спиной, бегом спустилась по ступеням и остановилась лишь на мгновение, чтобы отдать приказание выскрести дом добела к следующему приходу и бросить еще одну горстку золота женщине в оплату за труды. Покинув душное помещение, Киле вышла на улицу. Прохладный ночной воздух обжег ее горящие щеки, как ледяное дыхание урагана.

Немного отойдя от дома, Киле чуть успокоилась и поняла, что причиной ее гнева был просто шок. Предположение Масуля о любовниках и намек на то, что он не отказался бы стать одним из них, было бесстыдством самого низкого пошиба — он был в два раза младше Киле и впридачу приходился ей братом. Но что-то еще беспокоило ее. Она и раньше видела вожделение во взглядах мужчин, но эти зеленые глаза Масуля опять вызвали в ней воспоминания. Именно так Ролстра глядел на Палилу, да и на многих других красивых женщин. Нагло, высокомерно, самонадеянно отец манил их, и они тут же оказывались в его постели. Не потому что он был верховным принцем, а потому что был мужчиной, наслаждавшимся женскими телами. О, как много всего она увидела этой ночью! Взгляд в глаза Масуля начал убеждать ее, что мальчишка на самом деле мог быть сыном Ролстры.

Киле немного задержалась в прохладной темноте сада, глядя на окна, где за голубыми, красными и зелеными шторами горел свет. В некоторых окнах двигались тени. Неожиданно свет вырвался из окна на четвертом этаже, когда кто-то отодвинул шелковую занавеску. Киле замерла, а затем быстро спряталась за дерево. Она задержала дыхание и попыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Почему бы ей не прогуляться в собственном саду, если она того желает?

Но она стояла на том же месте, пока поток света опять не закрыла зеленая занавеска. Только тогда она восстановила дыхание и проскользнула в дом.

Проходя по коридору, Киле заметила, что слуги чем-то взволнованы. Она сбросила плащ прямо на ковер, чтобы его подобрал кто-нибудь из слуг, быстро глянула в зеркало, чтобы убедиться, что ее волосы и платье в порядке, и потребовала объяснить причину суматохи.

— Принцесса Чиана, миледи, она только что прибыла, и...

— Принцесса? Кто велел вам называть ее принцессой? — взорвалась Киле. — Впрочем, не имеет значения, я сама знаю, кто. Черт побери ее наглость! В моем доме она леди Чиана, и любой присвоивший ей более громкий титул будет наказан! Где она?

— С их светлостью, миледи, в третьей комнате.

Киле вошла в главный зал и снова рассвирепела, увидев на полу разбросанный багаж Чианы. Она приказала отнести его в приготовленные для единокровной сестры комнаты, успокоив себя тем, что очень скоро отомстит маленькой стерве. С этого момента она вся будет мед и шелк. Киле сделала соответствующую мину и улыбнулась при мысли о том, как сладка будет месть и какое неслыханное унижение ждет Чиану на Риаллу.

Третья комната была приготовлена для гостей. Она была самой большой и обставленной лучшей мебелью. Разница уровней, которая была сутью этого жилища, требовала множества лестниц, ведущих в спальни. Эти лестницы были удобны тем, что перед появлением в комнате у Киле всегда была возможность задержаться на ступеньках, не привлекая к себе внимания. Но сегодня ее не заботил ритуал захода в комнату, где Чиана и Лиелл сидели за столом, на котором дымились чашки с напитком.

Лиелл поднялся, Чиана нет. Киле скрыла раздражение от того, что сестра не оказывает ей знаков уважения. Приятно улыбнувшись и налив себе что-то из питья, она опустилась в кресло.

— Какой неожиданный визит, моя дорогая! Однако добро пожаловать. Как прошло путешествие?

Некоторое время обе женщины обменивались ничего не

значащими фразами. Вдруг Киле почувствовала приступ веселья, представив себе реакцию Чианы на Масуля. Она сможет наблюдать за ними обоими в течение всего длинного грядущего лета — разве может быть что-нибудь смешнее?

Уж Чиана точно была дочерью Ролстры и Палилы. Она унаследовала лучшие черты обоих — красавица неполным двадцати одного года, в которой были воплощены все мечты юности. Фисташкового цвета глаза дополнялись пышными ярко-рыжими волосами, завивавшимися соблазнительно длинными локонами. Она была не такой высокой, как родители, но очень пропорционально сложенной, а все ее прелести сейчас оттеняли тугой корсаж и приталенное платье. Киле заметила, что Лиелл не может оторвать взгляда от ее пышных форм. Женская интуиция подсказала ей разобраться с мужем сегодня же вечером. Не хватало еще, чтобы он вздумал ночью залезть в постель Чианы...

Она очнулась: разговор шел о сестрах.

— Найдра толста и самодовольна, — говорила Чиана с презрением. — Она даже не смогла принести Нарату сына. О других я ничего не слышала уже много лет. А вы с Лиеллом что-нибудь о них знаете?

Киле машинально пробежалась по списку.

— Пандсала сидит в замке Крэг; как всегда, мудра и щедра. Мория торчит в голубятне, подаренной ей Роханом, любит на то, как падают еловые шишки, или хлопочет по хозяйству. Не понимаю, как она умудряется круглый год выносить горы Вереш. Мосвен навещает Клуту: думаю, надеется окрутить Халиана.

— Этот высокий, худой как щепка, который вечно торчит с любовницей и дочерьми? Зачем он ей нужен? — захихикала Чиана.

— Конечно, из-за того, что он наследный принц, — ответил Лиелл. — Я не встречал ни одной из дочерей Ролстры, у которой не было бы чудовищного честолюбия, — сказал он и горделиво посмотрел на жену.

— Практичности, мой дорогой, — поправила она. — И желания выжить.

Взгляд Киле был полон любви, но внутри она проклинала мужа за неуместный намек. Однако если Лиелл и в самом

деле пленен ее честолюбием, то тем легче будет заставить его правильно действовать в деле с Масулем.

— О чем это я? Ах, да... Говорят, что смерть Рабии оставила Патвина безутешным. Это верно, но я думаю, что в нынешнем году он найдет себе какую-нибудь симпатичную девушку и женится снова. Да, Данлади сейчас при сирском дворе вместе с принцессой Геммой. Вот и весь список, Чиана, за исключением меня и тебя.— Она улыбнулась своей самой обворожительной улыбкой.— Я так рада, что ты приехала помочь мне в этом году с Риаллой. Клута очень требователен, а я уже истощила свой запас идей.

— Киле, я рада оказать тебе хоть какую-нибудь услугу. Мне это будет очень приятно. Да, ты слышала о типе, который заявляет, что он наш брат?

Киле была не готова к этому вопросу, и ей оставалось надеяться лишь на то, что эта неожиданная растерянность будет принята за неспособность выразить негодование такой наглостью. Лиелл помог заполнить паузу, и Киле поблагодарила Богиню за существование мужа. Такое случилось лишь пару раз за всю их совместную жизнь.

— Конечно, это неприятно,— сказал он,— но никого из нас по-настоящему не волнует.

— Говорят, он появится на Риалле, чтобы потребовать Марку. Это может случиться, Лиелл?

— Не утруждай свою очаровательную головку подобными мыслями.

Но Чиана будет «утруждать головку», и Киле знала об этом. Она улыбалась.

* * *

Принц Клута провел юность и зрелые годы в заботах о том, как бы его любимая Луговина не превратилась в поле брани для Пустыни и Марки. Горы разделяли два государства на всем протяжении их общей границы, однако широкие, равнинные земли Клутой лежали лакомым кусочком как раз между ними. Его отец и дед были свидетелями того, как воюющие армии сходились посреди пшеничных полей, оставляя после себя сожженные хлеба и разрушенные деревни. Клута никогда не беспокоился о том, кто одержит побе-

ду, если только битва не происходила на его территории. Годами он неутомимо трудился, чтобы предотвратить рукопашную сначала между Ролстрой и Зехавой, а позже — между Ролстрой и Роханом. Однако в течение последних четырнадцати лет правления Рохана в роли верховного принца и объединения двух государств его тревоги потихоньку сошли на нет.

Уже не беспокоясь о безопасности своих владений, он стал задумываться над внутренними делами. Среди всех его атри никто так не стремился к власти и интригам, как Лиелл Визский. Нельзя было сказать, что он обладал особенным умом или способностями сделать что-то большее, чем просто управлять городом. Главной причиной беспокойства Клуты служила Киле, дочь Ролстры. Лиелл считался союзником Пустыни, так как его сестра была замужем за властителем Тиглата, лордом Эльтанином. Она сама и их старший сын умерли во время чумы, но младший, Таллаин, выжил и стал наследником. Клута разрешил Лиеллу жениться на одной из дочерей Ролстры, потому что это позволяло Луговине сохранять определенное равновесие. Он не рассчитывал, что молодой лорд изменит Пустыне и по зову сердца присоединится к Ролстре во время войны с Роханом. С тех самых пор Клута не спускал глаз с правителей Виза.

Вот почему после весеннего визита он оставил в этом доме своего оруженосца. Молодость не была здесь желанным гостем, но ни Киле, ни Лиелл не могли отказать своему принцу, который предложил им помощь. Вполне довольный, Клута возвратился в свою крепость Суэйл, так как его оруженосец был не просто оруженосцем.

Риян был единственным сыном лорда Оствеля из Скайбоула и «Гонцом Солнца». В возрасте двенадцати лет его отослали к Клуте для обучения рыцарскому искусству. Там он провел два года, а затем отправился в Крепость Богини, чтобы усовершенствовать свой дар фарадима. Прошлым летом, когда ему исполнилось девятнадцать, Риян вернулся в Луговину. Ему было необходимо подготовиться к посвящению в рыцари во время Риаллы: хотя в Крепости Богини Риян успешно исполнял обязанности оруженосца лорда Уриваля, только рыцарь мог провести обряд посвящения, а Уриваль рыцарем не был. Таким образом, произвести юношу и вру-

чить ему меч предстояло Клуते. Затем Риян в новом качестве должен был вернуться к леди Андраде и продолжить обучение искусству «Гонца Солнца».

Лорд Мааркен заслужил свое рыцарство и свои кольца совсем другим способом. Обучение молодых лордов, которые к тому же были и фарадимами, считалось совершенно новым делом, и леди Андраде, честно говоря, экспериментировала, стараясь добиться как можно лучших результатов. Предстояло принять решение о том, как будет проводиться обучение принца Поля — останется ли он в Грэйперле с Ллейном и Чадриком или сделает перерыв, как Риян, чтобы сосредоточиться на обучении ремеслу фарадима, которое Мааркен уже познал. Все это еще предстояло решить.

Риян хорошо знал, что его обучение было всего лишь пробой пера, но ничуть не возражал. Ему одинаково нравились оба аспекта обучения. Он с нетерпением ждал того времени, когда станет лордом-фарадимом Скайбоула, и ни одной минуты не сомневался в том, что так оно и будет. Трудности, которые беспокоили Мааркена, Рияну были неизвестны. Он понимал сомнения старшего друга, но не разделял их. Во-первых, власть, которую он получил бы, став атри Скайбоула, не шла бы ни в какое сравнение с могуществом Мааркена — лорда Радзинского. Правда, он будет обладать золотыми пещерами, но кто знает о том, какую роль играет маленький Скайбоул в экономике Пустыни и Марки? К тому же он спокойнее, чем Мааркен, относился к своему статусу фарадима. Оствель не испытывал тех сомнений, которые иногда посещали лорда Чейналя. Риян не винил Чейна: люди, никогда не жившие среди «Гонцов Солнца», часто смотрели на них искоса. Но его собственный отец сам провел детство и юность в Крепости Богини; Оствель понимал фарадимов.

Риян готовился к тому, чтобы служить своему принцу, а не управлять самому. Мааркену же придется руководить обширными владениями Радзина, помогать править Полно, решать важные государственные дела, а если надо, то вести в бой армию. Ничего этого не было в будущем Рияна. Его мать, Камигвен, была кастеляном Стронгхолда и самой близкой подругой Сьонед — больше сестрой, чем служанкой. Оствель правил Скайбоулом от имени Рохана, но не

владел им. Рохан пытался передать ему, одному из своих самых могущественных вассалов, полные права на владение этой землей, однако Оствель наотрез отказался: Скайбоул был секретным оружием Пустыни. Оствель лишь присматривал за ним, верой и правдой служа своему повелителю. Когда придет его черед, Риян будет делать то же самое, как атри и как «Гонец Солнца».

Впрочем, сегодня вечером, бездельничая в спальне дома лорда Лиелла, он ломал голову совсем над другими проблемами. Риян довольно прозаично обдумывал, как бы поближе познакомиться с дочерью некоего купца. Девушка и ее отец сопровождали юного лорда в прогулках по Визу в первые дни пребывания, пока он знакомился с портовым городом. Джайяхин была обладательницей иссиня-черных волос, огромных голубых глаз и кожи, подобной лунному свету. Риян преклонялся перед слабым полом, особенно перед теми его представительницами, которые смеялись в ответ на его шутки и до конца сопротивлялись напору. Ее отец удостоверился, что Риян не допустит никаких вольностей, но юноша боялся, что купец не до конца оценил, что за его дочерью ухаживает наследник Скайбоула и друг самого принца Поля.

Утром Риян собирался спросить Джайяхин, что она думает о верховой загородной прогулке на целый день. В последнее время погода была довольно свежей. С залива дул сильный ветер, срывая цветы на клумбах и приводя в отчаяние садовников. Однако завтра могло стать потише. Он поднялся с кровати, подошел к окну, отодвинул занавеску и бросил взгляд на небо.

Узнать фигуру, которая стояла внизу, завернувшись в плащ, было нетрудно. На правой руке Киле всегда красовалось большое золотое кольцо с бриллиантами, которые отражали даже самый слабый свет. Брови Рияна взметнулись от удивления, когда он увидел, что леди прячется в тени дерева. Странно, подумал он, пожал плечами, задернул занавеску и вернулся на кровать.

Растянувшись на покрывале, юноша попытался подумать о Джайяхин, однако тут ему пришло в голову совместить Киле, прогуливающуюся в саду, и результаты собственных предыдущих наблюдений. Груда личных писем Киле представляла явный интерес: часть из них была адресована Мос-

вен, ее сестре по линии отца, в крепость Суэйл, другие — какой-то женщине в Эйнаре. Сама она иногда целый день пропадала в городе, заявляя позже, что делала покупки, но никогда не приносила в дом никаких свертков. Один-два раза он даже следил за ней из праздного любопытства и обнаружил, что Киле обладает замечательной способностью исчезать в замызганных переулках. Кроме того, его чрезвычайно заинтриговало то, что она пригласила в Виз Чиану.

Все знали, насколько Киле ненавидит свою младшую сестру. Именно прибытие Чианы и заставило Рияна сбежать наверх. Честно говоря, надо было остаться и понаблюдать, как Киле общается с сестрой, но терпеть Чиану в больших дозах было невозможно. О да, она была прекрасна, а при желании могла стать очаровательной, но при виде того, как она заигрывает с Лиеллом, Рияна начинало тошнить.

В конце концов он признал, что ночная прогулка Киле в саду подозрительна, надел сапоги и пошел вниз. Он уже более-менее изучил странную планировку дома и ошибался в среднем один раз на пять коридоров. Сегодня он был точен и быстро выскользнул в темный сад.

Юноша подошел к тому месту, где чуть ранее стояла Киле, и попытался найти ее следы. Рияну повезло: белый гравий на дорожке хранил отпечатки грязи. Вызвав небольшой язычок Огня — достаточный, чтобы осветить путь — он пошел по следам, которые вели к задней калитке. Его брови снова изогнулись от удивления. Итак, это не была ночная прогулка в саду, а возвращение откуда-то из города. Калитка не была заперта. Он открыл ее, услышав, как тихо скрипнули петли, и вышел в переулок, пытаясь представить, куда уходила и откуда возвращалась хозяйка. Не надо ли сообщить об этом Андраде?

Риян замер, повернувшись к лунам, светившим сквозь разбросанные ветром облака. Он плотно прижал одну ладонь к другой, ощущая четыре кольца, обозначающих статус ученика. Кое-что он мог и сам, хотя его навыки оставляли желать лучшего. Однако сейчас над ним были луны, а не сильный и постоянный свет солнца. Принцип был тот же. Решится ли он? Риян улыбнулся.

Он закрыл глаза, чтобы мысленно почувствовать тонкие пряди лунного света, силой разума свил их в пряди, попро-

бовал на прочность и был очарован их мягкой податливостью. Это оказалось легче, чем можно было думать.

Он послал свои цвета — гранат, жемчуг и сердолик — по сплетенному пучку лунных лучей. Его творение нежно замерцало, налилось блеском, и Риян принялся раскидывать лунное полотно над темными землями и усыпанной звездами водой. У юноши перехватило дыхание от лежавшей внизу красоты. Он так увлекся, что едва не пролетел мимо Крепости Богини. Сегодня в комнате с тремя стеклянными стенами, где всегда ожидал сообщений по крайней мере один из «Гонцов Солнца», на дежурстве был кто-то новенький, кого он не знал. Окна здесь были всегда открыты, за исключением ливней, когда облака и без того прерывали связь фарадимов. Риян проскользнул в комнату и коснулся цветов незнакомого «Гонца Солнца».

— *Храни тебя Богиня!* — весело поздоровался он. — *Риян из Скайбоула хочет говорить с леди Андраде.*

Испуг человека был почти комичен. После торопливого приветствия было послано извинение и обещание немедленно найти леди. Риян парил в комнате, представляя, что сейчас будет происходить. На дежурного фарадима будут кричать, леди Андраде потребует, чтобы ей сказали, что происходит. Потребуется некоторое время, чтобы она поднялась по лестнице из своей спальни в застекленную комнату...

Через несколько минут — гораздо быстрее, чем он ожидал — появилось мощное присутствие лунного света. Настоящие канаты захватили его пучок.

— *Как ты думаешь, дурачок, что с тобой теперь будет?*

— *Прошу извинения, миледи, но я думал...*

— *Неправильно думал. Неужели ты не чувствуешь, что твои пряди слишком хрупки, чтобы вернуться в Виз? И вообще — что ты там делаешь и почему я ничего об этом не знаю?*

— *Принц Клута оставил меня здесь, чтобы наблюдать за леди Киле и лордом Лиеллом. Я уже многое смог узнать. Впервые, здесь леди Чиана...*

Бриллианты Андраде болезненно вспыхнули, и Риян вздрогнул.

— *Хорошо, рассказывай.*

Он все рассказал, чувствуя ее изумление и подозрительность.

Подойдя к концу, Риян услышал что-то похожее на свист, но подумал, что это всего лишь плод его воображения.

— Ты правильно сделал, сообщив мне об этом,— признала она.— Продолжай следить не только за Киле, но и за Чианой. Только, ради Богини, в следующий раз дождись солнечного света, иначе я живьем сдеру с тебя шкуру и гвоздями приколочу ее к стене столовой, как предупреждение для юных дураков, которые думают, что они все знают.

— Да, миледи,— кротко сказал он.

— Ты меня понимаешь, Риян? Если бы ты попытался вернуться, лунные пряди раскрутились бы, как свернутое полотенце, и ты потерялся бы в тени. Твои четыре кольца не дают права пользоваться лунным светом! Теперь давай вместе вернемся туда, откуда ты прибыл, ладно?

Лунный свет казался гигантским рулоном шелка, протянувшимся из Крепости Богини в Виз. Риян очертя голову бросился вдоль него, задыхаясь от скорости и круговорота красок. Вернувшись в сад, он ощутил, как Андраде без усилий освободилась от его спектра и полетела назад.

Через несколько мгновений он оправился и дал себе обещание, что никогда больше не возьмется за то, чего не умеет. Возможно, луны и ближе, чем солнце, но свет, который от них исходит, тоньше и нежнее. Юноша и думать боялся о том, что могло произойти, если бы он попытался вернуться самостоятельно.

* * *

Андраде не покидала своих комнат, просто ткала врывавшийся в окна лунный свет. Мысленно вернувшись из Виза, она бросила взгляд на Уриваля и Андри, присоединившихся к ней после ужина, чтобы еще раз поговорить о свитках.

— Похоже, происходит что-то очень интересное,— сказала она и кратко изложила содержание своего разговора с Рияном.

— Интересное—самое правильное слово. Я только надеюсь, что все это не превратится в неразрешимую головоломку,— задумчиво кивнул Уриваль.

— Или во что-нибудь похуже,— тихо произнес Андри.

Андраде согласилась с их замечаниями.

— Не стоит поручать Рияну слишком много. Я пошлю в Виз еще кого-нибудь.

— Кого?—с надеждой спросил Андри.

— Не твое дело,—сурово взглянула на него бабушка.— Ты ничем не отличаешься от него. Много хотите знать, а еще ничего не умеете. Всего-то четыре-пять колец, а думают, что понимают вселенную! Ха!

Андри замер, а затем наклонил голову.

— Да, миледи.

— Хватит на сегодня. Можешь быть свободен.

Когда он ушел, Уриваль положил свитки в коробки и тоже двинулся было к двери, но остановился.

— Я понимаю, что мальчика надо одергивать. Но не слишком часто, а то он обидится и станет неуправляемым.

— Ты думаешь, он сейчас управляемый? Вспомни, какую лекцию он прочитал нам сегодня об этих свитках, леди Мерисели и истории «Гонцов Солнца», как будто первым узнал об этом! Если бы не его чертовский талант к переводу, я бы прогнала его и позвала кого-нибудь другого. Но у него светлая голова, и он хочет учиться.

— Такой же голодный разум, какой был у Сьонед, но только без ее покорности.

— Это Сьонед-то покорная? Они с Роханом оба отвергли меня с того самого дня, как поженились! Она много лет не носит кольца фарадима, только тот громадный изумруд... Покорная?—Она горько усмехнулась.

— Ты сегодня не в духе.

— Я знаю,—махнула рукой Андраде. Кольца и браслет сверкнули пламенем.—Если у Сьонед что-то и было, то здоровый страх перед той властью, которую ей могло дать знание. Андри же не боится ничего. Разве что меня, да и то сейчас. Но это ненадолго.

— Андраде, он похож на Сьонед тем, что им руководит любовь, а не страх.

— Я никогда не давала ему повода любить меня. Я никогда не желала этого, ни с одним из них. Не хотела, чтобы они обожали меня. В этом нет необходимости.

— Если ты хочешь, чтобы они сражались и работали для тебя...

— Остановись, Уриваль!

— Как пожелаете, миледи,— сказал сенешаль, и в голосе его прозвучало неодобрение.

Андреаде слышала, как захлопнулась дверь, и едва сдержала желание что-нибудь бросить вслед. Она была слишком стара для такой бессмыслицы, слишком стара для того, чтобы жонглировать делами, мотивами и чувствами других людей. В молодости она наслаждалась властью, к зрелым годам отточила ее, используя свой опыт. Но сейчас она устала от нее. Устала от ответственности, интриг, от того, что ей постоянно приходится следить за тем, все ли идет в ногу.

Но одна вещь беспокоила ее гораздо больше, чем усталость. Она была напугана. Андри не пойдет в ногу. Юный «Гонец Солнца» сделает со свитками то, что боялась сделать она сама: он их использует.

ГЛАВА 12

Конечно, верховному принцу невозможно долго хранить инкогнито, но Рохан сделал серьезную попытку доехать до Марки без особой огласки. Знамя дракона не развевалось над восемью всадниками, одеяния не имели ни одного значка, дорогая сбруя не украшала лошадей. Ни один крестьянин, ни один хозяин постоялого двора, у которых они останавливались, не оставался без платы, хотя у каждого принца было право требовать дармового стола и жилья во время путешествия по своим владениям.

И все же Рохан не мог отрицать своей личности, когда люди обращались к принцу, используя его титул. Казалось, слух о его приближении распространялся быстрее сообщений фарадимов. Сама Андраде позавидовала бы такой скорости. Рохан терпеть не мог церемоний и ненавидел угодливость, с самого рождения подозрительно относясь к тем, кто в его присутствии начинал лебезить; чаще всего это было необходимо людям, пытавшимся что-то скрыть. А эти крестьяне были просты, сердечны, гостеприимны и ничего не скрывали от своего принца. Рохан отдавал должное их добрым чувствам и умелому правлению Пандсалы от имени Поля. Если бы она была плохим правителем, они бы ненавидели все, связанное с властями, и старались бы скрыться за фальшивой жизнерадостностью.

Ночлег у них был самый разный. Несколько ночей путники провели в чистых спальнях придорожных гостиниц. Иногда случалось ночевать в конюшнях, а частенько — прямо под звездами, если ночь заставляла их в дороге. Пища менялась

от стола в трактире до крестьянской похлебки и сухого пайка, который они возили с собой.

Всадники направлялись туда, куда вело любопытство, познакомились с местными красотами, забирались в далекие ущелья, проезжали большие расстояния, чтобы посетить достопримечательности, рекомендованные людьми, у которых они останавливались на ночь. Они устраивали импровизированные скачки по цветущим лугам и вылазки в предгорья, чтобы принять ледяную ванну в водопаде. За этими поездками бдительно следили четыре охранника.

Всеми четверьмя командовала Маэта, неожиданно объявившаяся на третий день пути — так просто, как будто это была обычная встреча на послеобеденной верховой прогулке. Объяснения женщины, что она давно хотела полюбоваться природой, никого не обманули. Все понимали, что Маэту поблала ее грозная мать, тревожившаяся за Поля. Рохан не стал отсылать Маэту назад в Стронгхолд, но не потому, что боялся гнева Мирдали. Возможно, старуха была кровной родственницей Поля, однако главное заключалось в том, что Мирдаль была единственной бабушкой, которую мальчик когда-либо знал, и Рохан уважал эти особые отношения почти так же, как уважал самое Мирдаль.

Кроме того, присоединение Маэты к отряду соответствовало его намерениям. Поль уже показал умение отрываться от группы. Кобыла, которую ему одолжил Чейн, была молнией с четверьмя ногами и парой горящих глаз, которая больше всего на свете любила мчаться свободным галопом. Поль оправдывал свои шальные вылазки невинным напоминанием, что он обещал держать лошадь в хорошем состоянии для продажи на Риалле. Угрозы ни к чему не приводили. Даже обещание приложить свою властительную длань к заднему месту мальчика не возымело нужного действия.

Но первая же после прибытия Маэты попытка сбежать привела к тому, что Поль целый день ехал, привязанный за поводья к ее лошади. Рохан одобрил наказание и лишь потом поинтересовался, понял ли преступник свою вину.

Мааркен тоже был рад присутствию Маэты. Большую часть дня и половину ночи они обсуждали вопросы стратегии и тактики. Маэта была участницей всех самых важных и крупных сражений за последние тридцать лет, и ее опыт

был так же богат, как и опыт ее матери. Иногда Рохан и Поль присоединялись к их разговору: в такие минуты они сидели вокруг костра и обменивались мыслями. Но гораздо чаще отец с сыном оставались наедине. Проводя вечера за разговорами, Рохан стал лучше понимать сына. Физическое наказание было для Поля гораздо менее действенным, чем публичное осмеяние. Принцу было очень важно знать, что Поль чрезвычайно похож на него: мальчик прекрасно осознавал свое положение, дорожил гордостью и достоинством. Это было не совсем высокомерие, но все же серьезный недостаток, которого следовало остерегаться.

Жителей Пустыни потрясло буйное пиршество красок, богатые холмистые долины с полями и пастбищами и беззаботное изобилие Марки. Крестьяне подносили отряду фрукты и только усмехались, когда путешественники изумлялись их богатству.

Однажды днем один из крестьян накрыл во дворе щедрый стол.

— Скажи мне, есть ли что-нибудь, что здесь не растет? — спросил его Рохан.

— Ну... милорд...— Хозяин задумчиво почесал подбородок и после долгого размышления ответил: — Пожалуй...

И это было правдой. Фрукты, хлеб, мясо, сыр, орехи, овощи — они отведали всего и остались потрясены.

— И это все твое, — однажды утром сказала Маэта Полю, обводя рукой поля и сады.

— Все... — недоверчиво повторил за ней Поль. — Должно быть, этим можно накормить весь мир.

— По крайней мере, добрую половину той его части, которая принадлежит нам, — ответила она. — Ты не помнишь старых времен. Когда-то нам приходилось отдавать всю соль, добытую за год, и половину лошадей Радзина в обмен на еду, которой хватило бы на зиму. Теперь все это наше, и нам больше никогда не придется унижаться.

Рохан, подтягивая подпругу, увидел взгляд, украдкой брошенный на него Маэтой.

— Больше никогда, — эхом повторил он.

Принц прекрасно помнил год, о котором говорила женщина, помнил ярость бессилия в темных глазах отца, когда

Ролстра потребовал непомерной платы за продукты, необходимые для того, чтобы Пустыня не умерла с голоду.

— Впрочем, нет худа без добра: приходилось изворачиваться и торговаться до последнего. Я иногда скучаю по своей первой Риалле: вот где понадобилось шевелить мозгами! — чуть более легкомысленно добавил он.

Маэта фыркнула.

— Если то, что я слышала о Фироне, правда, то с мозгами у тебя все в порядке.

— А что ты слышала?

— Что все это, — она обвела рукой поля вокруг, — будет включать в себя большую часть того. — Поврежденный в бою палец указал на северо-запад, в сторону Фирона.

— Возможно, — согласился Рохан.

Повернувшись в седле, Мааркен засмеялся:

— Не дай Богиня, чтобы эти слова услышала мать! Ты ведь знаешь, что карта-гобелен уже готова; таким образом она учила Сьонелл ткать. Если ты передумаешь, она насадит твою голову на копье!

— Тетя Тобин умеет ткать? — изумленно спросил Поль. — Мне казалось, она сделана совсем из другого теста.

— Конечно, ты прав, — весело ответил Мааркен. — Но мать говорит, что лучше занять руки, когда они чешутся от желания кого-нибудь придушить!

— Душить — это не по ней, — глубокомысленно заявил Рохан. — Когда мы росли, ей больше подходили ножи, стрелы и мечи!

— А правду говорят об их брачном контракте с дядей Чейном? — спросил Поль, когда они взобрались на вершину холма.

— Да, правду. На этом настоял Чейн.

— А что написано в твоём контракте с мамой? — не унимался Поль.

Ему ответила Маэта.

— «Гонцы Солнца» — слишком воспитанные люди, чтобы размахивать мечами. В контракте Сьонед говорится, что единственный Огонь, который ей разрешается призывать в спальне, это жар в постели. Вот так, мой мальчик, ты и был зачат!

В двадцать пятый день с начала путешествия они начали

подъем на главный хребет гор Вереш. Цепь за цепью вздымались уходящие в облака вершины; самые высокие из них были покрыты снегом даже летом. Между ними лежали темно-фиолетовые ущелья: когда солнце падало под нужным углом, в них тонкой серебряной ленточкой сверкали реки. На хвойных деревьях раз в десять-двенадцать выше человеческого роста пучками росли иглы размером с руку Поля и шишки, богатые сладкими зернышками и смолой, напоминавшей по вкусу мед. Стада испуганных оленей поднимали белоснежные рога к самому небу и замирали на мгновение перед тем, как унести в чашу.

Вода в озерах и ручьях была слаще любой другой, как будто ее нацедили прямо из облаков и не дали коснуться земли. Они были поражены разнообразием и числом птиц; казалось, окружающий мир напоен биением крыльев, любовными песнями, охотничьими кличами, так отличавшимися от безмолвия Пустыни. Все утро можно было наблюдать за стаями водоплавающих, бороздивших озера и нырявших за рыбой; иногда с небес на обильные дичью луга стрелой бросался ястреб. Тропы, ведущие через лес, неожиданно вырывались на простор горных лугов, омытых синим, красным, оранжевым, желтым, бордовым и розовым. Это невероятное богатство красок опьяняло двух фарадимов.

Их, вскормленных Пустыней, знакомых только с застывшей красотой Долгих Песков, где не было никакой растительности и где находило себе временное пристанище лишь несколько видов птиц и животных, горы Вереш просто пугали. Низменности, знакомые с изгородью и плугом, были более понятны, чем эти горы, где все оставалось неизменным с тех времен, когда здесь выросло первое дерево. Люди тут были задумчивыми и неторопливыми: творения их рук не могли сравниться с щедростью даров леса. В Пустыне жители собирались вместе, чтобы лучше противостоять суровым условиям жизни. Здесь же крестьяне жили в маленьких деревеньках человек по тридцать, выращивали бесчисленные стада овец и коз и строили домики глубоко в лесу. Но как бы ни различался их образ жизни, с течением времени Рохану становилось яснее, что все на свете соблюдают незримое равновесие. Каждый понимал, что эту землю изменить невозможно. Безмолвное величие Пустыни или Гор нельзя было нарушить ни

изгородью, ни плугом. Люди знали, чего следует ждать от того или иного места, а чего нет.

Поль заупрямился из-за снега. Мальчику мало было просто видеть его — непременно хотелось потрогать эти белые хлопья и удостовериться, что они настоящие. Рохан, в глубине души разделявший любопытство сына, пригласил проводником ошеломленного пастуха, очевидно, решившего, что все они сошли с ума, если вдруг среди лета им приспичило любоваться невидалью, от которой зимой некуда деваться. Отряд принца два дня пытался заставить своих испуганных пустынных лошадей пройти по снежному сверкающему полю и две ночи дрожал под одеялами от непривычной стужи.

— Может быть, хватит? — с надеждой спросил Мааркен на третий день.

Поль, придерживавший одеяло, обернутое поверх всех взятой с собой одежды, глубокомысленно кивнул. Кидаться снежками было очень весело, а от живительного воздуха перехватывало дыхание, но сейчас ему больше всего на свете хотелось согреться.

Опускаясь, они наслаждались зрелищем горных хребтов, покрытых голубой дымкой. Мощные гранитные скалы чередовались с горными склонами, поросшими хвойными деревьями. Странные гладкие плиты в полмеры шириной прерывались огромными каменными осыпями, о которые звенели копыта лошадей. Они даже нашли давно оставленные драконьи пещеры и провели весь день, осматривая их. Попадались и следы присутствия человека, довольно странные здесь. Мааркен нашел кострища и каменные фундаменты домов, когда-то составлявших поселение, но давно заброшенных. Рохану и Полю о многом сказали следы примитивных плавильных работ. Отец с сыном обменялись взглядами заговорщиков и кивнули в сторону пещер. Большая часть сводов обвалилась, а вместо дракона они повстречали там злоющего горного кота, который возмутился тем, что кто-то посмел нарушить его послеобеденный сон. Отцу с сыном пришлось позорно отступить. Спустившись ниже уровня снегов, они стали чаще посещать поместья и замки. Весть о прибытии отряда опережала их. Теперь принца встречали с большей помпой, чем в начале путешествия. Первую остановку они

сделали в небольшом поместье под названием Резельд, где лорд Морлен и его жена леди Абинор готовились к долгожданному визиту с самой весны. Рохан содрогнулся, видя безграничный энтузиазм хозяев, но разделил философское замечание Поля, что эти стены, может быть, ни разу в жизни не видели и одного-то принца, не то что двоих одновременно; пренебрежение правителей к своим атри — непросчитительная ошибка...

— Чтобы лучше всего судить о замке или поместье, надо посетить их самому, — вслух размышлял Рохан. — Когда они переданы во владение, то обычно выглядят лучше. Особенно если хватило времени их подновить. Но чтобы узнать действительное положение вещей, одного взгляда со стороны недостаточно.

Они сидели в большой, тщательно убранной комнате леди Абинор, на время визита переданной в их полное распоряжение. Потертые гобелены и истрепанные коврики делали комнату уютнее, но почти не смягчали холода, которым тянуло от стен и каменного пола. Все ткани, включая накидки на кровати, носили на себе следы штопки — впрочем, недостаточной, чтобы их поношенность не бросалась в глаза. Мебели было мало и выглядела она очень просто, стекла в окнах нужно было менять, а вот вино, сделанное из смолы шишек, было просто великолепным. Рохан налил себе еще один кубок и откинулся на спинку кресла, задумчиво глядя на мальчика.

Поль оглянулся, правильно поняв последние слова отца как предложение оценить Резельд и его обитателей. Их прибытие в поместье было самым крупным здешним событием за последние двадцать лет. Все родные и домочадцы атри вплоть до последнего поваренка были принаряжены, вычищены и надраены до блеска. Сыновья, оба на несколько лет младше Поля, прислуживали за обедом и хорошо справлялись со своими обязанностями, хотя и не проходили официального обучения в крупных замках. Шестнадцатилетняя дочь лорда Морлена Авали неожиданно появилась в лучшей шелковой вуали ее матери, украшенной замысловатой вышивкой в виде деревьев и лосиных рогов. Однако Поль видел в Резельде крошечное бедное поместье, не имеющее никакого значения.

— Они действительно достали для нас все самое лучшее,— сказал он, показывая рукой на гобелены и коврики.— Ожерелье, которое надела леди Авали, сделано из простого резного камня и не представляет никакой ценности. Да и из всего того, что я видел... Я хочу сказать, у них даже свечей нет, только вонючие факелы. Отец, я не думаю, что они разыгрывают бедность, чтобы получить от нас помощь. И, кажется, они искренне рады нашему приезду.

— Да, рады,— улыбнулся Рохан.

— Но почему Пандсала такая скупая? Почему людям не на что купить новые ковры, которые здесь совсем не роскошь, а суровая необходимость? От пола идет холод и достаёт даже сквозь сапоги.— Он выразительно спрятал ноги под ковер.— Овцы и козы, скорее всего, на летнем пастбище, но тем не менее... Если бы я встречал своего принца, я бы оставил лучших животных здесь, чтобы он узнал, как они хороши, и наградил бы меня за это во время Риаллы.

— Очень интересное наблюдение, Поль. Я уверен, что ты как следует подумал.— Глаза мальчика загорелись от гордости, но тут Рохан добавил: — Однако, к сожалению, все обстоит совсем наоборот.

— Как? Почему? — удивился мальчик.

— У молодой леди действительно было ожерелье из резных камней. Кстати, очень миленькое. Если бы ты внимательно прислушался к тем людям, которых мы встречали по дороге, ты бы знал, что каждый камушек в нем означает определенное число овец, коров, бочек вина либо другой местной продукции, о владении которой заявляет семья. Мне сказали, что Резельд гордится расположенными неподалеку каменоломнями,— улыбнулся он.— Только запомни, мы здесь всего лишь невежественные обитатели Пустыни и ни о чем не догадываемся. Мы думаем, что это единственное украшение бедной девушки и что у нее нет никакого приданого. А на самом деле она богаче любой из наших девушек. Но какие большие глаза она сделала, когда смотрела на тебя!.. Да, я наблюдал за этим,— продолжал поддразнивать Рохан, видя, что Поль краснеет.— Я бы не сказал, что удивился. Ты хорошо сложенный юноша и принц впридачу. Но у Авали нет ни малейшей надежды заполучить тебя, и она

это знает. Так что, скорее всего, она решила прикинуться бедной красавицей. И преуспела в этом. Умная девушка. Ее отец щеголял богатством, но, считая нас круглыми невеждами, делал вид, будто он нищий.

Челюсть у Поля отвисла, а сине-зеленые глаза округлились так, что чуть не вылезли на лоб. Пряча очередную улыбку, Рохан налил себе третий кубок крепкого сладкого вина.

— Что же касается гобеленов,— продолжал он, показывая рукой на стену,— если целью хозяев было держать нас в холоде и сырости, то они постарались на славу и повесили гобелены на деревянные рейки, чтобы между ними гулял ветер. Их прибивают прямо к стене, как можно плотнее. Заметь, рейки совершенно новые. Допустим, тебя мог сбить с толку их блеск, но тогда ты должен был обратить внимание на свежую штукатурку, наложенную для того, чтобы подстраховать тяжелый груз и скрыть следы от гвоздей, которыми были прибиты другие гобелены. Если поискать хорошенько, эти следы найдутся. Так же обстоит дело во всех комнатах, которые были нам показаны.

— Отец, но зачем им это понадобилось?

— Отличный вопрос. Гобелены повешены вместо других, возможно, очень красивых, о которых нам не следовало знать. Что касается факелов и того, могут ли они позволить себе свечи, то погляди на эти крепления. Их очень тщательно чистили, но следы воска еще заметны. Разве ты не видишь, что размер держателей неподходящий? Посмотри, как тонко оструганы концы факелов, чтобы они вошли в отверстия. Итак, становится ясно, что у них есть не только множество овец, коз, гобеленов и прочего, но и свечи. Однако нам нужно делать вид, что мы ни о чем не догадываемся.

Поудобнее устраиваясь в кресле, он лукаво улыбнулся сыну.

— Значит, ты спрашиваешь, зачем все это понадобилось? Для чего столько усилий, чтобы скрыть свою зажиточность? Хотели ли хозяева, чтобы мы дали им немного денег? Либо здесь происходит что-то совсем другое? Скорее первое, так как лорд с женой не выглядят слишком хитрыми,

чтобы затевать интриги. Но несколько дней я буду внимательно следить за ними и прошу тебя сделать то же самое.

Рот Поля все еще оставался открытым. Рохан тихонько рассмеялся.

— Не надо считать себя глупее, чем ты есть. Я вовсе не волшебник. Много лет назад один из моих вассалов, который давно умер, пытался сыграть со мной подобную шутку. Когда я показал все твоей матери, она выглядела так же, как и ты несколько минут назад.

— Но как ты узнал?

— Если честно, то сначала я тоже ничего не понял и лишь потом заметил кое-что интересное. В месте, знаменитом породами коз, мне однажды утром предложили моховику, политую сметаной из коровьего молока.

— А где же они прятали корову? — невольно рассмеялся Поль.

— Сама по себе сметана — это пустяк. Но благодаря ей выяснилось, что этот атри заключил с жителями Кунаксы договор пропускать их через границу за несколько коров в год. Не буду углубляться в детали: достаточно сказать, что он поставлял мне отличный сыр — до тех пор, пока коровы не пали, поскольку любая уважающая себя корова живет в Пустыне ровно столько, сколько может.

— Я бы никогда этого не заметил, — сказал Поль, уныло покачивая головой. — Каким бы я был дураком, если бы пообещал им заставить Пандсалу позаботиться о них! Отец, можно задать тебе один вопрос?

— Хоть десять.

— Я ничего не понимаю в том, как надо быть принцем.

— Мой дорогой, — тихо сказал Рохан. — Ты имеешь в виду все вообще, это поместье в частности или что-то иное?

— Все сразу, — вздохнул Поль. — Ведь выходит, что им нельзя доверять?

— Почему нельзя?

— Но ты сам только что сказал...

— Если дело касается серьезных вещей, то можно. Поль, случай с гобеленами и свечами — это мелочь. Я дал понять лорду Морлену, что знаю, кто он такой — осторожно, конеч-

но, чтобы уберечь его гордость. Кроме того, я оштрафовал его на партию камней из местной каменоломни для одного задуманного мной строительства. Сомневаюсь, что он когда-нибудь еще попробует выкинуть такой трюк. Морлен знает, что я всегда поймаю его за руку. Но теперь он уважает меня и доверяет мне, потому что я оказался достаточно умен, чтобы разоблачить эти фокусы и в то же время не наказывать его.—Рохан насмешливо пожал плечами, поднялся, подошел к окну и залюбовался сумерками в горах.

— Знаешь, он делает то же, что делал его отец, пряча свое богатство от Ролстры. Если бы его поймали в те времена, он был бы уже мертв. Лорд может попробовать провести меня еще раз, но мне кажется, что не станет. Люди прячут только то, что другие хотят у них отнять. Я не буду брать то, что он не сможет предложить сам, и Морлен постепенно начнет мне доверять и оценит мой способ правления. В случае войны он пойдет сражаться за меня, так как захочет, чтобы я остался его сюзереном.

— А ты будешь ему доверять?

Рохан посмотрел на сына и снова подмигнул.

— Ровно настолько, насколько я доверяю всем им. Иными словами, я доверяю только своему собственному суждению и разуму.

— Знаешь, я начинаю понимать, как можно добиться того, к чему мы стремимся,—задумчиво сказал Поль, и в глазах его неожиданно заплясали лукавые искорки.—Может быть, мы случайно продержались дольше других, но, скорее всего, мы были просто умнее.

— Это лишь один из возможных взглядов — впрочем, такой же правильный, как и любой другой.

Мгновение Поль сидел, задумавшись.

— Но почему они должны относиться к нам по-другому? — внезапно выпалил он.— Я хочу сказать, все кланяются нам и считаются с нашим мнением, но почему? Только потому, что мы принцы, или потому, что действительно думают, что мы чем-то отличаемся от других?

— А почему ты задаешь такой вопрос?

— Ну, люди так странно ведут себя, когда узнают, кто я есть на самом деле...

— А... Ясно. Это надоедает, да? — сочувственно спросил Рохан. — Мне тоже. Я полагаю, им необходимо в кого-то верить. Мы занимаем свое положение, потому что людям хочется верить в наших предков. Твой дед побеждал в сражениях и убедил всех, что он может их защитить. Я защищаю другими способами. Морлен в свое время придет к пониманию этого. Он будет доверять мне и тебе так, как его отец никогда не доверял Ролстре. Но это означает, что нам придется очень напряженно трудиться, чтобы поддерживать подобную веру.

— Это ужасно трудно... и грустно.

— Грустно? Ничуть. Сынок, придется мириться со многими очень скучными людьми, потому что это часть долга принца. Однако стоит вытерпеть всю эту скуку — просто для того, чтобы принц смог многое сделать и верно служить.

— Ты имеешь в виду служение Богине?

— Ну, если хочешь, то да. Лично я поручаю решать такие вопросы тетушке Андраде. Я имею в виду людей, которые доверяют нам хранить спокойствие, которое необходимо им, чтобы честно прожить свою жизнь.

— Дед смог сделать это мечом, — медленно кивнул он, — а ты делаешь...

— ...стараясь перехитрить всех, кого могу, — вновь улыбнулся Рохан. — Думаю, это намного труднее.

— Ты это любишь и умеешь, — усмехнулся Поль в ответ.

— Но не забудь, иногда это доставляет удовольствие. В должности принца есть и приятные стороны. Заключить договор, чтобы получить хорошую цену за овец, дать денег юноше или девушке, у родителей которых нет ни гроша, да просто знать, что армии не будут топтать зерно, пока оно не созрело... все это весело, Поль. И когда ты, став принцем, почувствуешь, что начал забывать про веселье, спроси себя, кому ты служишь: людям или себе?

— Но ты так говоришь об обязанностях, как будто это развлечение!

— Никогда я не радовался сильнее, чем в ту ночь, когда отдал Ремагев Вальвису! Ты не знаешь, на что был похож этот замок: одни полуразрушенные стены, которые старик Хадаан тщетно пытался подпереть. Вальвис вновь превра-

тил его в действующую крепость. Сейчас мой бывший оруженосец выращивает больше овец, чем кто-либо в Долгих Песках, а его литое стекло одно из лучших в Пустыне. Вот в этом и есть радость, Поль.

— Кажется, я понял. И все-таки страшновато.

— Согласен. Но у нас есть очень многое, Поль. Я говорю не про уважение и даже не про возможность перехитрить атри, который думает, что перехитрил тебя...— вновь улыбнулся Рохан.— Это не имеет никакого отношения ни к драгоценностям, ни к прекрасным лошадям, ни к богатству вообще. У нас есть возможность творить. Делать хорошие вещи—вещи, которые очень важны и которые сделают этот мир лучше, чем он был прежде.

Он скрестил ноги и посмотрел вниз.

— Давай представим себя, скажем, крестьянином и его сыном, которые убедились, что их пшеница растет достаточно высокой и сильной, чтобы выручить за нее побольше денег и накормить не только себя, но и тех, кто покупает их зерно. Но, увы, мало кто из крестьян, глядя на свое поле, говорит себе: «Как хорошо, что у меня такой богатый урожай пшеницы, ведь им можно накормить многих!» Впрочем, ты понимаешь, что я имею в виду. Каждый делает нужное дело. И мы с тобой тоже. Просто наше занятие немного более эффектно.— Он пожал плечами.— Но и более вредно. Иногда приходится вести армию против того, кто ценит титул принца не за возможность сделать что-то полезное, а за возможность заставить других делать то, что он пожелает.

— Как это делал Ролстра....

— Да. И тогда быть принцем очень трудно. У тебя есть власть отправить мужчин и женщин в сражение, где многие из них погибнут. Вот это действительно страшно, Поль. Победа в войне не приносит радости. Остаются только печаль и сожаление, что тебя заставили драться.

— Но ведь есть и справедливые войны, правда? Чтобы получить возможность делать добро, чтобы помогать людям, которые доверяют нам настолько, что идут за нас в бой...— Поль нахмурился, но продолжил:— А те, кого ты должен защищать, так и норовят обмануть тебя. Разве это справедливо?

— Разве я когда-нибудь говорил о справедливости? Поль, есть много способов править. Один—это наслаждаться *роскошью* и не заботиться об ответственности. В Визе ты найдешь тому множество примеров. Лично я предпочитаю таких людей. Они относительно безобидны. Для них самая страшная угроза—это угроза их богатству. Другой способ—наслаждаться *властью*, видя в своих подданных не цель, а средство. С такими ты тоже встретишься. Они не очень любят меня, потому что я мешаю им вкушать радости жизни. И, наконец, есть третьи, подобные мне, которые предпочитают работать головой, а не мечами. А причиной тому лень,—вырвалось у него.—Я не люблю воевать. Появляется куча неудобств. Кроме того, я ненавижу покидать дом...

— И маму,—лукаво добавил Поль.

— Это само собой разумеется.

Мальчик карикатурно развалился в кресле, вытянул ноги и свесил руки.

— Вот каким принцем я буду,—решительно заявил он и улыбнулся.—Особенно если у меня будет симпатичная жена.

Ответ Рохана мог оказаться совсем не шуткой, но он был прерван осторожным стуком в дверь. Поль быстро выпрямился, и Рохан позволил войти молодой девушке в платье из домотканой материи. Она внесла пустой поднос.

— Извините меня, ваши высочества, я только заберу грязную посуду и тут же уйду...

— Да, конечно,—сказал Рохан, жестом показывая на стол с пустым кувшином и протягивая ей свою чашу.

Поль, решивший все замечать и делать выводы, внимательно осмотрел девушку. Несколько прядей черных волос выпало из туго стянутых на затылке кос, и она заправила их замечательно ухоженной ручкой. Грязь под ее ногтями была чем-то неуместным и заставила мальчика удивиться. Девушка поставила кувшин и кубки на поднос и спокойно встретила его взгляд. У нее, были какие-то особенные серо-зеленые глаза, выражение которых казалось слишком взрослым для ее восемнадцати-девятнадцати зим. Застигнутый

врасплох, Поль вспыхнул, поднялся и встал рядом с отцом. Девушка неуклюже согнула колени, но эта неловкость казалась фальшивой и шла ей так же плохо, как коричневое платье из домотканой материи и тусклая зеленая шаль с потрепанными краями. Перед уходом она снова посмотрела на Поля. В ее глазах стоял смех.

— Отец...

Рохан поднял палец, дав сыну понять, что надо помолчать. Поль прислушался, не понимая, в чем дело, а потом сообразил: дверь не хлопнула. Он быстро поразмыслил.

— Ох уж это вино... А где тут уборная?

Рохан одобрительно кивнул.

— Думаю, налево, в конце коридора.

По дороге туда и обратно Поль никого не увидел. Заходя в комнату, он убедился, что плотно закрыл за собой дверь. Отец улыбнулся.

— Очень хорошо,— кивнул он.— Видел кого-нибудь?

Поль покачал головой.

— Ты на самом деле думаешь, что она хотела подслушать?

— Не знаю. В конце концов, она могла оставить дверь открытой просто по небрежности. Но мне все-таки кажется, что за лордом Морленом надо внимательно понаблюдать. Ну, а теперь пора и на боковую.— Он подошел к стоявшей в углу огромной кровати.— Знаешь, я сто лет не спал ни с кем, кроме твоей матери. Надеюсь, что ты не храпишь.

— Я храплю? Да мать говорит, что от твоего храпа иногда стекла дрожат!

— Наглая, оскорбительная ложь, за которую она в следующий раз дорого заплатит — будет во сне пинать не меня, а одеяла на полу!

Поль разделся и скользнул в кровать, чувствуя, что голова у него идет кругом. Но виной тому были не отцовское разоблачение хитрости лорда Морлена или разговор о бремени власти, а крепкое вино. Он был рад, что отец не сказал об этом ни слова. Несколько кубков на самом деле привело его к тому, что Полю оказалась необходима уборная, и его уловка была не такой уж выдумкой, как могло показаться со стороны. Сейчас, когда факелы погасли и в окно

влетал только тусклый свет звезд (стояла одна из редких безлунных ночей), мальчик почувствовал, что его мозги медленно вращаются.

Долго пролежав в темноте — но отнюдь не в тишине — он повернулся на бок и укоризненно посмотрел на спящего отца.

— Как ты храпишь! — прошептал он и вылез из кровати.

В маленьком дворике не было ни души. Он смотрел в разбитое оконное стекло, размышляя над тем, что еще кроме gobelенов и свечей может скрывать лорд Морлен. Отец найдет все, где бы оно ни было. В детстве Поль часто смотрел на Рохана как на кладезь знаний и мудрости. Ничто не могло вывести его из этого заблуждения. Он просто не верил, что отец способен ошибаться.

Начав думать о том, что умеет он сам, Поль вдруг увидел одинокую фигуру, торопливо бегущую через двор и направляющуюся к задней калитке. Свет звезд упал на широкое темное платье, отороченную бахромой шаль, и Поль застыл как вкопанный. Почему эта служанка на ночь глядя уходит из поместья? В голову пришло самое простое объяснение: к любовнику. Он пожал плечами. Но неожиданно девушка остановилась, повернулась и посмотрела прямо на Поля.

Легкий, щекочущий ветерок повеял сквозь выбитое стекло. Поль отскочил. Его взгляд остановился на поднятом к небу лице, залитом светом звезд. Это было лицо не девушки, а женщины. Существовало какое-то сходство в изгибе бровей и форме губ. Но лицо принадлежало зрелой женщине зим пятидесяти, а то и больше. Женщина улыбалась, но смех, который стоял в ее глазах, сменялся злобной, коварной усмешкой.

Потом она накинула на голову шаль и исчезла в темном ночном лесу. Поль вздрогнул и отвернулся от окна.

— Что там? — спросил его отец, садясь в кровати. Звезды освещали его светлые волосы.

— Ничего, — сказал Поль и сделал попытку улыбнуться. — Наверно, Меат прав. Я действительно слишком мал для такого количества вина.

Мирева подошла к сломанному дереву, где оставила свою одежду, и сбросила то, что украла с бельевой веревки в Резельде. Возбуждение согрело женщину: одеваясь, она совсем не чувствовала ночного холода.

Значит, вот ты каков, юный принц Поль, подумала она. Необычное лицо, почти такое же, как и у отца, но в нем чувствовалось нечто большее, чем власть принца. И уж куда большее, чем власть «Гонца Солнца». Мирева громко засмеялась, расплела тугую косу и бешено потрясла головой.

Колдунья не могла ошибиться в природе чувства, которое охватило ее при соприкосновении с юношей. То же ощущение вызывали в ней три сына Янте и все другие, в ком текла кровь диармадимов. В случае с Рувалем, Марроном и Сегевом она знала, что эти способности передались им от принцессы Лалланте, но у нее не было ни малейшего представления, кто из прародителей Поля передал ему дар. Предки Сьонед по линии отца были прослежены вплоть до вторжения фарадимов на континент — здесь не было никаких следов. О предках ее матери до выхода бабки — «Гонца Солнца» за принца острова Кирст не было известно ничего. Возможно, Поль получил свой двойной талант от нее.

Однако оставался Рохан. В этом случае предки по линии отца также были жестко определены. Но предки его матери Милар, которая приходилась Андраде... Мирева завязала пояс на талии и усмехнулась. Какой иронией судьбы было бы, если бы леди Крепости Богини сама оказалась диармадимом!

Затем она нахмурилась. Кто бы и что бы ни было причиной этого, но полученная по наследству вторая сила была явлением новым и, возможно, опасным. Достаточно было и дара «Гонца Солнца», но с ним Мирева могла бы справиться. То, что Поль унаследовал ее собственную силу, представляло несколько возможностей.

Она начала долгий путь к дому, обдумывая, что тут можно предпринять. Сегодня она не собиралась ни убить Поля,

ни опоить его зельем, ни каким-либо образом повредить его телу или разуму. Единственное, что ей было нужно, это взглянуть на него, чтобы понять, что выйдет из этого мальчика, когда он вырастет. В нем было очень много от отца — не только во внешности и манере держаться, но и в том, как он на нее смотрел: чистым, умным, любопытным взглядом. Нет, не затем она сюда пришла, чтобы убивать, не для того надела личину молоденькой девушки, а затем сбросила ее, зная, что Поль видит это. Вглядеться в его лицо, ощутить его силу фарадима, зародить беспокойство — вот что она хотела сделать. Убийство подождет.

Однако то, что он оказался диармадимом, заставило Миреву задуматься. Что будет, если всем рассказать, что Поль происходит от тех, кого так боялась Андраде, от тех, для уничтожения которых фарадимы приложили так много усилий? Другие принцы достаточно ревниво относятся к его дару «Гонца Солнца». Может быть, они станут возражать против того, чтобы Поль получил образование фарадима? Тогда Рохан будет вынужден пожертвовать этой стороной таланта сына в попытке сохранить мальчику трон. А если поддерживать мальчика и сделать его своим учеником вместо сыновей Янте? Эта мысль очаровала Миреву, но она потрясла головой и отбросила глупую мечту. В лице Поля было слишком много от этого благочестивого дурака, его отца. К тому же чем она сумеет привлечь мальчика, которого и так ждет власть над всем континентом?

А если скрыть второй дар Поля и обучить Рувалья тем методам, которые когда-то применяли диармадимы для покорения себе подобных — вплоть до убийства? Величайшей трагедией было то, что эти способы никак не влияли на фарадимов. Доблестно сражаясь с «Гонцами Солнца», они не поняли этого вплоть до окончательного поражения. Конечно, давать в руки властного Рувалья такое оружие было рискованно. Руваль мог использовать его против своих братьев или даже против нее, Миревы, если она не сможет удержать его в руках. Она знала сыновей Янте и никому из них не доверяла.

Когда над горами зажегся рассвет, Мирева замедлила шаги, а стоило последним звездам погаснуть под слепящими

лучами летнего солнца, как она остановилась совсем. Обычно решительная, Мирева ощущала непонятное беспокойство. Воздух разогревался, и даже ее тонкое платье вскоре стало слишком теплым. Пожав плечами, она решила, что подождет и посмотрит, понадобятся ли Рувалю эти методы против Поля. Времени, чтобы придумать, как убить мальчика, у нее было предостаточно. У фарадимов существовало уязвимое место — такое, какого не было у ей подобных. Кровь фарадима делала его слишком чувствительным. Интересно будет выбрать для него способ смерти: через наследие этой гордячки — «Гонца Солнца» или через его Старую Кровь, о которой он не подозревает... Однако сейчас у нее была другая забота.

Она ничего не слышала о Сегеве с момента его отъезда в Крепость Богини. Скоро она свяжется с ним по звездному лучу и узнает, насколько тот преуспел в краже драгоценных свитков. Кроме того, ей придется провести расследование того, что же все-таки произошло с Масулем, который убил ее самых сильных сторонников, пытаясь спастись от того, что стало бы для него кратчайшим путем к триумфу. Конечно, слухи о самозванце доходили до нее давно — Дасан был всего через одну-две горы от ее дома. Раздосадованная, она снова пожала плечами. Если он оказался глупцом и отверг силу, которую ему предлагали, то пусть гибнет. Миреву не интересовало, был он сыном Ролстры или нет. Она хотела использовать его только для того, чтобы определить лучшую тактику, когда для Рувалья настанет время бросить вызов Полю.

Однако это вновь возвращало ее к тревожному вопросу — чему учить Рувалья. Насколько далеко она может зайти, насколько может ему доверять?

День прибывал, а Мирева все еще тащиась домой, проклиная необходимость действовать через других людей. В то время, когда она была готова оставить все надежды на то, чтобы вернуть диармадимам их прежнее величие, внуки Лалланте заставили ее поставить перед собой новую цель. Однако ей хотелось, чтобы они не были потомством Ролстры — человека, которым было невозможно управлять. Внезапно она подивилась, почему же Лалланте вышла за него замуж. Ее родственница всегда была хнычущей дурочкой,

боявшейся своей силы и твердившей, что давнее поражение диармадимов было вовсе не случайным. Верховный принц Ролстра, до прихода к власти Рохана бывший самым могущественным человеком своего поколения, обеспечил Лалланте тихую пристань, надежно защищенную от влияния других диармадимов. Ролстра, который был таким же неуправляемым, какими станут его внуки, если Мирева не будет осторожной. Сверхосторожной.

ГЛАВА 13

Замок Крэг не видел такой пышности вот уже больше пятидесяти пяти лет — с того дня, как Лалланте приехала сюда, чтобы стать невестой Ролстры. Полотнища знамен всех виднейших атри Марки полоскались по ветру, поднимавшемуся из ущелья, а золотой дракон на голубом фоне говорил о том, что вскоре сюда прибудет сам верховный принц. Толпа зевак в четыре ряда выстроилась вдоль дороги на протяжении половины меры. Дорога была усыпана цветами, люди что-то хрипло выкрикивали, с зубчатых стен ревели трубы... Наконец Рохан с Полем въехали во внутренний двор.

— Я чувствую себя, как главное блюдо на банкете, — прошептал Поль отцу.

— Они хотят тебя видеть, а не съесть, дракончик, — ласково улыбнулся Рохан.

Он раньше ни разу не был в Марке и отклонял все приглашения посетить ее. Хотя номинально страна принадлежала ему, он старался внести ясность, что Пандсала была регентом Поля и что правителем Марки следует считать не самого Рохана, а его сына. Как только мальчик будет посвящен в рыцари и пройдет обучение искусству фарадима, он возьмет Марку и станет править ею как независимым государством. А после смерти Рохана к Полю перейдет и Пустыня. Рохан надеялся, что с годами здешние жители привыкнут считать Поля своим принцем, и когда придет его время, мальчику будет гораздо легче.

Эта особенность была подчеркнута приветствием Пандсалы. Принцесса-регент спустилась по ступеням, одетая в го-

лубое с фиолетовым, и первый поклон адресовала Полю. Он, следуя указаниям отца, взял ее за руки, поднял с коленей и поклонился в ответ, держа за левую руку, на которой вместе с кольцами «Гонца Солнца» сияли аметист и топаз — символы ее регентства. Только после этого она повернулась к Рохану и преклонила колени. Таким образом, в присутствии высокопоставленных придворных и людей благородной крови положение Поля в Марке было официально признано более высоким, чем положение Рохана. Все было сделано очень тонко, и Рохан это оценил.

Поль раньше ни разу не встречал Пандсалу, и сейчас она слегка удивила его. Принцесса не выглядела на свои сорок четыре зимы и этим чем-то напоминала леди Андраде — почти без возраста, где-то между тридцатью и шестидесятью. Ее тонко очерченное лицо обладало аристократической красотой, в которой отражалось больше чувства собственного достоинства, чем теплоты — даже тогда, когда она улыбалась. Кроме кольца, которое она получила от Рохана как символ ее служения, у нее было пять колец «Гонца Солнца». Ее глаза были какого-то холодного карего цвета, а волосы с сильной проседью завивались от висков к обернутым вокруг головы косам. Голос, которым Пандсала приветствовала прибывших, был негромким и вежливым. В ходе церемонии все соответствовало ритуалу, однако Поль чувствовал внутреннее напряжение. Внешне принцесса была сама любезность, и мальчик не мог понять, откуда взялась его настороженность. Может быть, потому, что Пандсала сначала смотрела на него, а потом стала отводить взгляд: как ни старался Поль, он не мог заглянуть ей в глаза.

— У меня послание вашему высочеству от верховной принцессы Сьонед, — сообщила она, сопровождая его, Рохана и Мааркена по ступеням вверх, в их спальни.

— Правда? — вскинулся Поль, только сейчас осознавший, насколько он соскучился по матери. Желая скрыть это чувство, он сразу же добавил: — Что, драконы уже вылупились?

— Осталось еще дней десять, — ответила она, слегка улыбаясь. — Возможно, именно в это время мы будем плыть в Виз.

— Тогда я прошу извинения, но нам не по дороге, —

сказал Мааркен, улыбка которого выражала и сожаление, и облегчение одновременно.— Ни у Поля, ни у меня нет вашей завидной способности преодолевать водные преграды, не позорясь при этом.

— Жаль, лорд Мааркен. Мне всегда нравилось плавать под парусом по Фаолейну.

Она повернулась к Рохану.

— У верховной принцессы все в порядке, милорд. Она выражает надежду, что вы вовремя придете на Риаллу. У нее появилось много новой информации о драконах.

— Они с леди Фейлин все лето говорят об этом,— улыбаясь, ответил он.— Да, на лестнице был очаровательный гобелен, Пандсала,— добавил он.— Из Кунаксы?

— Из Криба, милорд, и к тому же совершенно новый. Я поддерживаю торговлю с ними, как вы и советовали несколько лет назад. Они многого добились за это время.

— Гм-м... Кажется, что-то подобное мы видели в поместье Резельд—неуклюжие, топорные вещи, которые не выдержат и одного чиха и годны лишь на то, чтобы с зимними ветрами улететь в горы.— Он невинно посмотрел на Поля, и мальчику стоило большого труда удержаться от улыбки.— Однако я получил массу впечатлений от встречи с лордом Морленом и от количества скота, который он держит. Да, пока мы здесь, вы должны будете рассказать о его каменоломне.

— Я рада, милорд, что в последнее время его положение изменилось к лучшему. Он всегда славился отчаянной нищетой.— Пандсала сделала жест, и слуга открыл тяжелую резную дверь, инкрустированную блестящим черным камнем.— Лорд Мааркен, это ваша спальня. Надеюсь, вам здесь понравится.

Мааркен достаточно хорошо владел собой, чтобы не открыть рот при виде царившей внутри роскоши. Он едва кивнул.

— Спасибо, миледи. Я уверен, это полностью соответствует моим потребностям. Если вы меня извините, то я смою с себя дорожную грязь, а немного позже присоединюсь к вам.

Поль недостаточно хорошо владел глазами и челюстью, чтобы никак не отреагировать, когда Пандсала сама откры-

ла дверь покоев, которые ему предстояло разделить с отцом. Первое помещение было огромной приемной: в ней были заметны следы недавнего ремонта — естественно, совсем не такого, как в Резельде. Здесь стояло много новых светильников, лежали подушки, на которых никто никогда не сидел; в воздухе стоял резкий запах краски и лимонного лака. Преобладали голубой, фиолетовый и золотой тона — роскошные и подавляющие.

Спальни были оформлены в том же стиле. Рохан, улыбаясь, наблюдал за лицом Поля.

— Ну, что ты скажешь? — поинтересовался он, когда Пандсала ушла.

— Это... это...

— Да, это все настоящее, правда? — Он опустился в кресло, наслаждаясь комфортом после стольких дней, проведенных в седле.

— Отец, она меня почему-то тревожит.

— Если Пандсала вела себя холодно, то просто от беспокойства. Ей хотелось, чтобы все было великолепно. На самом деле это ты заставляешь ее нервничать.

— Я?

— Угу. Конечно, этот пост поручил ей я, однако ее настоящий хозяин ты, и она это знает.

— Но ведь я не сказал ей ни слова.

— Пока.

Поль переварил слова отца, а затем прыгнул на кровать, покачался на ней и построил гримасу.

— По крайней мере, теперь у меня есть своя комната, и мне не придется слушать, как ты храпишь.

— Я не храплю, ты, дерзкий...

— Храпишь.

— Нет! — Рохан схватил подушку в изголовье своей кровати и швырнул ею в сына. В ответ Поль запустил в него мягким, туго набитым валиком. Рохан поймал его и метнул обратно.

— Хватит, а то здесь все будет в перьях!

— Титулы, титулы... — мрачно буркнул Поль, качая головой. — Я должен себя прилично вести, так? — Он лег на живот и обхватил руками подушку. — Ну хорошо, когда я действительно буду здесь жить, все это исчезнет. Мне нева-

жно, что принцы должны вести себя согласно этикету. Да я побоюсь тут мыться, даже если упаду в грязную бочку. Ты когда-нибудь видел такую роскошь? Вы с мамой живете совсем по-другому. Зачем Пандсала все это сделала?

— Знаешь ли, здесь всюду так. А ты на минутку задумайся, почему она захотела сделать эту спальню самой роскошной в замке Крэг? Не ошибись в ней, Поль. Пандсала вовсе не стремится показать, чего можно добиться с помощью денег. Все, что она здесь делает, делается для нас. Когда она примкнула к нам, выступив против родного отца, то рисковала всем, в том числе и своей жизнью. Сколько людей, включая Тобин и Андраде, говорили мне, что я сошел с ума, делая ее регентом! И она об этом знает.—Рохан тихо-ненько вздохнул.—Регентство—это все, что у нее есть. С ее кровью она никогда не стала бы простым «Гонцом Солнца» при дворе какого-нибудь принца. Скажи честно, ты можешь себе представить дочь верховного принца Ролстры придворным фарадимо? А поскольку Андраде ее недолюбливала, то в Крепости Богини Пандсале тоже делать было нечего.

— Да и мама не приняла бы ее в Стронгхолде,—проницательно добавил Поль.

— Люди часто чувствуют себя с ней неловко,—задумчиво сказал Рохан.—Не стал бы утверждать, что Пандсала мне очень нравится, но я ценю то, что она для нас делает. Ее в юности учили только тому, как следует вести себя принцессе, а после смерти ее отца...—Он пожал плечами.

— Однажды я слышал, как мама сказала, что ее служба здесь—это месть своему отцу.

— Возможно. Но она искренне заботится о тебе и о Марке. Мы ведь видели результаты.

— За исключением того, что она не разгадала хитрость лорда Морлена.—Поль сначала ухмыльнулся, а затем нахмурился.—Только в ее присутствии мне не до смеха.

— Ну, а ей в твоём. Перестань ломать голову над всякими пустяками!—прикрикнул Рохан.—Если бы я волновался столько же, сколько и ты, то давно бы уже был лысым, как яйцо дракона. Знаешь, вообще-то мы собирались отдохнуть.

— Знаю. Но ведь скоро надо будет одеваться к обеду. Есть шанс, что вечером не будет банкета?

— Мечтать не вредно, — ответил отец.

Но банкет отменили за несколько минут до начала. Рохан еще был завернут в большое полотенце после ванны, когда пришел Мааркен и сообщил новости, полученные Пандсалою с последним лучом заходящего солнца.

— Иноат Оссетский и его сын Йос ушли сегодня в плавание по озеру Кадар. Они должны были вернуться вечером. Но к берегу прибило пустую лодку. Тела были найдены не много позже. Оба мертвы. Рохан.

Рохан опустил на резную кровать.

— Опять смерть. Нет, две смерти... Богиня милосердная... Йос на несколько зим младше Поля. — Он устал на подсвечник. — Чейл не переживет этого. Он их обожал...

— Единственные сын и внук, — кивнул Мааркен. — Я пару раз видел Иноата — он гостил в Крепости Богини, когда я был там. Он мне нравился, Рохан. Иноат был бы прекрасным принцем. — Молодой человек на секунду замялся. — Я попросил Пандсалу прекратить все приготовления к банкету. Я не чересчур много взял на себя?

— Нет, все верно. Спасибо, что подумал об этом. Сегодня вечером вместо банкета состоится похоронный ритуал. — Он провел рукой по мокрым волосам. — Ты ведь знаешь, что это значит. Конечно, неудобно в такой момент говорить о политике, но...

— Ты верховный принц. Думать о политике — твоя обязанность.

Лицо Рохана тронула легкая улыбка.

— Ты очень похож на своего отца: тот — моя совесть. Он успокаивает меня, когда я нуждаюсь в этом, но при случае может и нещадно отругать. Обещай, что будешь делать то же для Поля.

— Я так же принадлежу ему, как мой отец тебе, — улыбнулся в ответ Мааркен.

— А Оссетия будет принадлежать принцессе Гемме. У Чейла нет других наследников.

— Гемма? Его двоюродная сестра?

— Племянница. Ее мать — сестра Чейла.

Рохан заметил, что Мааркен посмотрел на свою руку, где первым кольцом «Гонца Солнца» служил перстень с гранатом, который когда-то принадлежал старшему брату

Геммы, принцу Ястри Сирскому, участвовавшему в войне с Пустыней на стороне Ролстры и погибшему в сражении.

— Неожиданно она стала очень важной леди,— сделал вывод молодой человек.

— И Виз переполнят мужчины, которые будут стараться поймать ее взгляд.

— Меня среди них не будет,— поспешно заявил Мааркен.

— Значит, ты уже кого-то подыскал себе?

Юноша слегка побледнел и покачал головой. Рохан только улыбнулся. Мааркен быстро вернулся к теме, применив тактический маневр, не оставшийся незамеченным его дядей:

— А где сейчас Гемма?

— В Верхнем Кирате, вместе с Давви, братом Сьонед. Они все двоюродные братья и сестры, принадлежащие к роду принцев Сирских. Гемма все еще принцесса и номинально находится под опекой Давви.

— Чтобы выйти замуж, ей потребуется согласие верховного принца.

— А вдруг она выберет человека, которого я не смогу одобрить в роли принца Оссетского? Или, что еще хуже, он будет неприятен Чейлу? Ни я, ни он не согласимся на такое.

— Если ты будешь сильно вмешиваться, то рискуешь быть обвиненным в том, что пытаешься через Гемму приблизиться к рукам Оссетию.— Мааркен с досадой махнул рукой.— А ведь есть еще и Фирон! Одно к одному. Похоже, это не добавит тебе популярности.

— Да, смотреть, как жадный принц пожирает земли и власть...— согласился Рохан.— Ладно, пока не будем об этом. Пандсала умеет плести лунный свет?

— Не уверен. У нее пять колец: это говорит о том, что она ученик. Но я не знаю, как много она успела узнать, пока не покинула Крепость Богини. Я спрошу.

— Хорошо. Если умеет, тогда сегодня вы разделите обязанности дежурного фарадима при принце. Надо сообщить Давви, чтобы он приставил к Гемме телохранителя—если, конечно, это еще не сделано. Пусть Пандсала передаст Чейлу наши и свои соболезнования. Он оценит это. А тебе придется связаться с Андраде. Не думаю, что они с Пандсалою обменялись хоть словом за последние пятнадцать лет. Сьо-

нед захочет узнать все подробности, как только ты передашь ей скорбную весть.— Он встал с кровати и посмотрел на приготовленную одежду.— Пандсала и ее сенешаль уже отдали распоряжение о подготовке к серому трауру... Где здесь проводят подобные ритуалы?

— Для умерших в других государствах — в часовне.

— Да... Я надеялся посмотреть на нее при более приятных обстоятельствах. Мне говорили, что она просто чудо. Мааркен, я ничего не забыл?

— Ничего из того, о чем я могу вспомнить. Ты не хотел бы, чтобы я сам сообщил Полю о случившемся?

— Да, если можешь. Спасибо. А потом найди Пандсалу, и начнем.— Снова зачесав волосы, он добавил: — Напомни мне сказать Полю, что он ни при каких обстоятельствах не должен смотреть на Гемму — разве что в самом крайнем случае. Единственное, чего мне не хватает, так это слуха о том, что их свадьба даст мне и Оссетию. Насколько она старше его? Зим на десять?

— В пятнадцать лет мальчики растут очень быстро,— откликнулся Мааркен.

— Пока непохоже, чтобы его интересовали девушки,— кисло сказал Рохан.

— В пятнадцать лет мальчики растут очень быстро,— повторил Мааркен и ухмыльнулся.

* * *

Свечи, ярко горевшие в начале церемонии, оплыли; их фитили догорали. Рохан стоял спиной к ним, вглядываясь в темноту. Было далеко за полночь, ритуал закончился. Здесь, в часовне, он выполнял обязанности верховного принца. Собрав людей благородной крови и высокопоставленных придворных, он обратился к ним с краткой речью о том, что в лице Иноата и Йоса они понесли тяжелую утрату. Все свечи стояли вдоль задней стены; их владельцы спустились в зал, где ожидал накрытый стол. Рохан подумал, что ему тоже пора вниз. Это уже не был официальный банкет: Рохану хотелось есть, да и Полю было бы легче, если бы отец был рядом. Но там находились Пандсала и Мааркен, кото-

рые могли последить за мальчиком в самые тяжелые моменты, а Рохан еще не был готов присоединиться к ним.

Часовня была прекрасна. В ее центре находилась огромная глыба фиронского хрусталя, выступавшая из отвесной скалы, которая служила стеной замка. Внутри стояли кресла, обитые белым бархатом. Внутренность часовни светилась и под солнцем, и под луной, и под звездами. Однако вскоре после восхода лун небо потемнело, покрытое густыми облаками. Остались только горящие свечи, но их свет был очень слаб.

Где-то рядом с оссетским поселением Атмир на двойном погребальном костре пылали тела отца и сына. Старый принц Чейл и его фарадим будут вглядываться в ночную мглу и ждать, пока Огонь не превратится в пепел; после этого «Гонец Солнца» призовет нежное дыхание Воздуха, чтобы разнести пепел по Земле, которая их родила и которой они никогда не будут править. В честь погребального огня будут всю ночь гореть свечи и в этой часовне, и в накрытой стеклянным куполом маленькой келье Верхнего Кирата у принца Давви, и в центральном зале дворца Волога в Новой Ритии, и в комнате летоисчисления фарадимов в Грэйперле, которую Поль описал во всех внушающих благоговение подробностях. Рохан попробовал представить себе, где в Скайбоуле будет проводить ритуал Сьонед. В Стронгхолде для этого существовало специальное помещение, которого у Оствеля не было. Наверно, Сьонед выберет какое-нибудь место за пределами замка, на берегу озера — возможно, поместит горящие свечи на плот, и они поплывут по темной воде.

Так же проходила церемония в Скайбоуле в память о его отце, о котором Ролстра говорил в этой же самой часовне в ночь, когда тело Зехавы сгорало в Пустыне. Рохан сомневался, что Ролстра говорил от души.

Отвернувшись от свеч, Рохан взглянул на потолок, где мерцающие огни отражались в гранях стекла. Там, где прозрачный свод встречался с каменной стеной, в тридцати шагах от него, стоял столик, на котором находились серебряные и золотые тарелки и два кубка из кованого золота. Куски неотшлифованного аметиста, вставленные в бокалы, как говорили, упали с небес во время первого восхода солнца.

Они были использованы только однажды: когда Ролстра женился на Лалланте. Рохан допускал, что рано или поздно Поль будет стоять здесь и праздновать свадьбу с подходящей девушкой. Повелитель Марки не сможет избежать свадебного обряда именно в этой часовне. Но, несмотря на окружающую его красоту, Рохан не мог отогнать от себя холод. Ролстра правил здесь слишком долго...

Он беззвучно прошел по белому ковру в центр зала — туда, где высоко над головой кристалл встречался со стеклянным потолком. Стекла были вставлены в ажурные каменные рамки, на резку которых, должно быть, ушли годы. Рохан восхищался ручной работой, но недоумевал, почему не чувствует радости ремесленников, создавших это прекрасное творение. Сады его матери в Стронгхолде, дело и гордость всей ее жизни, оставляли совсем другое впечатление. Принцесса Милар с маленьким отрядом садовников превратила скучный двор замка в настоящее чудо: цветы, деревья, террасы, изгибы ручья доставляли людям наслаждение. Работы по обновлению, проведенные им самим в Большом зале, дарили то же ощущение — мастерство ремесленников преобразило его. Эта же часовня, несмотря на всю свою роскошь, была холодным и безжизненным местом, которое не могло согреть даже мягкое мерцание свеч.

Рохан сказал себе, что при ярком солнечном свете все было бы по-другому. Он бы увидел противоположный склон огромного ущелья и текущий далеко внизу Фаолейн. Часовня бы тогда не выглядела стеклянным пузырем, прилепленным в темноте к склону горы, пустынным, холодным и хранящим память о его враге.

Скрипнула дверь, и Рохан быстро обернулся. Вошла Пандсала; тусклый свет превратил ее серое траурное платье и вуаль в расплавленное темное серебро.

— Все спрашивают вас, милорд.

— Я спущусь через минуту. Как вам понравился мой сын?

— Конечно, очаровал всех, как я и ожидала, — улыбнулась она. В темных глазах Пандсалы блеснула гордость.

— Не позволяйте ему дурачить вас приятными манера-

ми. Он может быть ужасен, когда ему этого хочется, и упрям, как шесть человек разом.

— А по-другому мальчики и не могут. Четверо сыновей моего камергера были моими пажами, один за другим, и каждый из них был проказливее предыдущего.— Она вошла в часовню и закрыла за собой дверь.— А так как он мальчик со всеми присущими его возрасту качествами, я бы хотела вас предупредить. Он слышал о старинной легенде, согласно которой, чтобы доказать свою силу и мужество, нужно забраться по склону горы напротив замка. Я боюсь, что он вбил себе в голову выдержать это испытание.

— Я тоже слышал об этом. Смысл состоит в том, чтобы спуститься вниз на канатах: что-то вроде полета. Посмотрим, как это ему понравится.

— Надо запретить ему.

— Разрешите вам кое-что рассказать о моем дракончике,— хмыкнул Рохан.— Если я запрещаю ему что-то, это будет означать, что он должен найти обходной путь, но непременно добиться своего.

— Но ведь это опасно!

— Возможно.

— Он же совсем мальчик!

— Он старше, чем был Мааркен, когда отправился на войну. Пандсала, если я запрещаю ему, он сбежит и сделает все сам. Я могу запретить его в комнате, но он найдет способ удрать и сделать так, как ему хочется. С Полем может помочь только изошренная хитрость, да и то не всегда.

— Но, милорд...— начала она.

— Пойдемте вниз. Я вам расскажу кое-что интересное о нашем упрямом принце.

Рохан едва успел положить себе в тарелку какую-то еду и взять кубок с вином, когда его отпрыск появился из толпы в сопровождении Мааркена.

— Глядите...— прошептал Рохан, и встревоженная Пандсала стала свидетельницей того, как Поль просил разрешения проверить свою силу и мужество в противоборстве со склоном.

— Знаешь, отец, я думаю, это будет нам полезно и с политической точки зрения,— закончил он с восхитительной практичностью.

— Ну да, и дело совсем не в том, что это очень весело,— кивнул Рохан.

— Я уже пробовал лазить по скалам в окрестностях Стронгхолда и Скайбоула,— возбужденно говорил мальчик.— А принц Чадрик даже водил всех своих оруженосцев учиться этому в окрестностях Грэйперла. Это было как раз над океаном, так что у меня есть порядочный опыт альпинизма над водой, и нервничать я не буду. Отец, можно, а? Пожалуйста...

Рохан притворился, что размышляет, хотя решение уже давно было принято; оно было частично внушено советом Пандсалы запретить принцу рисковать жизнью.

— А ты успел подготовиться к этому подвигу?

— Ну, я знаю, что это немного опасно. Но со мной может пойти Мааркен, если захочет, да и Маэта любит лазить по скалам. А если бы нас сопровождала группа людей, которые делали это раньше, то они могли бы показывать нам дорогу. Отец, это совсем не так опасно. И если я собираюсь быть здесь принцем, то мне просто необходимо показать им, из какого теста я сделан.

— Мааркен, что ты об этом думаешь?— Губы Рохана сложились в улыбку.

— Если молодой человек так решительно настроен, то я пойду вместе с ним,— пожал плечами тот.

— Да... Ну что ж, я подумаю.

На лице Поля мелькнуло разочарование, но затем он предпочел истолковать слова Рохана в выгодном для себя смысле.

— Спасибо, отец!

К ним приблизился человек, представленный как Кладон, лорд Реки Ушш, и разговор зашел о другом. Когда Рохан и Пандсала еще раз оказались с глазу на глаз, он повернулся к принцессе и усмехнулся.

— Ну что?

— Кажется, я поняла, милорд. Он обдумывал, как убедить вас, что все будет вполне безопасно, чтобы получить разрешение. Однако если бы вы продиктовали ему эти условия, то он бы обиделся и проигнорировал ваш запрет.

— Совершенно верно. Еще несколько дней он будет изучать проблему и представит мне дополнительные меры

безопасности, а самое главное — будет знать о скалолазании гораздо больше, чем сейчас.

— Но вы уже приняли решение?

— Поль прав: будет отлично, если он докажет, на что способен в столь раннем возрасте. — Он увидел, как у Пандсалы округлились глаза, и правильно истолковал их выражение. — Не думайте, Пандсала, что я не боюсь за него. Однако я не сумею всюду подстилать ему соломку. Я могу направить его по нужному пути, но не уберегу от пары шишек. Это единственный способ воспитать сына мужчиной и принцем, достойным страны, которую он унаследует.

— Простите меня, милорд, однако... — Она заколебалась, но продолжила: — Все мы сегодня получили болезненный урок того, как легко может быть потеряна жизнь принца. Поль слишком большая ценность, чтобы им рисковать.

— Я тоже был таким... — Рохан помолчал, а затем тихо добавил: — Родители дрожали надо мной, пока мне не исполнилось тринадцать лет — обычный возраст для отправки на воспитание к друзьям или родственникам. Меня отпустили к нашему кузену Хадаану в Ремагев — это менее чем в дне пути от Стронгхолда. Там у меня было чуть-чуть больше свободы, но все равно не так уж много. В это время началась последняя война моего отца с меридами. Я неистово хотел проверить себя и отправился на войну, переодевшись простым всадником. Это было чертовской глупостью. Меня сто раз могли убить. Но ведь вы понимаете, они запретили мне, наследнику, туда идти! Мать Маэты, которая до нее командовала стражей Стронгхолда, поймала меня, однако решила поискать другой путь. Она поняла, что меня просто вынудили сделать это, уберегая от опасности всеми правдами и неправдами. У бедной мамы случился сердечный приступ, а отец чуть не лопнул от ярости. И все же потом он посвятил меня в рыцари прямо на поле боя.

— Так вы не хотите толкнуть Поля на что-нибудь подобное? — задумчиво спросила Пандсала. — Но даже в этом случае не стоит пробовать такую страшную вещь...

— Конечно, Сьонед будет вне себя, когда узнает об этом. Но тут уж ничего не поделаешь. Я часто удивляюсь, почему не перестал слушаться родителей гораздо раньше. Наверно,

из-за того, что не представлялось возможности, но иногда я подозреваю, что на самом деле просто боялся отца.

— Со мной было то же,— сказала принцесса, глядя куда-то сквозь него.— Мы все очень боялись Ролстру. Но вы не могли так ненавидеть своего отца, как это делала я.

— И вы до сих пор удивляетесь, почему я разрешаю Полю все? Ему не придется делать что-нибудь столь же безрас-судное, как довелось мне.

— Или стать таким же безнравственным существом, как я. Мы с вами, милорд, действительно ходячие примеры,— бледно улыбнулась Пандсала.— Ну хорошо, я согласна, но только надо будет убедиться, что с ним пойдут мои самые надежные люди.

— Спасибо. Вы ведь понимаете, что все, что мы можем сделать, это принять меры предосторожности, а в остальном уповать на Богиню и ее благосклонность.— Он горько вздохнул.— Честно говоря, вся эта затея очень пугает меня. Но я вынужден разрешить Полю быть тем, кто он есть. Он все равно сделает это независимо от моего разрешения, так зачем же подливать масла в огонь?

— Как пожелаете, милорд.

— Кроме того,— улыбнувшись, сказал Рохан,— дра-кончик хочет летать, и это нормально. Пандсала, я желал бы завтра поговорить с каждым из вассалов. Пожалуйста, устройте это.

— Конечно, милорд.— Она сделала многозначительную паузу, остановилась и попыталась заглянуть ему в глаза.— Знаете, вся разница между вами и моим отцом — и как при-нцами, и как людьми — заключается в одной мелочи. Мой отец в жизни никому не говорил «пожалуйста».

* * *

Полю очень нравилась его новая толстая кожаная курт-ка, которая защищала от холодных порывов ветра, дувшего вдоль склона горы и поднимавшегося от едва видной внизу реки. Две трети лета миновали, и хотя где-то в Пустыне и в Грэйперле еще стояли иссушающе горячие дни, здесь, в го-рах, облака приносили настоящую прохладу. В конце концов получив от отца разрешение на подъем, после четырех дней

детального планирования, проходившего с переменным успехом, Поль панически боялся, как бы ему не помешал поздний летний дождь. Через два дня они уезжали в Виз, так что подъем надо было совершить или сегодня, или никогда.

Впервые с начала ожесточенного сражения с высотой мальчик глянул вниз, и у него захватило дух. До этого он не понимал, как высоко забрался и как далеко под ним река. Он крепче схватился за вбитое в стену стальное кольцо и заставил себя поднять голову, пытаясь оценить расстояние до вершины и вычислить, сколько времени придется туда добираться. Рывок каната, обвязанного вокруг талии, просигнализировал, что ему пора преодолеть очередной отрезок. Он сжал нервы в кулак, не желая признаваться себе самому, что был дураком, решившись на подъем.

Когда руки и ноги нащупали опору, к нему вернулась былая решимость. Это не слишком отличалось от лазания по неровной обветренной поверхности скалы в холмах Вере, за исключением расстояния до земли. Вид был просто поразительный; мальчик действительно ощутил себя родственником драконов. Поль представил, что за спиной у него два крыла, готовые к полету, и он взлетает над ущельем, а каждая струна его тела поет...

— Поль! Внимание!

Крик Маэты вернул принца к действительности и заставил вспомнить, что с драконом у него нет ничего общего. Он вскарабкался наверх, присоединился к ней на крошечном карнизе и с трудом перевел дыхание.

— Нравится? — улыбнулась она. — Ты хорошо держишься. Берись за канат Мааркена, и пойдем дальше.

— Далеко еще? — спросил он, прищурившись и посмотрев вверх.

— Примерно половина того, что уже пройдено. Потом мы поедим, отдохнем и полетим на канате вниз.

— Жаль, что мы не полетели вверх.

Она засмеялась и похлопала его по плечу.

— Знаешь, право на полет надо заслужить. Кроме того, подумай о тихом, спокойном спуске по каньону, когда все останется позади! Да я даже разрешу тебе поспать на лошади. Ну, дракончик, увидимся на вершине!

Женщина двинулась вперед, и Поль наблюдал, как она

подбирается к следующему стальному кольцу. Маэга проде-
ла в него трос и завязала узлом, чтобы обеспечить Полю
страховку на очередном отрезке пути — так же, как делал че-
ловек, шедший первым и обеспечивавший безопасность.
Скоро на карниз рядом с Полем поднялся и тяжело дышав-
ший Мааркен.

— Должно быть, я сошел с ума, если согласился на это.

— Оба мы хороши, — заметил Поль. — Я сорвал себе все
ногти. — Он поднял кровоточащие, расцарапанные об
острый, шершавый камень руки и улыбнулся двоюродному
брату. — Но дело того стоит. Взгляни!

Казалось, что Мааркен впитывает в себя небо, деревья
и склоны: взгляд молодого лорда жадно задерживался на
всем. Поль любовался дикими цветами, прилепившимися
к склону горы.

— Это чудо! — воскликнул Мааркен. — И все же я не
решаюсь посмотреть вниз. Когда я это сделал, то чуть было
не расстался с завтраком. Не уверен, что смогу завтра вы-
браться из кровати: Но ты прав, игра стоила свеч! — Он
вгляделся в каньон и показал пальцем: — Это твой отец
и Пандсала?

Поль покачнулся и чуть не потерял равновесие. Мааркен
схватил его за плечо и внимательно всмотрелся в лицо.

— Спасибо, — нетвердо сказал кузен. — Думаешь, они
нас видят?

— Твою голубую куртку видно за полмеры отсюда!

— Да и ты не очень-то замаскировался, — усмехнулся
Поль, показывая пальцем на красное одеяние двоюродного
брата.

Последовал очередной рывок каната, и Поль продолжил
подъем. Потратив на это дело половину утра, он уверился
в том, что все делает правильно, но горный кряж, состояв-
ший из огромных валунов, снова превратил пятнадцатилет-
него юношу в ребенка. Иной раз ему приходилось порядком
потрудиться, чтобы дотянуться до выступа; плечи, руки
и ноги начинало сводить от напряжения.

— Какого черта мне понадобилось доказывать, что
я взрослый? — пробормотал он, карабкаясь к нише и с тру-
дом доставая до нее.

Сейчас бы он предпочел сделать это совсем по-другому,

не покоряя вершины. Последние несколько дней Поль провел за разговорами с людьми, которые номинально были его вассалами, а также с послами других государств. Предупреждение Рохана, что принц должен уметь слушать даже очень скучных людей, оказалось весьма кстати. Иногда Полу было трудно держать глаза открытыми. Однако было очень интересно наблюдать за теми, кто смотрел то на него, то на Рохана, один из которых был настоящим владыкой Марки, а второй им числился. По этим людям было непонятно, серьезно ли их интересует мнение Поля или они обращаются с ним снисходительно, как с мальчиком, притворяющимся принцем. Хорошо бы быть постарше, думал он, пытаясь найти опору для ног. Например, возраста и роста Мааркена, с его непринужденностью и авторитетом. Он цепился к очередному кольцу и вдруг услышал звяканье металла. Что-то серое и слегка ржавое пролетело мимо и обрушилось к каньон. Взглянув вверх, он увидел Маэту, распластавшуюся на стене и раскинувшую в стороны руки и ноги.

— Маэта!

— Проверь кольцо, Поль! Быстрее!

Он проверил кольцо, и от ужаса на секунду замерло сердце. Штырь, вбитый в скалу, был почти сломан. При нагрузке он выдержит лишь его собственный вес, а то не выдержит и его.

— Вылетает, да? — затаив дыхание, спросила Маэта.

Поль еще раз осмотрел место соединения штыря и скалы.

— Подпилен!

— Я так и думала. — Она помолчала, а потом добавила: — Мой трос перетерся.

— Должно быть, человек над тобой...

— Не думаю. Он не стал бы рисковать своей жизнью.

Поль, развяжи трос, который соединяет нас.

— Нет! — Он понял, о чем его просят. — Если ты чуть отпустишь руки, то упадешь!

— А если я потяну за канат, связанный с тобой и кольцом, мы упадем вместе.

— Маэта, я могу залезть к тебе...

— Нет! — крикнула она с такой силой, что галька струйкой потекла из-под ненадежной точки опоры под ее левым ботинком.

— Послушай меня, родич, — сказала она чуть помягче. —

Это не просто случай. Кольцо, которое только что упало, было кем-то подпилено. Моя вина, что я этого не заметила. Я прошу прощения у моего принца.

— Маэта, ты только держись. Я лезу к тебе. Никто из нас не упадет.

— К черту, отвяжи трос! Я не собираюсь падать. Но если я упаду, то ни ты, ни Мааркен не сможете меня удержать. Тем более, что кольцо едва держится. Давай, Поль! Чем дольше ты будешь это делать, тем дольше мне придется оставаться в таком положении.

Он смирился и сделал так, как его просили.

— Оставайтесь на месте! — крикнул Мааркен, все еще стоявший на карнизе ниже их. — Я обвяжу канат вокруг камней!

— Мааркен, не дай ей упасть!

Поль не мог видеть, что делал его брат, только предполагал. Не отрывая глаз от Маэты, принц молился, чтобы она нашла более безопасное положение. Женщина отыскивала щель, еще одну, нащупывая более надежную опору, которая позволила бы немного ослабить напряжение в мышцах.

— Поль, не шевелись. — Мааркен был уже почти под ним. — Я привязал канат к нескольким обломкам скалы и предупредил всех, кто ниже нас. Дай мне проползти мимо тебя, и я привяжу другой конец к Маэте.

Поль распластался на скале, пока Мааркен пробирался вверх, находя опоры там, где никто их не делал.

— Ей стало полегче, — сказал мальчик, удивляясь спокойствию собственного неузнаваемого голоса. — А теперь что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Спускайся к краю, хватайся за канат и хорошенько закрепись. — Мааркен замолчал, поставил ногу поувереннее и начал подъем к Маэте.

Вверх с помощью рук было двигаться гораздо легче, чем спускаться вниз с помощью ног, держась руками за выбоины в скале. Он уже почти достиг узкого карниза, когда неожиданно услышал тонкий свист, заставивший его вздрогнуть. Стальной наконечник стрелы выбил искру из камня на расстоянии протянутой руки от его головы.

— Мааркен! — завопил он.

— Спрячься за валун!

Очередная стрела ударилась в камень рядом с кистью Мааркена. Поль перебрался в более безопасное место и стал смотреть на замок Крэг. Должно быть, стрелы летели оттуда, пущенные чьей-то злобной рукой из мощного лука, способного преодолеть такое расстояние. Но башни были слишком далеко, чтобы увидеть лучника, который мог прятаться в любом из сотни окон.

Пандсала будет в ярости, некстати подумал он.

Мааркен добрался до Маэты и мог коснуться ее лодыжки. Скалолазы над ней уже спустили новый канат, и она пыталась его поймать. Мааркен закричал Маэте, чтобы она держалась. Еще две стрелы со зловещим звоном ударили в скалу. Поль свернулся за камнями, стиснул руки, на его лбу выступил холодный пот.

— Ну, давай, давай, пожалуйста...

Мааркен подтянулся вплотную к Маэте, рука лорда обхватила ее талию. Маэта вдруг кашлянула и очень удивилась. Ее рука медленно потянулась назад и нащупала торчавшую в спине стрелу с коричнево-желтым оперением. Это были цвета меридов.

Ее пальцы разжались, тело изогнулось дугой. Поль увидел мертвое лицо и темные, уже слепые глаза. Целую вечность она падала из рук Мааркена, отчаянно пытавшегося ее удержать, затем пролетела мимо серого склона скалы, мимо Поля, мимо острых зубцов и наконец исчезла в темной глубине каньона.

Стрел больше не было. Поль повернулся лицом к замку Крэг и увидел яркую вспышку пламени, взметнувшуюся над верхней башней. Единственный луч света в тенистой громаде замка казался огнем далекого факела, но из пламени виднелись руки, раскинутые в тщетной попытке избежать смертельной муки. Огонь «Гонцов Солнца», приносящий в жертву человеческую жизнь. Факел погас и исчез...

Он почувствовал руку Мааркена у себя на плече и услышал тяжелое дыхание.

— Поль, ты цел? Не ранен? Ну скажи что-нибудь!

Он смотрел на Мааркена, ничего не понимая. Пот и слезы стекали по лицу брата, а на его лбу виднелась глубокая рана, окруженная раздутым синяком.

— Я-то цел,— услышал он свой голос,— а вот ты...

— Это только царапина, не обращай внимания. Постойм здесь, пока ты не перестанешь дрожать.— Сильная рука Мааркена обвила его.

— Я не дрожу,— сказал Поль и только теперь понял, что трясется всем телом. Он уткнулся лицом в плечо брата.

— Тс-с... она стоит гораздо больше наших слез, Поль, но это единственное, что мы можем дать ей. И даже за это она бы на нас ворчала.

— Если бы она не заставила меня развязать канат...

— Тогда бы мы потеряли и тебя,— горько сказал Мааркен.— Хвала Богине, что у женщин есть мужество.

Они помолчали, и объятия Мааркена немного ослабли.

— Теперь все в порядке? — спросил он, вытирая щеки.

Поль кивнул.

— Я найду того, кто стрелял, и убью.

— Пандсала уже сделала это. Ты видел Огонь. Она убила его с помощью своего дара.

Потрясение сменилось отчаянной радостью, что лучник уже мертв. Но на смену радости тут же пришел гнев. Пандсала действовала слишком решительно, убив человека, которого следовало допросить.

— Она за это ответит,— сказал Поль.— Я здесь принц и единственный, кто может осудить человека на казнь. Если подпиленные кольца не сработали бы, тогда дело должен был завершить лучник. Почему Пандсала не приказала схватить его?

— Я уверен, у нее найдется хорошее объяснение.— Мааркен помахал рукой остальным скалолазам, которые медленно спускались к карнизу.— Разве можно осуждать человека, который спас нам жизнь? Или ты предпочел бы умереть сам?

— Нет. Но она не должна была его убивать, особенно таким образом.

— Вспомни, чья она дочь.

— И чей сын я.— Поль провел рукой по глазам и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.— Ты видел стрелы, Мааркен? Коричневое с желтым. Мериды.

— А то кто же?

Пандсала была не просто в ярости. Как отцу или сестре Янте, ей хотелось наказать кого-нибудь еще. Того, на кого можно было бы обрушить ужасный гнев, стыд и страх. Она видела, как мерид сгорел дотла в огне «Гонца Солнца», и лишь присутствие верховного принца удержало ее от попытки собственными руками задушить начальника охраны замка, который позволил предателю проникнуть в Крэг.

Рохан с окаменевшим лицом отвернулся от корчащихся, смердящих языков пламени и взгляделся в склон горы напротив, где Полю и Мааркену помогали забраться на вершину скалы. Он обошел вокруг догоравшего трупа и встал у прохладной стены, приложив к ней ладони. Перед ним раскинулось ущелье — величественное и смертоносное. Среди скал кипел Фаолейн, весь в белой пене. Если бы это была Пустыня, в небе уже кружили бы стервятники. Но здесь не Пустыня, и обезображенное тело Маэты, выброшенное на острые камни, найдут далеко ниже по течению реки, если найдут вообще. Могила в темной воде не очень подходит для женщины, привыкшей к светлому песку и бескрайнему небу.

Он знал, что Пандсала стоит позади. Ее гнев заставил Рохана удивиться собственному смертельному спокойствию. Он должен был бы рычать от ярости, приказывая начать ответные действия против меридов, спрятавшихся в долинах Кунаксы. За сегодняшний день они дважды угрожали жизни его сына. Северная армия под командованием Вальвиса уже собралась на границе. Стоит лишь сообщить Сьонед через Мааркена по лучу солнечного света, и вторжение начнется.

Но он знал, что этого не будет. Все улики потеряны — стрелы с их красноречивым цветным оперением, лицо с возможным шрамом на подбородке, навсегда умолкший рот, который мог выдать личность убийцы и тайну его проникновения в замок Крэг... Закон есть закон, а действовать без улик означало уподобиться отцу Пандсалы Ролстре, верховному принцу, который поступал так, как он хотел, и плевал на закон.

Рохан видел, что Пол и Мааркен, которым уже ничто не грозит, поднимаются на вершину скалы. Там они немного

отдохнут, а затем пойдут по тропе, которая приведет их к мосту через реку выше по течению. Только глубокой ночью они смогут вернуться в замок Крэг, и лишь тогда Рохан сможет взглянуть в лицо своему живому и здоровому сыну.

— Милорд... — начала Пандсала.

— Нет. — Он коротко глянул на нее, а затем на жалкую кучку серо-черного пепла на камнях. — Не сейчас. — Принц медленно пошел по ступеням, спирально спускавшимся к центральной части замка. Его целью была хрустальная часовня, поблескивавшая в свете солнца. Граненое шлифованное стекло отбрасывало радуугу на белый ковер, мебель, золотую и серебряную посуду на столе. Рохан подошел к дальней стене и опустился на пол, подогнув под себя ноги и привалившись спиной к камню в том месте, где тот сливался с поверхностью кристалла. Отсюда он мог видеть склон горы, наблюдать за сыном, спускающимся вниз по ущелью, и знать, что тот в безопасности... Только надолго ли?

Рохан склонил голову и закрыл лицо руками. Что толку от власти, если он даже не может защитить своего сына? Сейчас он страстно желал обрушиться на меридов всей мощью своего войска, не обходя вниманием и принца Мийона Кунакского за то, что тот дает им убежище. Тобин сочла бы попытку покушения отличным поводом для начала вторжения, даже более подходящим, чем нападение Кунаксы на Фирон. Почему бы Рохану не сделать то же?

Но он хотел сделать не только это. Он хотел принять приглашение Фирона и заявить свои права на эту территорию, затем приказать шурина Давви немедленно выдать наследницу Чейла Гемму за одного из его двух сыновей и этими родственными связями частично обеспечить будущую безопасность Поля. Нет, тоскливо напомнил себе Рохан. Какие там родственные связи, если Сьонед Полю не родная мать?

Янте его мать. Янте, дочь Ролстры, верховного принца и тирана. И вот здесь, в окрестностях замка Крэг, Поль чуть не погиб. Неужели злобный дух Ролстры остался где-то рядом, и это именно его Рохан смутно чувствовал той ночью?

Он повернул лицо к лучам солнца и всем телом ощутил его тепло. Ни присутствие Ролстры, ни его пример не дол-

жны заразить Поля. Рохан не отдаст приказа о захвате Кунаксы, не будет брать под контроль и Оссетию, не будет играть в политику с девчонкой, чьей единственной виной является то, что она родилась принцессой. Он имел сомнительное удовольствие наблюдать, как Ролстра использует своих дочерей в качестве ставки на торгах, видел армии Ролстры на территории Пустыни, начавшие войну из-за личных счетов принцев.

Он не станет уподобляться Ролстре. А если кто-то расценит это как слабость — его дело; на свете не так много людей, чьим мнением он дорожит.

Рохан увидел радугу на белом ковре. Среди красочных пятен попадались совершенно бесцветные места. Часовня в лучах солнца была гораздо лучше, краски пели гимн своему принцу-фарадиму. А вот обстановку, которой Ролстра заполнил часовню, придется сменить.

Он встал, медленно обошел по периметру хрустальную клетку и приблизился к богато украшенному орнаментом столику. Его пальцы стиснули кубок, оправленный золотом и украшенный аметистом. Кубок хрустнул, и драгоценная безделушка исчезла в ущелье, где ее приняли темные воды Фаолейна.

* * *

Несмотря на изнурение и боль в перетруженных мышцах, Поль старался держаться. Однако его тело с трудом подчинялось продиктованному гордостью приказу стоять прямо, как следовало сыну верховного принца и верховной принцессы. Когда Поль вошел в огромный пиршественный зал, его не интересовали ничьи глаза, кроме тех, которые были похожи на его собственные и выражение которых так же строго контролировалось.

Тихий шепот пробежал по толпе вассалов, послов, придворных. Поль с трудом воспринимал их, большая часть его сознания была сосредоточена на отце и на постыдной необходимости поддержки. В тот момент, когда надо было вести себя как мужчина, он чувствовал, что сейчас ему позарез нужны крепкие объятия отца.

Рохан поднялся с трона, спустился на четыре шага и, по-

ложив руку на плечо сына, спокойно улыбнулся. Его жест и выражение лица были совершенно обычными. Поль почувствовал лишь, с какой любовью длинные пальцы сжали его плечо. Затем верховный принц посмотрел на толпу поверх головы мальчика, и они оба повернулись к собравшимся.

— Мы благодарим Богиню и жителей замка Крэг за спасение нашего возлюбленного сына. С такой защитой мы, без сомнения, будем править Маркой долго и справедливо.

Раздались аплодисменты, и Поль ощутил, что отец напряжен и из последних сил сопротивляется желанию прижать его к груди. Он понял, почему: сейчас они были не отцом и сыном, а верховным принцем и его наследником. Оглядевшись, он удивился, что на лицах людей вокруг были написаны неподдельные радость и облегчение. Никто здесь не желал ему смерти, он был в этом уверен. Просто кое-кто из них не стал бы слишком долго печалиться после его похорон.

Поль с Мааркеном последовали за Роханом на возвышение, и там Поль занял место между отцом и Пандсалою. Лицо принцессы-регента было бледным и безжизненным, она не смотрела на мальчика. Мааркен сел по другую руку от Рохана, такой же уставший и измученный, как и Поль, и так же решительно настроенный не показывать этого.

В зале наступила тишина.

— Расскажите нам, как это случилось,— промолвил Рохан.

Начал Поль. Они не стали менять одежду и умываться. Он хотел, чтобы все видели их синяки и грязь. Мальчик особо выделил, что Маэта пожертвовала собой. Надо было, чтобы это поняли все, и если голос принца прерывался, никто не мог его винить. Когда речь зашла о цветах стрелы, принесшей ей смерть, тихий ропот пробежал по залу. В конце речи принц воздал должное тем, кто помог ему и Мааркену выбраться из ущелья. В дороге он еще раз уверился, что хорошо запомнил их имена.

— Я глубоко признателен,— закончил он речь после короткой паузы,— за то, что вы позаботились обо мне сегодня, и очень сожалею, что не смог завершить восхождение полетом на канате и подвел вас....

Закончить ему не дали.

— Подвел? — крикнул кто-то. — Да это мы вас подвели!

— Плоха традиция, которая могла стоять нам нашего принца! — добавил другой голос.

— И все-таки я попробую еще раз, — упрямо сказал Поль. — Тогда я непременно добьюсь своего и совершу прыжок. И сделаю все сам, от начала до конца!

— Не надо! Позвольте мне сказать! — В проходе между рядами появилась большая, сильная фигура Кладона, лорда Реки Уишш. — Вы доказали свое мужество, а испытание было предназначено именно для этого. Мы не хотим рисковать вами еще раз, молодой принц!

— Но ведь мне никогда не представится более удобный случай полететь, как дракону! — Поль сразу осознал, насколько по-детски это звучит, и его щеки вспыхнули. Однако хотя по залу и прокатился смех, он был добрым, понимающим и даже восхищенным. Мальчик смутился, но тут же услышал тихий шепот отца:

— Хорошо сказано! Теперь они твои, дракончик!

Он понял, что сам того не сознавая сказал что-то очень умное. Законченное восхождение, конечно, подняло бы авторитет Поля в глазах высокородных людей Марки, но попытка покушения заставила их так дорожить Полем, как это не смогло бы сделать ничто другое. А его клятва совершить повторное восхождение только подкрепила их решимость. Теперь он действительно принадлежал им, все они провозгласили его своим принцем.

Это чувство заставило Поля ощутить неловкость, смутно напоминавшую то, что он испытал во время приезда: казалось, его снова подают на блюдечке с голубой каемочкой. Лишь чуть позже он понял: объявляя его принцем, эти люди одновременно клялись ему в верности. Отец прав. Теперь они полностью принадлежат ему. Если он теперь принадлежит им, то они — ему.

— Я думаю, лорд Кладон, что мы обсудим это как-нибудь в другой раз, — сказал Рохан, покосившись на Поля и стараясь сочетать во взгляде отцовскую твердость и волю принца одновременно. По толпе пробежал еще один смех, и Кладон поклонился, вполне удовлетворенный словами Рохана.

— В данную минуту,— продолжил верховный принц,— мы рады, что он вернулся в целости и сохранности.

— Я... я хотел бы кое-что добавить.— Поль был польщен тем, что при первом же звуке его голоса наступила полная тишина.— Когда мы найдем Маэту... Она рассказывала мне, как ей нравится эта земля... Мне хотелось бы совершить ритуал здесь, чтобы хотя бы малая ее частичка осталась в Марке, перед тем как ее пепел вернется в Пустыню.

— Хорошо сказано, ваше высочество!— Лорд Дреслав из Большого Вереша встал, и его кубок взметнулся вверх.— За нашего юного принца!

Чуть позднее, когда оба принца остались одни в комнате Поля и вновь стали только отцом и сыном, Рохан крепко обнял мальчика и прижал его к груди. Поль, дрожавший от усталости, тоже прильнул к отцу. Прошло несколько минут, прежде чем мальчик успокоился и смог его отпустить.

— Ты ведь не против, правда? Я про ритуал Маэты.

— Нет, это была хорошая мысль, как с политической точки зрения, так и чисто по-человечески. Я знаю, что она захотела бы стать частичкой той земли, которой когда-то будешь править ты. Здесь говорят, что из пепла мертвых растут цветы.— Рохан тяжело опустился в кресло и потер глаза.— Но лично я предпочел бы, чтобы меня оплакивал ветер Долгих Песков. Пообещай мне, что где бы я ни нашел свой конец, ты привезешь меня домой.

— Ты не можешь умереть. Прошу тебя, не надо так говорить!— Он встал на колени около кресла и схватил отца за руку.

— Прости меня.— На лице Рохана мелькнула улыбка.— Я немного устал, да и твой подъем в гору не добавил мне жизни.

— Не надо было туда идти. Тогда Маэта была бы жива.

— И мерид, угрожавший тебе, тоже. Никогда не жалею о случившемся и не думай о том, что было бы, если бы да кабы, Поль.

— Мама будет очень переживать,— прошептал мальчик, положив щеку на колено отца.

— Мааркен найдет нужные слова, чтобы ей объяснить. Я думаю, она все поймет.

— Но зачем Пандсала убила лучника именно так?

— Твоя мать... однажды сделала то же самое. Я думаю, это она поймет тоже.

Поль попытался представить, как его мать делает то же, что и Пандсала, и перед его взором очень легко возникли зеленые глаза, пристально глядящие перед собой в тот момент, когда она призывает Огонь для защиты того, кого любит.

— Именно поэтому они с леди Андраде и не ладят,— неожиданно сказал Рохан.— Честно говоря, я думаю, что Андраде много чего сказала бы по этому поводу, и Пандсале это едва ли понравилось бы. Однако я сомневаюсь, что Андраде ее накажет. Пандсала нарушила обет, но этим спасла тебе жизнь.

— Отец, ты одобряешь то, что она сделала?

— Этого человека необходимо было схватить живьем и допросить. Я мог получить веский довод, необходимое свидетельство их коварных замыслов, чтобы с полным правом захватить Кунаксу и уничтожить меридов раз и навсегда.— Его взгляд упал на темное окно.

— Но ведь тебе все равно хочется это сделать,— уверенно сказал Поль.

— Без юридических доказательств я ничего не могу предпринять.— Он посмотрел на Поля сверху вниз.— Ты это понимаешь? Понимаешь, что как бы я тебя ни любил и как бы за тебя ни боялся, я не могу нарушить закон, который сам помог составить?

— Конечно, я понимаю,— сказал мальчик, скрывая изумление, что отцу приходится перед ним оправдываться.— Кроме того, я думаю, что за всем этим могут стоять вовсе и не мериды. Скорее тот человек, который заявляет, что он сын Ролстры.

— Не исключено.— Рохан потер глаза.— На Риалле может быть гораздо хуже.

— Я буду осторожен.

— Не думаю, что до этого времени будет еще одна попытка. Им придется действовать более тонко. Не всем нравится то, что ты однажды станешь править двумя странами одновременно, да еще и добрым куском Фирона в придачу. Я не хочу, чтобы ты тревожился понапрасну, но ты должен понимать, против каких сил мы выступаем.

— Спасибо за то, что сказал «мы». Ты еще никогда так не говорил,— тихо произнес Польш.

— Что, правда?— прищурился Рохан.

— Ни разу. Обычно это ты и мама, или ты и Чейн, или ты и Мааркен, но я никогда не принимался в расчет.

— Кажется,— смущенно сказал отец,— ты сегодня ошеломил не только всех остальных, но и меня самого. Ты начал взрослеть. Очень хорошо. Мы— я имею в виду тебя и меня— должны очень серьезно поговорить. Однако мы еще вдобавок должны хорошенько выспаться. По крайней мере, до полудня. И это приказ, выполнения которого требуем мы, верховный принц и твой отец.

Польш скорчил гримасу, а потом рассмеялся.

— Однажды я залезу на эту скалу и полечу вниз. Ведь недаром я Сын Дракона!

— Пока ты еще дракончик. Давай, лети в кровать и хорошенько выспись.

ГЛАВА 14

Андри обвел взглядом людей, собравшихся его выслушать, и попытался успокоить неожиданно забившееся от волнения сердце. Он уже израсходовал все возможные доводы, пытаясь заставить Андраде позволить проводить ему, а не Уривалю, эксперимент с формулой из Звездного Свитка. Весь день он мучился, с нетерпением ожидая неминуемой перспективы доказательства его теории. Но неожиданно мысль о том, что древнее колдовство сработает, заставила его задрожать. Он проглотил комок в горле и постарался успокоиться.

Для показа он выбрал маленькую кухню в библиотечном крыле здания. Выбор был сделан не только потому, что эта часть замка ночью была тиха и пустынна, но и потому, что здесь присутствовали необходимые в данном опыте источник проточной воды и очаг, на котором следовало варить зелье. К тому же это была старейшая часть замка (он нашел его план в одной из исторических рукописей), и если дух леди Мерисели и обитал где-то в Крепости Богини, то только здесь.

Уриваль и Морвенна должны были по плану быть объектами опыта, надзор за которым взяла на себя Андраде. Вместе с ними была и Холлис. Она ободряюще улыбнулась Андри, но в ее глазах сквозило напряжение. Она верила в его расшифровку свитка, и поэтому ей не разрешили принимать участие в эксперименте. Вместо этого Холлис будет ему ассистировать и станет дополнительным свидетелем того, что произойдет.

— Я выбрал мазь, о свойствах которой сейчас вам не

скажу, так что ваша реакция будет свободна от какого-либо постороннего влияния,— начал он.— Я сделал два варианта смеси: один в соответствии с рецептом, а другой— так, как предписывает шифр, которым написана рукопись.

— Я надеюсь, это можно будет вылечить методами нашей медицины,— непринужденно пошутила Морвенна, но ее тревожный взгляд скользнул по стоявшим на столе емкостям.

— Ну конечно.— Он взглянул на свою двоюродную бабушку, на лице которой не дрогнул ни один мускул; этому качеству можно было только позавидовать, однако ее пальцы неритмично постукивали по подлокотнику кресла. Андри нервно сглотнул и попытался изобразить улыбку.— Поверьте мне, там нет ничего опасного. По крайней мере, ничего такого, от чего мы не могли бы извлечь в одну секунду.

— Ну, тогда начинай поскорее,— сказал Уриваль.

Андри указал им на два кресла, повернутые к двери, спинками к очагу, и на стол, за которым он будет работать с двумя небольшими котелками. Холлис встала рядом с ним, держа наготове чистую простыню и ведро с водой. Андраде поставила свое кресло так, чтобы все видеть, в том числе Уриваля и Морвенну.

— Я хочу каждому из вас дать несколько порций. Вы не сможете видеть, из какого котелка я буду их брать. Они могут быть настоящими, либо их комбинацией в любом порядке.— Когда на столе все было готово и испытуемые отвернулись, он рискнул бросить еще один взгляд на Андраде. Ее изящная бровь поползла вверх в немом вызове. Леди хотела, чтобы он сдался и согласился, что все это чепуха. Затеянное было слишком опасным. Андри знал, что это сработает, и не поддавался на провокацию.

— Пожалуйста, вытяните вперед правые руки,— сказал он. Взяв полную ложку вязкого, теплого, пастообразного вещества из одного медного котелка, Андри намазал немного на ладонь, на бугорок большого пальца, каждому из двоих испытуемых. Несколько мгновений спустя Уриваль наполовину повернулся в кресле.

— Ну и что? Никакой реакции.

— Так и должно быть. Эта паста была изготовлена

в точном соответствии с рецептом. Холлис, пожалуйста, ополосни им ладони.— На этот раз он погрузил ложки в оба котелка и нанес немного на руку Уривалью и Морвенне. Она вздрогнула, сама не зная, чего ожидать, но Уриваль действительно задохнулся от удивления и боли.

— Бог Штормов! Рука горит огнем!— Его пальцы дрожали, ладонь подергивалась, стараясь стереть пасту, как будто та действительно причиняла сильную боль.

— Быстро, смой ее!— сказал Андри Холлис. Когда она это сделала, мышцы медленно расслабились, и с лица Уриваля сошло напряжение.

— Я так понимаю, что это действует,— холодно заметила Андраде, машинально барабанила пальцами по крышке стола.

— Да, миледи,— сказал Андри.— Морвенна, пожалуйста, погрузи руки в воду. Спасибо. Есть какие-нибудь последствия, Уриваль?

— Немного гудит, но боль ушла.— Он внимательно осмотрел большой палец, касаясь бугорка на ладони.— В следующий раз оставь немного подольше. Я хочу проверить, распространится ли боль на всю руку.

Андри ничего не сказал, однако почувствовал на себе взгляд Андраде, подобный голубому льду. Затем он нанес очередную порцию зелья из разных емкостей на руки своим подопытным. Уриваль выругался, пот градом покатился по его лбу. Глубокие морщины на лице натянулись от боли, а рука судорожно задергалась.

— Нет, оставь, оставь,— с трудом выдохнул он.— Боль распространяется по всей кисти! О Богиня!

Андри страдальчески сморщился, когда пальцы сене-шала завязались узлом, а мышцы чуть не вырвали кости из суставов. Свободная рука Уриваля так сильно стиснула рукоятку кресла, что дерево едва не треснуло. Холлис подбежала, чтобы удалить все с руки, но он стиснул зубы и потряс головой.

— Хватит!— воскликнула Андраде, когда его кисть начала судорожно изламываться. Не успела Холлис омыть его руку холодной водой; как голова Уриваля откинулась, глаза закрылись, лицо посерело. Леди бросила на Андри тяжелый взгляд.— Ты доказал свою правоту.

— Но это несправедливо, что Уриваль будет единственным! — Морвенна повернулась в кресле и протянула обе руки. — Давай одну настоящую, а другую поддельную. Я не знаю, какая откуда.

Андри посмотрел на леди, та лишь коротко кивнула. Он нанес обе пасты на руки Морвенны, и пальцы на ее левой руке немедленно стали скрючиваться. Дыхание с трудом прорывалось сквозь стиснутые зубы.

— Мапочка! Он был прав — вся рука в огне!

Андрате встала, схватила ведро с водой и опустила в него руку Морвенны.

— Поздравляю, — бросила она Андри. — Ты был прав. А сейчас немедленно уничтожь это отвратительное варево!

— Но...

— Уничтожь! — прикрикнула она. — И скажи спасибо, что я не приказываю уничтожить заодно и Звездный Свиток! Если это один из образчиков той мудрости, которая в нем заключена, то его просто необходимо сжечь!

— Нет! — беспомощно воскликнул Андри. Холлис предупреждающе положила руку на его локоть, и юноша умолк.

— Придержи язык, — сказала ему Андрате, — и никому ничего не говори. Ты меня понял, Андри?

— Да, миледи, — пробормотал он.

Когда Морвенна пришла в себя, она, Уриваль и Андрате покинули маленькую кухню. Никто не сказал ни слова. Андри скользнул в кресло рядом с очагом и уставился на языки пламени в безысходном молчании, как будто на его плечи лег непосильный груз. Холлис стояла рядом, глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Она ослепла от страха, — пробормотал Андри. — Она не понимает.

— Возможно, ты выбрал неправильный способ, — предположила Холлис. — Да, это было очень зрелищно, но делать что-то такое, что причиняет боль, это не самый мудрый выбор.

— А что еще я мог предложить? Я не могу заставить кого-нибудь заболеть, а потом вылечить его, используя что-то из Звездного Свитка. — Он встал и принялся расхаживать по мозаичному полу. — Но я был прав, Холлис. Я был *прав*! Она просто не хочет этого признавать! Знаешь ли ты, что

там говорится о дранате? Что он излечивает болезнь драконов, которая нам известна под названием чумы! Леди Мерисель написала в свитках, что дранат может лечить болезни, и мы знаем, что это так, потому что уже видели, что так оно и было. Если бы мы знали об этом раньше, если бы у нас были свитки, тогда бы мой брат Яни, леди Камигвен и многие другие все еще были бы живы! А она говорит о том, что Звездный Свиток надо сжечь!

Холлис, обычно тихая, яростно обернулась к нему.

— Неужели ты не понимаешь, *почему* она боится? Андри, ей семьдесят зим! Она видит, что от свитка исходит угроза. И дело не в том, что она заросла мхом, нет! Просто она уже старая, и у нее не осталось времени, чтобы справиться с опасностью, которую ты ей показал! Разве ты не видишь?

Он растерянно уставился на Холлис. За все то время, пока Андри тайком ставил себя на место Андраде, на место правителя Крепости Богини, он впервые подумал о том, что когда-то тоже станет старым, когда-то ему тоже не будет хватать времени строить планы и видеть, что из них получится. А потом он умрет...

Очевидно, Холлис увидела в его лице нечто такое, что ее удовлетворило.

— Это не значит, — продолжала женщина более спокойно, — что она не хочет знать о содержании Звездного Свитка. Она боится того будущего, до которого ей не суждено дожить. Она свою жизнь прожила. Думаешь, она за себя боится?

— Но она не может приказать мне сжечь его. *Не может.*

— А я и не думаю, что она это сделает. Она знает, насколько это важно. Но вместе с тем она видит опасности, которых не видишь ты. — Холлис устало вытерла лоб. — Прости, но я хотела бы, чтобы ты тоже боялся.

Он молча взял два медных котелка со стола, подошел к огню и вылил их содержимое на горящие угли. Немедленно по кухне распространилось жуткое зловоние, заставившее его задохнуться и со всех ног броситься подальше от очага. В носу загорелось. Холлис, также получившая порцию дыма, упала в кресло, закашлялась и сползла на пол. Андри отчаянно огляделся, ничего не замечая сквозь застилавшие

глаза слезы. Он схватил простыню, намочил ее в воде и разорвал на две части, прижав первую к своему носу, а вторую — к побелевшему лицу Холлис.

— Дыши! — приказал он.

Через минуту жжение прошло, поглощенное каплями воды. Однако глаза их продолжали слезиться, да и кашель принимал. Когда оба пришли в себя, Андри присел на корточки и озабоченно посмотрел на Холлис снизу вверх.

Она вытерла глаза и попыталась улыбнуться.

— Кажется, мы перевели еще очень мало, чтобы знать об этом. Теперь ты мне веришь?

— Да. Извини, Холлис. — Он склонил голову и почувствовал, что молодая женщина нежно гладит его по голове.

— Послушай меня, братец — потому что я надеюсь, что скоро ты действительно станешь моим младшим братом... Ты смел, смышлен и намного умнее, чем тебе положено, а твой дар гораздо больше, чем ты себе представляешь. Я люблю тебя, Андри, и из-за тебя самого, и из-за Мааркена.

— Но?.. — приглушенно спросил он.

— Ты молод. Нужны годы, чтобы научиться терпению, мудрости и осторожности. Не позволяй своей силе и разуму ослепить тебя только из-за того, что ты чересчур юн.

Он взглянул на Холлис, собираясь сказать, что будет мудрым и осторожным. Но смертельная усталость, написанная на ее лице, заставила юношу забыть обо всем.

— Холлис, что с тобой? Ты ужасно выглядишь!

Она тихонько фыркнула.

— Еще одна вещь, которой тебе придется научиться, это как разговаривать с женщинами. Правильно было бы сказать: «Ты выглядишь немного усталой. Почему бы тебе не отдохнуть?» Однако не обращай внимания. Я найду Сеяста и попрошу его сварить мне чашку его особенного тейза. Он творит чудеса!

— Я бы и сам не прочь попробовать его, — заметил Андри.

— Он клянется, что рецепт ему по секрету сообщила одна старая ведьма в горах, — улыбаясь, сказала она.

Андри усмехнулся и встал на ноги.

— Которая заставила его поклясться никому не откры-

вать эту тайну, иначе она вырвет ногтями его глаза и из живого вымотает жилы...

— Андри! — проворчала она. — Не смейся. Мааркен говорил, что в детстве ты боялся ящериц, потому что думал, что это детеныши драконов, которые выползли из своих нор, чтобы сжечь тебя своим огненным дыханием!

— Очень естественное предположение! Но я считаю, что над ведьмами смеяться не стоит. — Он красноречиво посмотрел на дверь, за которой скрылась Андраде. — Иди спать. Я сам наведу здесь порядок. И все-таки ты выглядишь ужасно!

Она рывком поднялась на ноги.

— Что случилось с той долей знаменитого обаяния твоего отца, которую ты должен был унаследовать?

— Храню ее для той девушки, которая еще не обещала выйти замуж за одного из моих братьев!

* * *

Было очень поздно, и Рияну постоянно приходилось себя щипать, чтобы не уснуть. Следить за леди Киле в ее ночных прогулках по Визу и его окрестностям всегда было очень скучным занятием, и сегодняшняя ночь не была исключением.

Благодаря естественным наклонностям общительной натуры, а равно тайным мотивам и банальной скуке у Рияна появилось в Визе несколько друзей. Его приятель, слуга отца Джайяхин, а иногда и компаньон по выпивке в местном трактире, слышал от одного лакея, который слышал от поваренка, который слышал от горничной леди Киле (за коей — горничной, а не Киле — этот поваренок ухаживал), что леди приказала седлать лошадь для вечерней прогулки. Конюх согласился, чтобы Риян помог ему готовить кобылу, так что выточить глубокий желобок в подкове было делом техники. След будет хорошо заметен на влажной после вчерашнего дождя земле, и Риян сможет легко держаться за хвостиком.

Одного из слуг он поставил перед дверью, чтобы тот всем отвечал, что Риян лежит в постели с легкой простудой. Незаметно выскользнуть наружу через многочисленные две-

ри было проще простого. И вот он уже притаился в кустах, наблюдая за домиком, спрятавшимся в небольшой роще. Окна были закрыты черными занавесками, но случайные лучи света прорывались то здесь, то там, маня его подойти поближе. Юноша не хотел поддаваться этому желанию. Он не знал, сколько людей может быть внутри. Ему совсем не улыбалось, чтобы его поймали. Хотя вокруг и не было видно охраны, это еще ни о чем не говорило.

Всю весну и раннее лето он следил за Киле не смыкая глаз. Чаще всего она посещала дома важных персон города, включая и отца Джайяхин. Несомненно, эти визиты были связаны с подготовкой Риаллы, однако Риян сильно подозревал, что появление Киле часто было для хозяев полнейшим сюрпризом. Она выходила каждые восемь-десять дней, и однажды Риян проследил ее до домика в гавани. Расследование, проведенное на следующий день, выявило там только здорового матроса и уродину-служанку, так что он даже представить себе не мог, что может их связывать с леди Визской. Риян больше не видел, чтобы она заходила в этот дом. Его собственный визит туда, без сомнения, в тайне сохранить не удалось, и внутрь он больше заходить не решался.

Однако сегодня след подковы привел его от городских ворот к загородному поместью. Риян потерял леди в лесу, так как был не слишком знаком с окрестностями Виза. Хотя он и проводил много времени в загородных прогулках с Джайяхин, но обычно у них находились более интересные занятия, чем долгая ходьба. Однако желоб в подкове сослужил юноше хорошую службу, и Рияну осталось лишь вызвать язычок Огня, чтобы понять, куда исчезла Киле.

Впрочем, в прогулках Киле могло не быть ничего зловещего — обыкновенное свидание с любовником. Риян не осудил бы ее за это, потому что Лиелл был редкостным тупицей, но Киле производила на него впечатление женщины холодной и расчетливой, признававшей лишь две страсти: властолюбие и ненависть. Он прекрасно помнил слухи, которые ходили о ее отце Ролстре и сестре Янте.

В последние дни в доме царила странная атмосфера. Чiana, не раз и не два получившая резкий отпор Рияна, наконец отстала от него и полностью преклонила на Лиелла. Казалось, Киле этого даже не замечала. Большую часть време-

ни она проводила вне дома, ссылаясь на то, что готовится к Риалле. Но иногда Риян видел ее сидящей за столом, на котором были раскиданы листы бумаги. Киле смотрела куда-то в пространство, и на губах ее играла таинственная, жесткая улыбка.

Выждав какое-то время, достаточное, чтобы убедиться, что никто не разгуливает вокруг дома с мечом в руке, охраняя тех, кто находился внутри, Риян подошел ближе. Он был хорошо знаком с привязанной рядом кобылой, поэтому животное не шарахнулось и не выдало ржанием его присутствие; он благодарно похлопал лошадь по шее и подкрался к окнам.

Через щель в занавеске виднелась часть комнаты. Это был чистый, опрятный, довольно скромно обставленный дом обеспеченных, но не слишком богатых людей. Яркий свет заставил его замигать. Киле как раз проходила мимо окна, и Риян невольно шарахнулся в сторону. На ней было легкое летнее платье из зеленого шелка, и Рияну почудилось, что он слышит шелест ткани, колеблющейся в такт ее нетерпеливым шагам. Риян скосил взгляд, изо всех сил пытаясь разглядеть фигуру, которой с этой точки не было видно.

Железная рука схватила его за плечо.

— Какого черта ты тут делаешь? — прошипели ему в ухо.

Он чуть не завопил от испуга. Другая рука зажала юноше рот и не дала сделать это. Риян подумал, не стоит ли вступить в схватку, отверг эту мысль из-за неминуемого шума и готов был пустить в ход сапожный нож, когда вдруг понял, что на руке, зажимавшей ему рот, были кольца. Тут он совершенно успокоился и показал свою собственную руку.

— Так... — выдохнул голос, и его тут же отпустили.

Вслед за незнакомцем Риян отошел подальше от дома. Очутившись в спасительной тени деревьев, он увидел тонкий язычок Огня, плясавший на кустах высотой по пояс, и чуть не вскрикнул снова.

— Клеве? — прошептал он. — А ты-то что здесь делаешь?

Мужчина принужденно улыбнулся.

— Конечно, то, что делаю всю жизнь: выполняю приказ леди Андраде.

— Я тоже! Она велела мне следить за Киле...

— Не думаю, что это означало ходить за ней по всему Визу и даже дальше.— Клеве опустилсЯ в пыль и покачал головой; Риян сел на корточки рядом.— Не могу сосчитать, сколько раз мне приходилось прятаться и от тебя, и от Киле во время ее маленьких ночных прогулок!

— Ты хочешь сказать, что... и я не видел тебя?

— Конечно, нет. Сосчитай свои кольца, «Гонец Солнца». А потом сосчитай мои.— Клеве добродушно похлопал его по плечу.— Ты сильно вырос с тех пор, как мы встречались в Скайбоуле.

Клеве был одним из немногих странствующих фарадиров, который по повелению Андраде бродил по разным странам, наблюдая и докладывая о таких вещах, про которые ведать не ведали «Гонцы Солнца», прикрепленные ко двору того или иного принца. Он сыграл важную роль во время войны, разразившейся в год рождения принца Поля, а в детстве Рияна время от времени навещался в Скайбоул, чтобы немного отдохнуть, насладиться хорошей компанией и вкусной едой. В благодарность Клеве снабжал Оствеля самыми свежими новостями, и дежурной шуткой атри было предложение Клеве занять место его придворного фарадима. Все знали, что Клеве ненавидит любые стены— от городских до окружавших крошечную крепость: он чувствовал себя счастливейшим из смертных, странствуя по скудным, неприветливым землям Кунаксы, Марки и северной Пустыни.

— Зачем ты забрался в такую даль?— спросил Риян.

— А ты? Неужели Клута отступился и выставил тебя из крепости Суэйл, потеряв надежду на нового рыцаря?

— Он тоже не доверяет ни Киле, ни Лиеллу,— усмехаясь, ответил Риян.— А рыцарем я стану на ближайшей Риалле. Надеюсь, отец тоже приедет, так что если ты немного задержишься, то увидишь его.

— Постараюсь не упустить такую возможность. Ты знаешь, что замышляет Киле?

— Я знаю про дом у пристани...— начал он.

Клеве фыркнул.

— Ты хоть догадываешься, что спугнул ее? Я готов был задушить тебя!— Он жестом погасил маленький язычок

Огня и пристально всмотрелся в дом.— Возвращайся в город, Риян. Я справлюсь без тебя.

— Леди Андраде велела мне следить,— упрямо возразил юноша.

Клеве обнял Рияна за плечи.

— Если бы я позволил, чтобы с тобой что-нибудь случилось, Андраде убила бы меня, а твой отец для верности отрезал бы мне голову. До сих пор ты был в безопасности, поскольку не видел и не слышал ничего важного. Но если мои подозрения верны, сегодня здесь так опасно, что ты просто не можешь себе представить.

— Что ты раскопал?

— Кое-что,— уклончиво сказал Клеве.— Все должно проясниться этой ночью. Кстати, ты сослужил мне хорошую службу: следя за тобой, я нашел Киле. В последнее время она частенько оставляла меня с носом.— Он поднялся на ноги.— Хочу посмотреть и послушать. Лучшей помощью мне будет, если ты вернешься в город. Там на Новой Нижней улице живет золотых дел мастер по имени Ульрикка. Завтра утром встретимся у этой женщины. А теперь бери ноги в руки.

Риян готов был взбунтоваться.

— Клеве...

— Может, ты и «Гонец Солнца», и без пяти минут рыцарь, но эта работа не для тебя. Хочешь, чтобы я пересчитал свои кольца и воспользовался властью, которую они дают мне?

— Но все-таки...

— Тогда делай то, что тебе говорят. Ступай, ступай. Путь неблизкий.— Клеве подкрепил приказ чувственным толчком.— Говорю тебе, все узнаешь завтра.

— И все же лучше бы мне остаться...— пробормотал Риян.

* * *

Андри не мог уснуть. Юноша готов был пойти к Холлис и попросить ее применить заклинание, которому она научилась у Уривая, но вежливость требовала дать ей отдохнуть. Независимо от того, подействовал ли на нее напиток, изготовленный Сеястом по рецепту его знакомой ведьмы, она

была измучена. Натягивая на себя одежду, он покачал головой и порадовался, что вырос в просвещенном месте, где рассказы о ведьмах и им подобных считали сказками, годными лишь на то, чтобы пугать детей.

И все же... Андри уже вышел на лестницу, когда его пронзила странная мысль. Кое-что в Звездном Свитке можно было назвать самым настоящим колдовством. Даже название его было красноречивым: «О колдовстве». А вдруг Сеяст действительно знаком с одной из древних? Он был склонен думать, что мальчик знал какую-нибудь травницу, знавшую целебные растения и умевшую составлять из них лекарства, а не настоящую колдунью, владевшую древней магией. Но ведь кто-то следил за ними в тот вечер, когда Меат доставил свитки, и следил, используя не солнечный или лунный свет, а слабое, едва заметное мерцание звезд. Спускаясь по лестнице, Андри слегка вздрогнул и решил как следует расспросить Сеяста о его ведьме.

Он шел в библиотеку по безмолвным коридорам крепости. Почти дойдя до двери комнаты, в которой хранились свитки, Андри вспомнил, что ключ остался у Холлис. Вознамерившийся провести ночь за успокоительным чтением свитков, Андри впал в уныние и стал думать, что бы еще могло унять его тревогу. Прогулка по саду? Конечно, можно было сходить на конюшню и проведать своего коня. Андри почувствовал себя виноватым: он совсем забросил Майсенеля, пока сидел за свитками. Когда Андри стал оруженосцем принца Давви, отец подарил ему жеребенка, коему предстояло носить на себе рыцаря. Однако Андри не суждено было им стать. А Сорину, в тот же год уехавшему ко двору принца Волога, подарили брата-близнеца этого жеребенка. Это было красиво: двойняшки для двойняшек. Но Сорин использовал своего Джосенеля по назначению — так, как хотел отец: в этом году брату предстояло стать рыцарем. Внезапно юноша подумал: должно быть, Чейн ужасно разочарован, что его третий сын не сделал то же самое. Но если это так, сумеет ли отец скрыть свое разочарование?

Двор крепости был пуст, если не считать вышедших на охоту кошек. Андри прошел на конюшню, ожидая услышать только слабые шорохи, издаваемые сонными лошадьми. Од-

нако его испугал звон уздечки. Он пошел к источнику звука, бесшумно ступая по свежему сену.

— Холлис! — выпалил он, не в силах сдержаться, когда увидел ее длинные рыжевато-золотистые волосы. — Что ты здесь делаешь?

Она резко обернулась и выпустила из рук уздечку. В сене лежало готовое седло, которое Холлис собиралась надеть на резвую маленькую кобылку, несколько лет назад подаренную Чейном Андраде; несмотря на старость, леди Крепости Богини еще ценила быструю езду на хорошей лошади. Несколько мгновений Холлис смотрела на него, а потом наклонилась и подняла уздечку. Металл позвякивал в ее дрожащих пальцах.

— Я просто... думала покататься.

— Это ночью-то? Ты вообще ложишься сегодня?

Холлис пожала плечами, повернулась к нему спиной и принялась надевать на лошадь кожаные ремешки. Андри оперся локтями о низкую дверь стойла и нахмурился. Холлис любила лошадей и верховую езду — иначе она едва ли годилась бы в жены будущему лорду Радзинскому — но это было уже чересчур.

— Может, составить тебе компанию? — осторожно предложил он.

Холлис решительно потрясла головой, и распущенные волосы рассыпались по ее плечам. Пальцы впелись в черную гриву лошади, тело задрожало. У Андри отвисла челюсть, когда он услышал вырвавшийся у Холлис жалобный вскрик. Он распахнул дверь, подошел поближе и стал неуклюже гладить Холлис по спине, мечтая о том, чтобы здесь оказался Мааркен и утешил ее. Должно быть, именно Мааркен является причиной ее слез, подумал Андри.

Перестав плакать, Холлис повернулась к нему и попыталась улыбнуться.

— Извини. Я не всегда бываю такой дурой.

— Знаешь, не стоит тебе так переживать из-за Риаллы, — сказал он, пытаясь проверить свою догадку. — Мои родители полюбят тебя не меньше Мааркена.

Холлис заморгала, и Андри понял, что она меньше всего на свете думала о его брате. Она даже не пыталась скрыть этого, и тут Андри по-настоящему испугался.

— Ты устала,— продолжил он, подыскивая предлог, который мог бы объяснить ее поведение.— Тебе ведь так и не удалось поспать. Иди наверх, Холлис.

Она покорно кивнула. Андри взял у нее из рук уздечку, повесил ее на гвоздь и положил седло на место. Когда он обернулся, Холлис исчезла.

Он догнал ее во дворе и взял за руку. Она тихонько вскрикнула и шарахнулась в сторону.

— Ох! Как ты меня напугал! Что ты здесь делаешь ночью?

Холлис вела себя так, словно сцены в конюшне не было. Ни выражение ее лица, ни глаза не говорили о том, что они только что виделись...

— Не спится. Я ходил в библиотеку, чтобы поработать над свитками, но ты забрала ключ.

— Он наверху, в моей комнате.— Она безнадежно оглянулась на конюшню.

— Знаю,— сказал он, еще более заинтригованный этой странностью.— Ладно, попробую лечь и постараюсь уснуть.

— Может, книжку почитать?— предложила она, становясь похожей на себя.— Я знаю несколько книг, которые заставят тебя захрапеть через две страницы.— Она засмеялась, но в смехе ее слышалось безумие, и Андри, которого чуть было не успокоило возвращение к Холлис чувства юмора, снова наострил уши. Она была взбалмошной, игривой, как молодая кобылка, и ничем не напоминала рассудительную, практичную Холлис, которую он знал.

* * *

Клеве шагнул к дому, надеясь, что Риян сделает то, что ему велели. Чертов мальчишка! И чертова Андраде, пославшая Рияна заниматься тем, с чем прекрасно мог управиться сам Клеве. И все же он должен признать, что присутствие молодого человека оказалось полезным. Без Рияна он никогда не нашел бы Киле.

Клеве двигался вдоль дома, пытаясь найти открытое окно, которое позволило бы ему услышать, что творится внутри. Вдруг окно широко распахнулось, чуть не ударив его по лицу. Он прижался к стене, крепко сжал зубы, чтобы не

выдать себя удивленным возгласом, и стоял так, пока не задернулась занавеска, за которой зажегся свет.

— Проклятое пекло! Жарче, чем в Пустыне в разгар лета! — прорычал мужской голос. — Если я должен буду носить эти тряпки, тебе придется долго отстирывать мой пот!

— Ты ужасно неосторожен! Я уверена, что за мной никто не шел, но если ты думаешь, что мы в безопасности, то сильно ошибаешься!

— Замолчи, Киле!

— Как ты смеешь мне приказывать! Кто велел тебе сегодня приходить в город? Кто велел делать глупость за глупостью?

— Мне надоело сидеть взаперти! Ты держишь меня там уже целую вечность! А какой в этом смысл? Все равно меня здесь никто не знает!

— Да тебя узнает первый же встречный и попадет в самую точку!

— Если бы мой бывший тюремщик пил не просыхая, не было бы на свете человека мудрее его. Но нет, он, видно, не допил, а потому побежал к тебе и настучал на меня!

Затем раздался какой-то звук — наверно, упал стул. Киле тихонько вскрикнула и выругалась, а мужчина засмеялся.

— Успокойся. Ты пришла, чтобы читать мне лекцию, а я не расположен ее слушать. Может, лучше поговорить об одежде, как ты думаешь?

— Либо ты научишься держать язык за зубами и делать то, что я скажу, либо погубишь всех нас, Масуль!

Когда мужчина заговорил снова, в его голосе звучала ярость дикаря.

— Меня тошнит от необходимости сидеть в клетке, тошнит, когда ты говоришь мне, что можно, а что нельзя, но больше всего меня тошнит от твоих сомнений! Когда же ты собираешься признать меня тем, кто я есть, дорогая сестрица?

У Клеве внезапно задрожали колени, и фарадим вцепился в побитую непогодой деревянную стену.

— Попробуй надеть тунику, — сказала Киле с неумолимостью горного ледника.

Клеве подтянулся, пытаясь проникнуть взором сквозь тонкие черные занавески. Мышцы «Гонца Солнца» протестующе заныли, когда он сделал неуклюжую попытку обо-

гнуть цветущий куст, который мог выдать его своим шелестом, но усилия Клеве оказались вознаграждены: он увидел голову Масуля, просовывавшуюся в элегантную темно-фиолетовую бархатную тунику.

Однажды, много лет назад, Клеве по поручению Андраде шел в Эйнар. На пути его чуть не растоптала группа высокородных, выехавших на охоту. Естественно, никаких извинений не последовало; наоборот, их молодой предводитель велел какому-то жалкому «Гонцу Солнца» убираться с дороги и радоваться, что он остался цел. Они рассмеялись и поехали дальше. Клеве доставило истинное удовольствие тайно последовать за ними и спугнуть оленя, за которым они охотились, наслав буйный ветер, дувший животному прямо в хвост. Вернувшись в Крепость Богини, он насмешил Андраде, рассказав ей эту историю. Еще большее удовлетворение она испытала, когда Клеве показал в Огне лицо предводителя. Она мгновенно узнала молодого человека. Именно это лицо он увидел теперь — зеленоглазое, с высокими скулами, сластолюбивое. Если бы не борода, юнец мог бы считаться живым портретом верховного принца Ролстры.

Ошеломленный Клеве сполз по стене в траву. Значит, слухи были правдой, его подозрения оправдались. Самозванец существовал, и Киле укрывала его. Наверно, она обучала мальчишку манерам отца и всему остальному, готовя претендента на престол к появлению на Риалле. Так вот зачем ей понадобилось приглашать Чиану! Теперь Клеве все понял. Унижение Чианы должно было придать дополнительный вкус заваренному Киле тейзу. Сам Отец Бурь не смог бы поднять такую бучу, какую с помощью Киле поднимет Масуль.

В доме по-прежнему звучали голоса, но он больше не обращал на них внимания. Масуль примерял одежду — полдюжины нарядов, которые должны были придать ему величественный вид и одновременно подчеркнуть сходство с Ролстрой. Клеве откинул голову и прикрыл глаза, снова представляя себе обоих. Да, сходство не подлежало сомнению. Но был ли он настоящим сыном Ролстры? А если да, то что из этого следует? Имел ли он права на Марку? Тщательно поразмыслив, Клеве пришел к выводу, что имел. Рохан разбил Ролстру много лет назад и по законам войны объ-

явил Марку своей. Но в любом случае — даже если Масуль и не тот, за кого себя выдает — многие принцы предпочтут поверить ему, чтобы навредить Рохану.

Политические интриги не его дело, напомнил себе Клеве. Он обязан сообщить важные новости Андраде, а принимать решения будет леди Крепости Богини. Это как раз по ней. Фарадим поднялся на ноги, чувствуя ломоту в костях после вчерашнего дождя. Ему нужны тишина, уединение и лунный свет. «Гонец Солнца», крадучись, отошел от дома, ничего не видя и не слыша вокруг и стремясь поскорее оказаться среди деревьев, где он недавно расстался с Рияном.

Что-то встревожило его; краем сознания он уловил какой-то невнятный шепот, но не успел опомниться, как услышал мужской голос:

— Ты была права, Киле. За нами действительно следили.

Длинная, мускулистая рука схватила Клеве за запястье; казалось, пальцы впились прямо в кость. «Гонец Солнца» вырвался, выругался и устремился к привязанной неподалеку кобыле. Масуль только засмеялся, когда Клеве схватился за поводья, вдел ногу в стремя и сделал попытку сесть верхом. Тяжелый кулак обрушился на его зад, заставив фарадима скорчиться от боли. Клеве потерял равновесие и растянулся на земле.

— Я говорила тебе, что что-то слышала! — тонко и пронзительно выкрикнула Киле. — Масуль, и что мы будем с ним делать?

— Первым делом выясним, что он знает.

Клеве догадывался, что последует за этим. Он заставил себя подняться на ноги, оперся на седло и поднял руку.

— Вы ответите перед леди Андраде! Я фарадим!

Пользуясь темнотой, он принялся лихорадочно сплетать лунный свет, но понял, что это безнадежно: Огонь осветил зеленые глаза Масуля, в которых стояла смерть. Молодой человек смеялся, и от этого низкого, добродушного смеха стыла кровь в жилах.

— Я всегда хотел познакомиться с фарадимом.

Клеве испытал искушение нарушить данную на всю жизнь клятву не использовать свой дар для убийства. Инстинкт самосохранения и необходимость передать важные сведения Андраде боролись со всем, чему его учили, с профес-

сиональной этикой и моральными принципами. Он повернулся к лунному свету и оперся спиной о бок лошади, когда Масуль ударил его коленом в пах. Вспыхнул Огонь, и инстинкт заставил Клеве начать с лихорадочной скоростью сплетать пряди лунного света. Едва «Гонец Солнца» закончил плетение, из глубин мозга хлынула откликнувшаяся на его призыв умопомрачительная энергия. Масуль мертвой хваткой стиснул руку Клеве, и тот упал на колени, окутанный лунным светом. Бешено перебирая пряди, он боролся и из последних сил пытался развернуть свиток, который мог бы достичь Крепости Богини.

Ледяной холод коснулся его левого мизинца и тут же сменился жгучей болью.

— Палец за пальцем,— сказал Масуль.

В юности, сражаясь для собственного удовольствия с горными разбойниками, которые ценили жизненные блага куда больше, чем «Гонцы Солнца», Клеве получил немало ударов ножом и мечом. Но когда стальной клинок Масуля отрезал ему палец, фарадим почувствовал себя так, словно его тело разрубили на куски и рассекли каждый нерв. Пряди лунного света окутали его тело, как хрусталь, и задрожали. Мозг резали осколки стекла. Он застонал; этот звук тут же стал красками, которые вонзились ему в голову и в тело, словно новые клинки. Теперь ему вырезали большой палец на правой руке, и Клеве застонал снова.

— Не убивай его! Мы должны выяснить, что он знает и что успел рассказать Андраде!

— Всего два пальца. От этого не умирают. Что за трус — ты только послушай, как он скулит!

Клеве был не в состоянии бороться с болью, которая полосовала его изнутри. Еще один палец упал в растекшуюся на земле лужу крови. «Гонец Солнца» умер прежде, чем ему успели задать первый вопрос: умер не от потери крови или физического шока, но от стали, которая раз за разом пронзала Клеве, когда он пытался использовать свой дар фарадима.

Как только Сегев нашел на полке Звездный Свиток, за дверью библиотеки послышались голоса. Он застыл на месте, вытянув пальцы, которые готовы были прикоснуться к драгоценной добыче. Усилием воли юноша погасил крошечное пламя, которое он вызвал, чтобы оглядеться в темноте, приказал себе подождать, успокоиться и вспомнить, насколько он близок к успеху. Кто бы ни явился в библиотеку, он скоро уйдет. Сегев заранее спрятался между стеллажами и дождался ухода Андри, так что может подождать еще.

Именно голос Андри он и услышал.

— Если ты считаешь труды Вильмода скучными, то попробуй почитать Дорина. Вильмод по крайней мере приводит какие-то аргументы, но Дорин просто пересказывает чужие мысли!

Голос доносился из комнаты, расположенной ниже маленькой каморки, в которой были заперты свитки и другие драгоценные манускрипты. Сегев, который принялся быстро подыскивать себе убежище, с облегчением перевел дух, когда вспомнил, что книги, о которых говорил Андри, стоят на другом конце хранилища. Однако второй голос снова заставил юношу напрячься, поскольку это перечеркивало все его планы.

— А я думала, что самым лучшим снотворным являются учебники по сельскому хозяйству, — насмешливо сказала Холлис.

Сегев услышал их удаляющиеся шаги и развил бешеную активность. Он не успел прикоснуться ни к чему, кроме замка, а потому не надо было терять время на то, чтобы ставить что-то на место. Юноша позволил себе потрогать кожаный тубус со Звездным Свитком, затем шагнул к двери, выскользнул наружу и с еле слышным щелчком захлопнул дверь. Сунув ключ в карман, он проклял Андри, который все испортил. Холлис, послушная внушению, которое Сегев провел сегодня вечером, потчuya ее тейзом, приправленным драконом, как и было предусмотрено, отправилась на конюшню седлать лошадь, требовавшуюся Сегеву для поспешного бегства. Сейчас, когда на лошадь рассчитывать не приходилось, все было кончено.

Прячась в тени, он крался ко входу в библиотеку, но снова замер, когда услышал приближающиеся голоса. Рядом оказалась ниша со столом для занятий и креслом. Сегев сел, раскрыл оставленную кем-то книгу и положил голову на сложенные руки.

— Ой, Андри, посмотри...— тихо сказала остановившаяся рядом Холлис.— Я его и не заметила. Бедный мальчик!

— Да, совсем заработался...— прошептал Андри.— Разбудим его?

— Если мы не сделаем этого, завтра у него будет болеть шея.

Нежная рука коснулась головы юноши и заставила Сегева задрожать от возбуждения. Он не мог забыть проведенную с Холлис ночь; это было выше его сил... Сделав вид, будто неожиданно проснулся, Сегев пробормотал:

— Извините, Морвенна, я забыл ответ... Ох!— Он заморгал и сел. Холлис весело и дружелюбно улыбалась ему, а Андри усмехался, прижимая к груди какой-то свиток.— Что случилось? Я уснул?

— Да, и боюсь, довольно давно.— Холлис взъерошила его волосы.— Пошли спать, Сеяст.

Он блестяще разыграл сцену внезапного пробуждения вечно недосыпающего ученика, завершив ее сладким зевком. Андри бросил любопытный взгляд на раскрытую книгу, и брови его поползли вверх — в точности как у Андраде.

— Трактаты Магновы? Это же для старших классов!

Сегев обрадовался, что слышал об этой книге, и застенчиво пожал плечами.

— Конечно, много непонятных слов, но интересно...

— Это потому, что большинство их заимствовано из старого языка,— заметил Андри.— Как, очень тяжело приходится?

— Да, милорд, но с каждым разом становится легче.— Дерзость заставила его добавить: — Немножко похоже на чтение свитков.

Измученному Андри ответила Холлис:

— Он жил в горах, а тамошние диалекты куда ближе к старому языку, чем наша речь. Он интересуется историей и не раз помогал мне.

Молодой «Гонец Солнца» задумчиво кивнул.

— Может, ты и мне поможешь с переводом?

Сегев едва не закричал от восторга.

— Смогу ли я, милорд?

— В древних рукописях часто встречаются трудные места и масса слов, значения которых я не знаю. Я был бы благодарен тебе за помощь.

— Ох, спасибо! А я был бы счастлив работать с вами и леди Холлис...— Он бросил заранее рассчитанный восхищенный взгляд на золотоволосого «Гонца Солнца» и получил в ответ улыбку. Темно-голубые глаза Холлис светились от удовольствия.

Уголки губ Андри чуть приподнялись. Он увидел именно то, что старался внушить ему Сегев: мальчика, безответно влюбленного в женщину много старше себя.

— Завтра я поговорю об этом с леди Андраде. А пока всем пора спать, правда?

После того, как Сегев произвел на Андри нужное впечатление, ничего не стоило проводить Холлис до дверей ее комнаты. Он сделал вид, будто хочет полюбоваться видом из окна, а на обратном пути бесшумно сунул ключ в стоявшую на столе маленькую серебряную чашу, где тот лежал прежде. Сегев тянул время как мог, желая ей спокойной ночи, а затем вернулся в свою маленькую комнату без окон.

Реакция наступила, когда он закрыл за собой дверь. Комната была освещена горевшими в жаровне угольями — впрочем, необходимыми не столько для света, сколько для борьбы с сыростью: толстые стены не просыхали даже летом. Юноша сел на кровать, задумчиво вытянул руки и посмотрел на свои дрожащие пальцы. Сегодня ночью он едва не попался. Не хотелось думать о том, что сделала бы с ним Андраде, если бы узнала, кто он такой и с какой целью прибыл сюда. Достаточно было бы и того, что он отравил Холлис дранатом.

Но его не поймали. Да, конечно, он не завладел Звездным Свитком и не скакал галопом на север, к Миреве. Но случилось иное, и это было даже к лучшему. Если Андри действительно привлечет «Сеяста» к работе над свитками, если тот получит к ним постоянный доступ и научится тому, о чем не имеет понятия даже Мирева... Или имеет, но ни за что не станет учить его таким опасным вещам. Руваль был тем, ко-

го она выбрала, чтобы допустить к тайным знаниям; Руваль, чьим единственным преимуществом было то, что Янте родила его первым...

Третий сын Янте сидел, обняв колени, и улыбался. Он был рад, что не сумел выкрасть свиток, рад, что сможет остаться здесь. Если он правильно сыграет свою роль, то изучит все, что может ему предложить Звездный Свиток, наряду с секретами фарадимов, которые будут в него вдалбливать изо дня в день. Может быть, даже его включат в свиту Андраде и возьмут на Риаллу. Он нравится Холлис, и та может отказаться ехать без него. Она попросит у Андраде разрешения взять его с собой.

Так почему бы не подождать? Настанет день, когда он, Сегев, бросит вызов самому верховному принцу.

* * *

Когда Киле галопом проскакала мимо, Риян прижался спиной к дереву. Он слышал крики, слабые, но хорошо различимые в ночной тишине, успел вовремя спрятаться, а затем вновь побежал к сельскому домику.

К тому времени, когда он пришел на место, там было тихо и пустынно. Некоторое время Риян следил за домом из укрытия, а потом, дрожа от возбуждения, решился приблизиться к жилищу. Дверь была не заперта. Он осторожно заглянул в нее и увидел, что внутри пусто. Было видно, что здесь жили люди, но ушли отсюда в крайней спешке. Юноша снова вышел наружу, обошел дом, ища ключ к тому, что здесь произошло, но так ничего и не обнаружил. У одной из стен была потревожена пыль и помята трава, но это могло быть работой кобылы. От Клеве не осталось и следа.

Риян, тревога которого нарастала с каждой минутой, еще раз обследовал дом. Он обнаружил еду, использованную посуду, измятую постель и несколько частей одежды, принадлежавшей высокому, атлетически сложенному мужчине. Вернувшись на улицу, юноша поглядел на луны, испытывая желание воспользоваться ими и обшарить всю эту местность в поисках Клеве. Однако память о запрете Андраде отрезвила его — впрочем, как и обещание Клеве встретиться с ним завтра утром у золотых дел мастера. Риян посмотрел на

свои четыре кольца с таким видом, словно они его предали. Этих знаний хватало лишь на то, чтобы пользоваться солнечным светом, но не позарез необходимым ему, сейчас светом лун.

Едва неба коснулся первый рассветный луч, Риян вернулся в город и проскользнул в свою комнату. Тревога не помешала ему несколько часов проспать непробудным сном и проснуться как раз вовремя, чтобы к назначенному часу успеть в мастерскую золотых дел мастера.

Но Клеве там не было.

Продолжение в следующей книге серии «Монстры Вселенной»

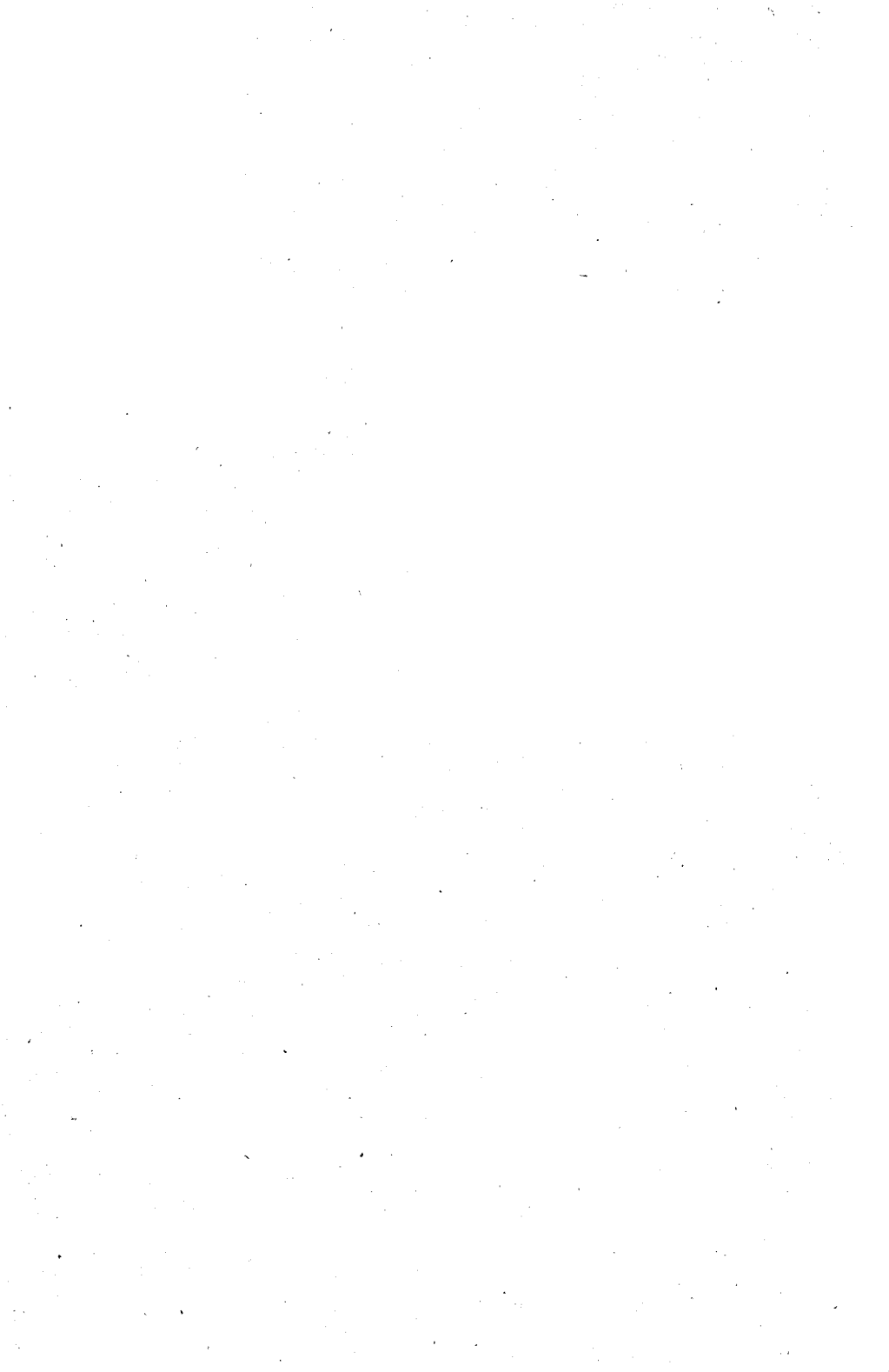

СОДЕРЖАНИЕ
КНИГА 2. ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

Часть 1. Свиток

Глава 1	15
Глава 2	39
Глава 3	54
Глава 4	76
Глава 5	99
Глава 6	116
Глава 7	141
Глава 8	159
Глава 9	183
Глава 10	203
Глава 11	224
Глава 12	243
Глава 13	263
Глава 14	291

Мелани Роун
ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

Книга 2, том 1

Трилогия «Принц драконов»

ЛР № 061382 от 03.07.92 г.

Сдано в набор 5.03.96. Подписано в печать 25.03.96. Формат 60×90/16.
Объем 20 п. л. Печать офсетная. Тираж 20 000 экз. Заказ 152.

ТОО «Транспорт», г. Москва, ул. Верхоянская, 6.

Можайский полиграфкомбинат Комитета по печати РФ.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ПО ВОПРОСАМ РЕАЛИЗАЦИИ
ОБРАЩАТЬСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ**

289-02-84

М. РОУН ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

МВ